НК
X-89
D
38247
4° Russ. 837 (1
Н·К
X-89

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ И ОПИСАНІЕ НИЖНЯГО-НОВГОРОДА,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ,

составленные Н. Храмцовскимъ.

ИЗДАНІЕ

В. К. Мичурина.

Съ 28-ю видами и 2-мя планами, снятыми съ натуры *Быстрицкимъ*, гравированными на камнѣ.

Часть первая.

(ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ.)

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.

Въ Губернской Типографіи.

1857.

4° Ross. 837 f/1

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

И

ОПИСАНІЕ НИЖНЯГО-НОВГОРОДА,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ,

составленные Н. Храмцовскимъ.

ИЗДАНІЕ

В. К. Мичурина.

Съ 28-ю видами и 2-мя планами, снятыми съ натуры *Быстрицкимъ,* гравированными на камнѣ.

1.

Часть первая.

(ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ.)

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.

Въ Губернской Типографіи.

1857.

19245

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 15 Сентября 1856 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

Fg 183/98 186

Отъ издателя.

Краткій Очеркъ Исторіи и Описаніе Нижняго-Новгорода, составленные Н. И. Храмцовскимъ, издаются въ пользу Богоугоднаго заведенія, предположеннаго основаться въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ честь дня священнѣйшаго коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, и въ память доблестныхъ дѣяній стратиговъ земли русской: Минина созвавшаго Нижегородцевъ ополчиться за вѣру православную, престолъ Царей, Хранителей Богоспасаемой державы и отчизну;—и Князя Пожарскаго, ведшаго рать русскую отъ стѣнъ Кремля Нижегородскаго, къ стѣнамъ Кремля Московскаго, и низложившаго враговъ вѣры, престола и отчизны.

Домъ этотъ назначается для успокоенія проливпшихъ кровь свою во браняхъ за вѣру, Царя и отчизну, доблестныхъ воиновъ нашего времени, а также и безпомощныхъ и престарѣлыхъ жителей Нижняго-Новгорода, неимѣющихъ средствъ къ спокойному существованію.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нижній-Новгородъ, по своему настоящему положенію, какое даетъ ему ярмарка, и по своему прошедшему, имѣющему важное значеніе въ Русской Исторіи, заслуживаетъ особаго вниманія и давно достоинъ особой исторіи; а между тѣмъ и по настоящее время не нашлось еще для него не только историка, но даже и простаго описателя, который, не входя въ строгій критическій разборъ историческихъ событій, передалъ бы ихъ фактически въ хронологической послѣдовательности и возможной полнотѣ, какъ матеріалы для будущаго историка.

Правда, о Нижнемъ-Новгородѣ писали многіе и многое (*), но все это болѣе разбросано въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Притомъ же и все написанное о немъ, вмѣстѣ взятое, заключая неполныя, отрывочныя данныя, не составляетъ связнаго цѣлаго, такъ-что желающему имѣть подробныя свѣдѣнія о Нижнемъ-Новгородѣ и его исторіи нужно, кромѣ этихъ статей, рыться въ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ актахъ,—перечитать сотни томовъ.

Вотъ почему вздумалъ я собрать свѣдѣнія о Нижнемъ-Новгородѣ, какъ изъ статей писанныхъ собственно о немъ, такъ и изъ разныхъ историческихъ сочиненій, лѣтописей, историческихъ актовъ,—печатныхъ и письменныхъ, и народныхъ преданій, и, дополнивъ все это видѣннымъ, а также слышаннымъ мной отъ старожиловъ нижегородскихъ, составить «Краткій Очеркъ Исторіи и Описаніе Нижняго-Новгорода», которые нынѣ рѣшаюсь представить на судъ читателей, какъ сборникъ свѣдѣній для будущаго историка. Надѣюсь, что историческая критика, удостоя обратить вниманіе на слабый трудъ мой, не потребуетъ отъ меня болѣе того, что я могъ сдѣлать, и пополнить въ немъ пробѣлы, указавъ на источники мнѣ неизвѣстные.

Н. Храмцовскій.

(*) Какъ-то: Голиковъ, Ильинъ, Малиновскій, Орловъ, протоіер. Рожанскій, Духовской, Свиньинъ, Лекоентъ Де-Лаво, Теряевъ, Сахаровъ, архіеписк. Іаковъ, профес. іером. (нынѣ архимандр.) О. Макарій, протоіер. Лебедевъ, свящ. Добротворскій, Садоковъ, Коротковъ, Журавлевъ, Пискаревъ, Лопатинъ и др., а исключительно о ярмаркѣ—Гурьяновъ, Зубовъ, Веретенниковъ, Марковъ и др. Больше всѣхъ о Нижнемъ Новгородѣ и ярмаркѣ писалъ Мельниковъ.—*Авт.*

ГЛАВА I.

СОБЫТІЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШІЯ ОСНОВАНІЮ НИЖНЯГО—НОВГОРОДА

СЪ 1171 ПО 1222 Г.

Въ XII и XIII столѣтіяхъ сѣверовосточная часть Руси называлась сначала Ростовскою Областью, потомъ Суздальскою; Новогородцы же называли все, что было по теченію р. Волги, ниже устья р. Мологи, Низовскою землею.

Земля Низовская граничила (: въ 1169 г. :): близь Торжка, съ областью Новогородскою, въ Калужской губерніи—съ княжествомъ Смоленскимъ, въ Тульской—съ Вятичами и Рязанью, въ Нижегородской, и Владимірской губерніяхъ—съ землями Муромскими.

Къ востоку, гдѣ украйнымъ городомъ ея былъ Радиловъ, или Волжскій Городецъ (1:), ближайшими сосѣдями ея были племена мордовскія, управляемыя въ то время, какъ полагаютъ нѣкоторые, своими независимыми князьями; по другимъ же свѣдѣніямъ Мордва находилась подъ вліяніемъ Болгаръ.

Мордва дѣлилась на три племени: Эрзня, Мокша, и Каратаи и занимала все пространство отъ устья Оки, до вершинъ рѣкъ: Суры, Вороны и Цны. (2:)

Племя Эрзня было самое многочисленное и ближайшее къ границамъ земли Низовской; оно жило селеніями въ предѣлахъ нынѣшней нижегородской губерніи, по рѣкамъ — Волгѣ, Окѣ, Кудьмѣ, Пьянѣ, Тешѣ, Сурѣ и Алатырю. (3:)

Главное сельбище его, (столица), было Эрземасъ, — нынѣшній уѣздный городъ Арзамасъ. (4:)

Далѣе, за Мордвою, по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ, жили Болгаре. Этотъ народъ былъ цивилизованнѣе и богаче своихъ сосѣдей: при воинственности своей, онъ занимался торговлей и искуствами.

Столица владѣтелей земли Низовской сначала былъ Ростовъ, потомъ Суздаль; резиденція же Андрея Боголюбскаго была въ построенномъ имъ городѣ Боголюбовѣ. (5:)

Владѣтели земли Низовской любили дѣлать набѣги на цвѣтущую Болгарію: тамъ ихъ всегда ждала богатая добыча.

При этихъ набѣгахъ доставалась и Мордвѣ:—часть земель ея лежала на пути Суздальцевъ въ Болгарію. Впрочемъ эти несчастные полудикари страдали не отъ однихъ Суздальцевъ: ихъ громили и Болгаре и Половцы.-И Мордва, тѣснимая со всѣхъ сторонъ, старалась, сколь возможно, сохранить свою независимость: то вступала она въ открытый бой съ своими врагами, то тайно дѣлала набѣги на селенія и города ихъ, а то скрывалась въ глубинѣ непроходимыхъ лѣсовъ своихъ.

Изъ походовъ, дѣланныхъ, въ XII столѣтіи, владѣтелями Низовскія земли на Болгаръ, замѣчательнѣе всѣхъ, по отношеніямъ своимъ къ исторіи Нижняго-Новгорода, былъ походъ Мстислава Андреевича, зимой 1171 года.

Андрей Боголюбскій, желая ли отмстить какія обиды Болгарамъ, или просто обогатиться въ странѣ торговой, говоритъ Карамзинъ, послалъ сына своего Мстислава, въ то время бывшаго съ небольшимъ отрядомъ войска въ Волжскомъ Городцѣ, громить Болгарію.

Въ этомъ походѣ также участвовали сыновья Князей Муромскаго и Рязанскаго: они присоединились къ Мстиславу на устьѣ Оки, и всѣ вмѣстѣ дошли до устья Камы.

Но походъ этотъ, предпринятый зимой, въ мѣста малонаселенныя, гдѣ лежали глубокіе снѣга и часто свирѣпствовали мятели, былъ не совсѣмъ удаченъ, потому-что, какъ говоритъ лѣтописецъ» *бысть не любъ путь всѣмъ людемъ: зане непогодье есть зиме воевати Болгаръ; и подуче не идяху,*» т. е: походъ этотъ не нравился войску, какъ предпринятый въ неудобное время, и люди шли не шли. (6:)

Но, за всѣми этими неудобствами, главный воевода Боголюбскаго, Борисъ Жидиславичъ, взялъ шесть болгарскихъ деревень и одинъ городъ, умертвилъ мущинъ, плѣнилъ женщинъ и дѣтей, и присовѣтовалъ князьямъ идти назадъ.—При этомъ отступленіи Русскихъ,

шесть тысячь Болгаръ погнались за ними, и едва не достигли Мстислава верстахъ въ дватцати отъ Оки.

Полагаютъ, что городъ, раззоренный Борисомъ, находился на мѣстѣ нынѣшняго Нижняго-Новгорода. (7:) Существуетъ также легенда, относящаяся къ походу Мстислава, раззоренію мордовскаго сельбища на мѣстѣ нынѣшняго Нижняго и построенію русскаго городка.

« Мордвинъ Абрамъ, или Ибрагимъ, вышедшій изъ за рѣки Кудь-«мы, поселился при впаденіи Оки въ Волгу, на Дятловыхъ горахъ, «покрытыхъ тогда дремучимъ лѣсомъ. У него было четырнадцать «сыновей и три дочери; для нихъ построилъ онъ семнадцать домовъ «на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится домъ нижегородскихъ «архіереевъ.

«Колонія эта названа была Абрамовымъ, или Ибрагимовымъ Го-«родкомъ, а самъ Ибрагимъ будто-бы былъ выбранъ отъ всѣхъ «мордовскихъ племенъ чѣмъ—то въ родѣ правителя.

«Когда Абрамъ заслышалъ о движеніи войскъ суздальскихъ, му-«ромскихъ и рязанскихъ, то принялся укрѣплять свой городъ, въ «которомъ всѣхъ жителей было до пяти сотъ человѣкъ, и обнесъ «его тыномъ, валами и рвами. Укрѣпленіе это обхватывало, съ сѣ-«вера къ югу, все пространство отъ коровьяго взвоза, или нынѣш-«нихъ домовъ купцовъ Коптева и Везломцева (:находящихся не вда-«лекѣ отъ Англійскаго сада:), до нынѣшняго Лыковскаго съѣзда, а «съ востока на западъ,— отъ Ковалихинскаго ручья до р. Почайны.

«Въ этомъ укрѣпленіи Абрамъ устроилъ двои ворота: одни съ «южной стороны вала, широкія, съ дубовыми створами, которые «завалилъ землею, другіе тайные, на сѣверъ, у самаго коровьяго «взвоза; а гдѣ должно было проходить воинство княжеское, поста-«вилъ караулы.

«Мстиславъ явился подъ Абрамовымъ городкомъ *съ четырнадца-«тью тысячами(?)* воиновъ, и, не хотя проливать напрасно крови, «а желая только покорности Мордвы и пріобрѣтенія земель ихъ, «вступилъ съ Абрамомъ въ переговоры, предлагая ему удалиться съ «Дятловыхъ горъ и признать надъ племенами мордовскими владычество «Князя Суздальскаго.

«Абрамъ отвѣчалъ, что какъ онъ неприрожденный владыка народа «мордовскаго, а только выбранный правитель, то не можетъ при-«нять на себя ни какихъ условій безъ согласія всего народа, поче-«му и просилъ дать ему *четыре года* для сношеній со всѣми пле-«менами мордовскими.

«Мстиславъ далъ ему срокъ, для объявленія рѣшительнаго отвѣта, «вмѣсто четырехъ лѣтъ, четыре дня.

«Хитрый старикъ умѣлъ воспользоваться и этимъ короткимъ вре-«менемъ: чрезъ тайныя ворота свои онъ немедленно послалъ гон-«цовъ въ ближайшія мордовскія сельбища, требуя скорѣйшей помощи.

«Въ двѣ слѣдующія за тѣмъ ночи вошло въ укрѣпленіе, чрезъ тѣ-«же тайныя ворота, болѣе 5000 человѣкъ Мордвы, и прежде истече-

«нія срока, даннаго Мстиславомъ для отвѣта, Абрамъ велѣлъ отрыть «южныя ворота и внезапно ударить на войска великокняжескія.

«Но и эта отчаянная рѣшимость не принесла Мордвѣ ни какой «пользы: Абрамъ палъ въ битвѣ со всѣми своими сподвижниками, «городокъ былъ разграбленъ и сожженъ, и оставшіеся въ немъ жи«тели перебиты.

«Мстиславъ здѣсь оставилъ *тысячу человѣкъ* конныхъ ратниковъ, «заповѣдавъ имъ жить около Абрамова городища, а отнюдь не въ «самомъ городищѣ; а почему такъ приказалъ, легенда не объясня«етъ.

«Между тѣмъ Мордва, узнавъ о погибели Абрама и его сподвиж«никовъ, взволновалась и замыслила мщеніе: суздальцы, поселившіе«ся у Абрамова городища, были обречены ею на смерть; шесть «тысячь человѣкъ Мордвы двинулись на нихъ съ тѣмъ, чтобы здѣ«лать внезапное нападеніе.

«Но Суздальцы, жившіе уже у Абрамова городища около года, «имѣли также и друзей между ближайшей Мордвой, и эти друзья, «измѣнивъ своимъ единоплеменникамъ, увѣдомили суздальцевъ о «предстоящей опасности.

«Воины княжескіе, видя, что одна отчаянная храбрость можетъ «спасти ихъ отъ гибели, рѣшились предупредить Мордву, сѣли на ко«ней и бросились на встрѣчу непріятелю вшестеро сильнѣйшему.

«Верстахъ въ 10 отъ Нижняго, на нынѣшнемъ рязанскомъ трак«тѣ, около того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ деревня Новая, (8:) они «встрѣтя пѣшую Мордву, ударили на нее, и пробились чрезъ смятен«ныя массы непріятеля безъ потери, и поскакали Березопольемъ къ «Боголюбову. (9:)

«Мордва преслѣдовала ихъ далеко, но будучи плохо вооружена, «и безъ коней, не посмѣла напасть на нихъ. (10:)

Эта легенда, какъ почти и всѣ легенды, далеко расходятся съ историческими данными въ подробностяхъ, но въ основаніи своемъ она не противорѣчитъ лѣтописцамъ и историкамъ, и подтверждаетъ, что на мѣстѣ нынѣшняго Нижняго-Новгорода былъ городъ, или большое сельбище туземцевъ, который, по всей вѣроятности подвергся опустошенію въ 1171 году, какъ лежавшій на самомъ пути войскъ княжескихъ, ходившихъ до устья Камы.

Болгаре и Мордва, за раззареніе земель своихъ, старались отмщать владѣтелямъ Низовья также раззореніемъ земель ихъ.—И такъ, пользуясь обстоятельствами, Болгаре вначалѣ великокняженія Юрія II Всеволодовича, въ 1219 году, напали на *Чудь Заволодскую*-нынѣшнія Вологодскую и Архангельскую губерніи, и взяли обманомъ городъ Глядень, или нынѣшній Устюгъ—Великій (11:), который прежде имѣлъ своихъ независимыхъ князей, а въ началѣ XIII столѣтія числился за Ростовскою областью; потомъ неугомонные завоеватели пошли далѣе,—въ предѣлы нынѣшней Костромской губерніи, и стали укрѣпляться на берегахъ Унжи. Но не надолго!

На слѣдующій годъ полки великокняжескіе, переяславскіе, ростовскіе, муромскіе и устюжскіе, подъ предводительствомъ брата Юріева, Святослава Всеволодовича, князей: Святослава Давыдовича и Олега Юрьевича,—сыновей владѣтелей муромскихъ, и воеводъ великокняжескихъ: Еремѣя Глѣбовича, и Воислава Добрынича, вступили въ Болгарію съ разныхъ сторонъ.

Святославъ Всеволодовичъ съ князьями муромскими сѣлъ на суда на устьѣ Оки, и спустился къ устью Камы, гдѣ высадился и пошелъ на болгарскій городъ *Ошелъ,* стоявшій невдалекѣ отъ устья Камы.

Болгарскій князь, предводительствуя коннымъ войскомъ, встрѣтилъ Святослава на полѣ, но вѣрно, видя неравенство силы, «*пустиша*», какъ говоритъ Воскрес. лѣтоп., «*по одной стрѣлѣ, и побѣгоша.*» Послѣ чего укрѣпленный *Ошелъ* былъ подожженъ, и жители его или погибли въ пламени, или отъ оружія русскихъ, а нѣкоторые предпочли смерть отъ собственныхъ рукъ, убивъ сперва женъ и дѣтей своихъ. Такъ же погибло въ пламени много и рускихъ завлеченныхъ въ городъ приманкою добычи.

Разрушивъ *Ошелъ,* Святославъ, влеча за собой толпы плѣнныхъ, большой частію женъ и дѣтей, отступилъ къ мѣсту своей высадки, и потомъ скоро соединился на устьѣ Камы съ Воиславомъ Добрыничемъ, который съ частію Ростовцевъ и Устюжанами ходилъ въ верховье Камы, гдѣ взялъ и сожегъ множество городовъ и селеній болгарскихъ, и также возвращался съ добычею и плѣнниками.

Святославъ немедленно послалъ къ Юрію гонцовъ съ вѣстію о счастливомъ окончаніи похода, а самъ со всѣми сподвижниками отправился водой къ Городцу, а оттуда, съ полками великокняжескими, на коняхъ во Владиміръ.

Юрій, вполнѣ оцѣня труды брата и значеніе побѣдъ его надъ Болгарами, встрѣтилъ побѣдителей, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Всеволодомъ, у Боголюбова, и одарилъ Святослава, *золотомъ и серебромъ, и порты и кони, и оружіемъ, аксамиты и паволоками и бѣлью.*

Воинственные Болгаре, видя разгромъ земли своей, упали духомъ, и въ слѣдующую зиму отправили къ Юрію пословъ просить мира. Но Великій Князь не склонился на ихъ убѣжденія, и вновь началъ готовиться къ походу: послалъ за племянникомъ своимъ Василькомъ Константиновичемъ, княжившимъ тогда въ Ростовѣ, повѣлевая Васильку придти съ ратью въ Городецъ, куда отправился и самъ. Тутъ явилось къ нему второе посольство отъ Болгаръ, но также не имѣло успѣха, какъ и первое. Послы, возвратясь домой, сказали: *яко Князь Юрій на Городцы и мира не даетъ.*

Испуганные Болгаре отправили третіе посольство, которое, мольбами, униженіемъ, всевозможными уступками и золотомъ, купило у Юрія миръ.

Юрій принялъ отъ Болгаръ окупъ за то, чтобъ быть миру: «*якоже было при отцѣ его и дѣдѣ*;» но завоеванныхъ земель невозвратилъ. (12:)

Вскорѣ послѣ того Юрій вздумалъ осмотрѣть новыя свои владѣ-

нія. Дятловы горы, возвышавшіяся при впаденіи Оки въ Волгу, до такой степени поразили его сходствомъ своимъ съ высотами Кіевскими, колыбелью Христіанства Руси, что онъ ручеекъ, вытекавшій изъ ушелья ихъ, назвалъ р. Почайной, и рѣшился основать тутъ городъ, а близь него, по примѣру кіевскаго, монастырь Печерскій.

Конечно, не одно сходство Дятловыхъ горъ съ высотами кіевскими было причиной того, что Юрій вздумалъ построить здѣсь городъ. По всему Низовью не было мѣста удобнѣе Дятловыхъ горъ для построенія твердыни, которая сторожила бы сосѣда—врага, и пресѣкала, или, по крайней мѣрѣ, задерживала бы его при вторженіи во внутренность владѣній суздальскихъ.

Эти горы, омываемыя двумя величайшими рѣками сѣвера, господствуя надъ обширными низменностями, разкинутыми по заволжью и заочью, представляли всѣ выгоды для построенія твердыни, необходимой въ странѣ, отвсюду окруженной враждебными племенами.

Почему горамъ этимъ дано было названіе Дятловыхъ, преданія передаютъ различно.—Одно, и едвали не самое справедливое, объясняетъ, что названіе это получили горы отъ того, что въ древности онѣ были покрыты густымъ лѣсомъ, остатки котораго и теперь еще видны около Благовѣщенскаго монастыря, и что въ этомъ лѣсу водилось множество птичекъ—дятловъ.

Второе преданіе много поэтичнѣе, полная легенда, какими такъ богата старина германская и скандинавская.—Вотъ эта легенда:» во «времена стародавнія, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Нижній-Нов«городъ, жилъ мордвинъ—Скворецъ, другъ и помощникъ Соловья «разбойника, связаннаго Ильею Муромцомъ. Здѣсь онъ женился на «осьмнадцати женахъ, которыя родили ему семьдесятъ сыновей. Всѣ «они жили вмѣстѣ, занимались скотоводствомъ, пасли стада на горѣ, «и по вечерамъ гоняли ихъ на водопой на рѣку Оку. Здѣсь, въ у«щельѣ, обиталъ чародѣй Дятелъ, бывшій также нѣкогда въ ладахъ съ «Соловьемъ. Его спрашивалъ Скворецъ о будущей судьбѣ своихъ дѣ«тей. Дятелъ отвѣчалъ: если дѣти твои будутъ жить мирно другъ «съ другомъ, долго будутъ владѣть здѣшними мѣстами, а если пос«сорятся, то будутъ покорены русскими, которые поставятъ на устьѣ «Оки, *градъ камень и крѣпокъ зело, зело, и неодолѣютъ его силы вра«жескія.*» Въ заключеніе Дятелъ просилъ Скворца о честномъ ему «погребеніи. Умеръ чародѣй Дятелъ, и похоронилъ его Скворецъ на «мѣстѣ нынѣшняго Благовѣщенскаго монастыря, и прозвалось то «мѣсто *Дятловы горы.* Умеръ и Скорецъ; умирая заповѣдалъ онъ «дѣтямъ своимъ взаимное согласіе и единодушіе; но потомки ихъ «размножились, стали враждовать между собою, и тогда Св. Андрей «Боголюбскій изгналъ ихъ съ устья Оки, а племянникъ его Св. Юрій, «построивъ Нижній-Новгородъ, исполнилъ предсказаніе Дятла. (13:)

Итакъ въ лѣто 6729 (:1221:) Великій Князь Юрій Всеволодовичь заложилъ городъ на устьѣ рѣки Оки, и нарече имя ему *Новгородъ Нижній* (14:)

ГЛАВА II.

НОВГОРОДЪ-НИЖНІЙ-ПРИГОРОДОКЪ СУЗДАЛЬСКІЙ.

СЪ 1222 ПО 1350 Г.

Основавъ городъ, т. е: обведя его рвомъ и валами, и укрѣпивъ деревянною стѣной, Юрій построилъ въ немъ первую церковь Архистратига Михаила, сначала деревянную, потомъ, въ 1227 году, каменную; по другимъ же свѣдѣніямъ каменная церковь, построенная Юріемъ была Соборная Преображенская. (15:)

Также о самомъ годѣ построенія Нижняго-Новгорода лѣтописцы противорѣчатъ одинъ другому, и относятъ основаніе Нижняго къ 1212, 1220, 1221 и 1222, и даже къ 1199 году, который и показанъ въ надписи на паперти Нижегородскаго Архангельскаго Собора, сдѣланной въ 1816 году. (16:)

Но въ 1199 году Юрій не былъ еще Великимъ Княземъ Владимірскимъ, а въ 1212 г., хотя по волѣ отца своего Всеволода Георгіевича, скончавшагося 15 Апрѣля, вступилъ, вопреки правъ стар-

шаго брата своего Константина, на престолъ Владимірскій, но немедленно былъ увлеченъ въ междоусобныя войны, кончившіяся для него лишеніемъ великокняжескаго престола; слѣдовательно, ни въ 1199 ни въ 1212 годахъ, Юрій не имѣлъ ни средствъ, ни времени дѣлать походы на Болгаръ и разширять владѣнія суздальскія къ востоку.

Также и 1220 годъ не можетъ быть годомъ основанія Нижняго-Новгорода, потому-что Юрій, вступивъ вторично на престолъ Владимірскій, по смерти Константина, скончавшагося въ 1219 году 2 Февраля, сначала посылалъ войска свои, по прошенію князя Ингваря Рязанскаго, противъ Половцевъ, а потомъ, какъ разсказано выше, въ походъ противъ Болгаръ, продолжавшійся все лѣто 1220 года; зима же прошла въ переговорахъ съ послами болгарскими, то съ достовѣрностію можно положить, что первоначальныя укрѣпленія Нижняго-Новгорода начаты въ 1221, а кончены въ 1222 годахъ.

Новый городъ былъ не по сердцу племенамъ мордовскимъ.—Мордва, испытавшая уже силу русскаго оружія, при походахъ суздальцевъ, муромцевъ и рязанцевъ на Болгаръ, видѣла въ новой твердынѣ, воздвигнутой Юріемъ, окончательное посягательство на свою свободу, и стала съ ужасомъ ждать грозы.—Гроза не замѣдлила разразиться. Года чрезъ четыре послѣ основанія Нижняго-Новгорода, русскіе вторгнулись въ земли мордовскія, подъ предводительствомъ братьевъ Юрія, Святослава и Ивана, разбили Мордву, истребили нѣсколько сельбищъ, и воротились обыкновенно съ добычею и плѣнниками. Это обстоятельство заставило всѣ племена мордовскія, досель разъединенныя, вступить въ тѣсный союзъ, главой и двигателемъ котораго былъ Князь Пургасъ.

Смѣлый и предпріимчивый владыка мордовскій рѣшился, съ своими приверженцами, или уничтожить Нижній-Новгородъ и оттѣснить русскихъ въ прежнія ихъ предѣлы, или погибнуть. Но Юрій, постоянно слѣдившій за Мордвою, предупреждая Пургаса, послалъ противъ него, въ Сентябрѣ 1228 года, племянника своего Василька, и воеводу Еремея Глѣбовича; но на этотъ разъ Васильку и Еремѣю непощастливилось: *зане погодья имъ не бысть, бяху бо дождеве вельми мнози день и ночь,* говоритъ лѣтописецъ, и-Юрій велѣлъ имъ возвратиться.

Въ слѣдующемъ году онъ самъ пошелъ на Мордву съ братомъ Ярославомъ, племянниками Василькомъ и Всеволодомъ и Княземъ Муромскимъ Юріемъ Давыдовичемъ.—Люди, жилища, хлѣбъ, скотъ-все гибло въ земляхъ мордовскихъ отъ меча и огня Русскихъ; ничему не было пощады. Однако часть ближайшей Мордвы успѣла скрыться въ глубинѣ лѣсовъ, но и туда кинулись за нею отроки, или молодые воины ростовской и періяславской дружинъ; но за эту отвагу они поплатились своими головами: Мордва схитрила, — пропустивъ ихъ въ глубину лѣсовъ, напала на нихъ, вѣроятно, въ превосходныхъ силахъ, и-всѣхъ избила, а сама скрылась еще далѣе въ глубь

лѣсовъ. Между тѣмъ Юрій продолжалъ разгромъ земель мордовскихъ, при содѣйствіи присяжника своего Пуреша, князя половецкаго, и когда не осталось уже пищи для огня и меча, *«съ братіею и со всѣми полки возвратишась во своя добрѣ здравы.»*

Погромъ земли своей Пургасъ хотѣлъ вымѣстить на Нижнемъ Новгородѣ. Въ Апрѣлѣ 1229 г. онъ, собравъ остатки разбѣжавшейся мордвы, осадилъ Нижній, но нижегородцы дали сильный отпоръ, Пургасъ ограничился тѣмъ, что сожегъ окрѣстности укрѣпленія; причемъ сгорѣлъ Богородицкій монастырь и церковь, стоявшая за городомъ.— Потомъ Пургасъ, взявъ тѣла убитыхъ старшинъ своихъ, удалился; но тѣмъ же лѣтомъ былъ разбитъ сыномъ Пуреша, который, предводительствуя половцами, окончательно истребилъ остатки пургасовой Мордвы и всю какую-то *русь пургасову, и Пургасъ едва въ малѣ утече.* (17:)

Мордва три года немогла опомниться; но въ 1332 году она опять взволновалась. Зимой того года Юрій посылалъ противъ нея сына своего Всеволода съ другими молодыми князьями. Снова опустошеніе и смерть пронеслись по землямъ мордовскимъ. Послѣ того Мордва не безпокоила русскихъ, до той поры, покуда не покорили ее татары, т. е. до несчастнаго для Руси 1239 года. Въ продолженіи этаго времени, и потомъ еще болѣе столѣтія Нижній-Новгородъ имѣлъ самое ограниченное значеніе, какъ только пригородокъ суздальскій и какъ сторожевая твердыня Земли Низовской.

Страшная участь была назначена, по волѣ неисповѣдимаго Провидѣнія, святому основателю Нижняго-Новгорода. По смерти отца, въ 1212 г., Юрій дѣлается повѣлителемъ Владиміра и Суздаля, какъ бы старшій въ родѣ; потомъ, увлеченный, отчасти братомъ своимъ Ярославомъ, отчасти собственнымъ честолюбіемъ, въ войну противъ храбраго и великодушнаго Мстислава Новгородскаго, онъ уже подѣлилъ всю Русь договорной грамотой, между собой, братьями Ярославомъ и Святославомъ и Ольговичами. Но битва липецкая, бывшая 21 Апрѣля 1216 года, рѣшила иначе, и Юрій, мечтавшій низложить Мстислава, братьевъ своихъ Константина—Ростовскаго и Владиміра—Смоленскаго и прочихъ князей мстиславовой партіи,— является въ свою великокняжескую столицу, Владиміръ, бѣглецомъ, въ одной рубашкѣ. Въ бѣгствѣ своемъ съ полей липецкихъ до Владиміра онъ загналъ трехъ коней.

Въ Владимірѣ встрѣтили его, большей частію, старцы, жены и дѣти, да чинъ духовный, потому-что всѣ, способные носить оружіе, были съ нимъ, и легли костями на поляхъ липецкихъ, или попали въ плѣнъ къ его непріятелямъ. Эти—то слабые остатки своихъ подданныхъ умоляетъ, еще недавно могущественный, Юрій удержаться здачей города хотя на нѣсколько дней, чтобъ успѣть вступить въ переговоры съ Мстиславомъ и Константиномъ.—Потомъ съ повинной головой идетъ, въ сопровожденіи дѣтей своихъ, въ станъ непріятельскій, несетъ дары, и умоляетъ Мстислава и Владиміра,

чтобы они помирили его съ Констáнтиномъ. »Вы побѣдители», говоритъ онъ,» располагайте моей жизнію и достояніемъ.» За тѣмъ оставляетъ онъ престолъ великокняжескій и Владиміръ, и удаляется въ Волжскій Городецъ съ женою и немногими друзьями, въ числѣ которыхъ былъ и первый епископъ суздальскій Симеонъ. (18:)

Со дня липецкой битвы проходитъ годъ, четыре мѣсяца и двадцать дней, и—Юрій въѣзжаетъ въ Суздаль въ качествѣ его владѣтеля и наслѣдника Великаго Князя Владимірскаго. (19:) Таково было мщеніе великодушнаго Константина. Потомъ, менѣе чѣмъ чрезъ полтора года, Юрій снова занимаетъ престолъ владимірскій. Около двадцати лѣтъ княжилъ онъ счастливо. Правда, въ теченіи этихъ лѣтъ имѣлъ онъ и нѣкоторыя непріятности, какъ то: въ 1225 году раздоръ съ Новгородомъ, гдѣ въ то время княжилъ юный сынъ его Всеволодъ и въ 1229 г. раздоръ съ братомъ своимъ Ярославомъ,—который завлекъ было въ сѣти свои и молодыхъ племянниковъ: Василька, Всеволода и Владиміра; но та и другая непріятности кончились благополучно: съ новгородцами Юрій помирился, а Ярославъ и племянники явились къ нему съ повинной и цѣловали крестъ (:7 Сентября 1229 года:) «отцу своему и государю,» какъ они назвали тогда Юрія.

Но вдругъ являются татары, которымъ суевѣріе того времени приписывало борьбу съ Гедеономъ, за 1200 лѣтъ до Рождества Христова, и двухтысячипятисотлѣтнее заключеніе въ пустыняхъ сѣверовостока; они сначала, въ 1224 г., пронеслись ангелами-истребителями по южной части Руси, и послѣ страшной битвы на р. Калкѣ, гдѣ погибло множество доблестныхъ князей и богатырей (20:), скрылись отъ взора русскихъ въ глубь Букаріи, гдѣ въ то время кочевалъ грозный владыка ихъ Чингисханъ,—скрылись, какъ бутто для того, чтобъ вновь нахлынуть на Русь стрѣмительнѣе и грознѣе прежняго.

Юрій, по требованію князей южной Руси, хотя и посылалъ противъ татаръ племянника своего Василька съ дружиной ростовской, которая, впрочемъ, дошла только до Чернигова, но былъ, отчасти, радъ бѣдствію владѣтелей южной Руси, особенно несчастію Мстислава [въ то время княжившаго въ Галичѣ], нѣкогда унизившаго его; но за эту грѣшную радость онъ дорого заплатилъ.

Въ 1237 году, Батый, племянникъ Октая или Угадая, старшаго сына Чингисханова, двинулся съ полчищами, данными ему дядей, на Болгаръ [съ которыми Юрій за годъ до того заключилъ миръ послѣ шести лѣтней непріязни], и изпепеливъ столицу болгарскую, умертвивъ всѣхъ жителей ея,-явился въ южной части Рязанской Области, прежде—чѣмъ русскіе успѣли свѣдать о разгромѣ Болгаріи. Батый предложилъ владѣтелямъ Рязани купить у него миръ цѣною десятой части всего достоянія ихъ.—Рязанскіе князья отвергнули такія унизительныя условія, и просили помощи у Юрія противъ врага, грозившаго гибелью вѣрѣ и отечеству.

Юрій также отвергнулъ, съ благородной гордостію, унизительныя условія пословъ Батыевыхъ, явившихся и къ нему, но не соединил-

ся съ рязанскими князьями: онъ слишкомъ понадѣялся на свои силы, и этимъ предалъ Рязань въ руки варваровъ.—Полилась кровь рязанцевъ, запылали ихъ города и селенія. Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ и Рязань сдѣлались грудами развалинъ, облитые кровью и усѣянные трупами своихъ жителей. Гибнутъ отъ руки татаръ: юный Θеодоръ, сынъ Юрія рязанскаго; князья Пронскій, Коломенскій, княгиня Евпраксія, жена-Θеодора, съ младенцомъ сыномъ; потомъ самъ Юрій рязанскій, жена его и мать. Варвары тѣшатся муками побѣжденныхъ, истощаютъ надъ ними все, что только могутъ изобрести и выполнить необузданное звѣрство и ненасытимая кровожадность.

Коломна и Москва подвергаются той же участи, какую испытала Область Рязанская. Тутъ гибнутъ въ битвахъ: князь Романъ,— племянникъ Юрія рязанскаго; знаменитый воевода Юрія Всеволодовича, Еремей Глѣбовичъ и воевода московскій Филиппъ Нянька, а сынъ Юрія, Владиміръ, попадается въ плѣнъ, другой же сынъ бѣжитъ во Владиміръ.

Ослѣпленный гордостію, Юрій теперь только прозрѣлъ и, понявъ всю опасность своего положенія, произтекшую отъ неумѣстнаго самонадѣянія, поспѣшилъ съ племянниками въ Ярославскую Область для сбора войска, а сыновей своихъ, Всеволода и Мстислава, оставилъ для защиты Владиміра, гдѣ находилось все великокняжеское семейство. Февраля 2, 1238 года, татары явились у Владиміра, а 7-го онъ былъ уже грудою развалинъ, жители его—или бездыханными трупами, или плѣнниками, преданными всему неистовству азіатскихъ варваровъ. Причемъ погибли: супруга Юрія—Агапія, сыновья его—Всеволодъ и Мстиславъ и все великокняжеское семейство, также и епископъ Митрофанъ.

Послѣ того татары хлынули къ Волжскому Городцу, Галичу—костромскому, Ростову и Ярославлю, и въ теченіи Февраля они раззорили, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ великаго княженія, въ томъ числѣ Переяславль, Юрьевъ и Дмитровъ.

Здѣсь Юрій является истиннымъ государемъ, героемъ и христіаниномъ; съ твердостію переноситъ онъ вѣсть о погибели своего семейства, и, заглушая страшную скорбь души своей, готовится къ роковой битвѣ, которая должна была рѣшить не только его участь, но участь всей Руси на цѣлыя столѣтія. Наконецъ, 4 Марта, закипѣла битва на берегу рѣки Сисги, впадающей въ р. Мологу, гдѣ былъ станъ русскихъ. Юрій палъ подъ мѣчами татаръ, а князь Василько взятъ въ плѣнъ, и мученически умерщвленъ. — Татары съ береговъ Сисги понесли убійства и пожары въ Волокъ—Ламскій, Тверь, Торжокъ, а потомъ въ Козельскъ, владѣтель котораго, младенецъ князь Василій, *утонулъ*, какъ говоритъ преданіе, *въ крови*. Послѣ чего татары ушли въ землю половецкую, къ Дону, и—Русь немного вздохнула.

Тѣла Юрія и Василька долго лежали непогребенными; первое,

обезглавленное, отыскалъ въ грудахъ тѣлъ ростовскій епископъ Кириллъ: онъ на пути изъ Бѣлозерска пожелалъ видѣть мѣсто несчастной битвы, и узналъ тѣло Великаго Князя по одѣянію; тѣло же Василька, брошенное татарами въ лѣсу, нашла жена сына сельскаго священника. Оба эти тѣла были привезены въ Ростовъ и погребены въ храмѣ Богородицы, въ одной ракѣ; туда же положена и голова Юрія, отысканная уже послѣ.

Ярославъ Всеволодовичъ, по слову лѣтописца, *обновитель Земли Суздальской*, явясь во Владиміръ изъ Кіева и занявъ престолъ великокняжескій, сначала озаботился очищеніемъ развалинъ владимірскихъ отъ труповъ, потомъ, собравъ и утѣшивъ, сколько могъ, оставшихся въ живѣ владимірцевъ, послалъ бояръ въ Ростовъ за тѣломъ Юрія Всеволодовича.

Когда остатки властителя—страдальца, несенныя съ подобающею честію, приблизились къ Владиміру, Ярославъ, дѣти его, епископъ Кириллъ, со всѣмъ владимірскимъ духовенствомъ, бояре, множество горожанъ и окрестныхъ жителей, вышли на встѣчу. Плачь и рыданія были всеобщіе.

Всѣ видѣли чудо, совершившееся надъ убіеннымъ: отсѣченная голова его приросла къ тѣлу, не было нималѣйшаго знака что она была отрублена; видѣли и то, что убіенный князь воздѣлъ правую руку, какъ живой, какъ—бы показывая, что за совершенный страдальческій подвигъ свой онъ воспріялъ отъ Бога, взаменъ земнаго царства, наслажденіе небесными, вѣчными благами, вмѣстѣ съ царственной супругой своей, тремя благородными сыновьями и дочерью. Во Владимірской Соборной Церкви Пресвятыя Богородицы, въ южномъ придѣлѣ, положили тѣло Юрія. Церковь причла его къ лику Святыхъ; память его празднуется 4 числа Марта.— (21:)

Полагаютъ, что Нижній-Новгородъ въ 1238 году избѣгъ раззорѣнія; но въ слѣдующемъ году, когда татары опустошили Муромъ, берега Клязьмы и всю землю мордовскую, онъ уже не избѣгъ нашествія татаръ. (22:)

Ярославъ Всеволодовичъ отдалъ Нижній-Новгородъ, какъ пригородокъ Суздаля, брату своему Святославу. Въ 1246 году Святославъ, сдѣлавшись Великимъ Княземъ Владимірскимъ, передалъ удѣлъ свой Суздаль, съ Городцемъ и Нижнимъ, сыну Ярослава Андрею,— зятю Даніила, короля галицкаго. Андрей владѣлъ своимъ удѣломъ до смерти, послѣдовавшей въ 1264 году, и жилъ болѣе въ Городцѣ, гдѣ и погребенъ: отъ него то и произошелъ родъ князей Суздальско—Нижегородскихъ. Этотъ князь испыталъ также превратности судьбы: сидѣлъ и на великокняжескомъ престолѣ, скитался странникомъ въ чужихъ земляхъ, и даже думалъ было помѣряться силой съ татарами, и тѣмъ едва было не навлекъ новыхъ бѣдъ на всю Русь: одно только долговременное ходатайство брата его Св. Александра Невскаго спасло ее отъ гнѣва хана Берку; но за то дорого

стоило оно, и Александру, и Руси.

Александръ, умилостивляя Берку, долженъ былъ прожить зиму и лѣто въ Ордѣ, среди трудовъ, безпокойства и ежедневной тревоги, нераздѣльныхъ съ положеніемъ искателей милостей у свирѣпыхъ азіатцевъ, незнавшихъ ни правъ народовъ, ни правъ человѣчества, и тѣмъ разстроилъ свое здоровье. Осенью 1263 года прибылъ онъ въ Нижній-Новгородъ слабый и измученный, и едва доѣхалъ до Городца, какъ совершенно лишился силъ, тяжко занемогъ,—и 14 числа Ноября, принявъ схиму съ именемъ Алексѣя, скончался въ Городецкомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ.—И такъ несвоевременная попытка Андрея, Александру стоила жизни, а Руси—любимаго князя, котораго считала она своимъ ангеломъ—хранителемъ. (23:)

Андрею наслѣдовалъ старшій сынъ его Юрій; по смерти Юрія, въ 1279 году, Суздаль достался второму сыну Андрея, Михаилу, а Нижній и Городецъ—Андрею Александровичу, недостойному сыну Невскаго. Этотъ Князь, не имѣвшій даже и тѣни достоинствъ и добродѣтелей отца своего, имѣлъ необъятное честолюбіе: три раза онъ былъ на престолѣ великокняжескомъ, безъ законнаго на то права, и много пролилъ христіанской крови руками татаръ.—Муромъ, Дмитровъ, Переяславль, окрестности Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самаго Торжка, были раззорены призванными имъ варварами, когда вздумалъ онъ, въ 1283 году, оспаривать у старшаго брата своего Димитрія престолъ владимірскій. Онъ жилъ болѣе въ Городцѣ, гдѣ и умеръ 27 Іюня 1304 г., принявши схиму также, какъ и достойно—чтимый отецъ его; тѣло его было погребено въ Городецкомъ Михайловскомъ Соборѣ.

По смерти его, бояре, жившіе при немъ, уѣхали въ Тверь, гдѣ въ то время княжилъ двоюродный братъ его Михаилъ Ярославичъ; но тѣ бояре, которые управляли отъ него въ Нижнемъ-Новгородѣ, вздумали и послѣ того пользоваться правами правителей. Нижегородцы взволновались: они, покорные князямъ своимъ, не хотѣли нести на себѣ воли бояръ умершаго владѣтеля, котораго имя было ненавистно, какъ раззорителя своего отечества. Собралось вече, и его приговоръ рѣшилъ избить бояръ Андреевыхъ, которые, какъ можно предполагать, были отчасти похожи на своего князя, и—ихъ избили.—Но и вечники не сносили головъ своихъ: Михаилъ Суздальскій въ слѣдующемъ году, возвратясь изъ Орды, гдѣ получилъ въ свое владѣніе пригородки суздальскіе, казнилъ вечниковъ смертію. (24:)

По смерти Михаила Суздаль достался брату его Василію. У Василія было два сына, Александръ и Константинъ. Александръ вступилъ на престолъ суздальскій по смерти отца, въ 1309 году, но сначала не владѣвъ Нижнимъ, который принадлежалъ Великому Князю Владимірскому, Георгію Даніиловичу. Александръ получилъ Нижній въ свое владѣніе едва ли не по занятіи престола владимірскаго Іоанномъ, въ 1328 году. Этотъ князь умеръ бездѣтнымъ въ 1332 году. Въ управленіе Георгія былъ въ Нижнемъ Новгородѣ пожаръ,

въ 1312 году, истребившій весь городъ; а въ концѣ княженія Александра, между 1328 и 1330 г., исполнилось предположеніе основателя Нижняго Новгорода: Св. Діонисій построилъ Нижегородскій Печерскій Монастырь. (25:)

Послѣ Александра Суздаль достался брату его Константину, но также безъ пригородковъ. До 1340 года Нижнимъ владѣлъ Симеонъ, сынъ Калиты, въ послѣдствіи извѣстный подъ именемъ Гордаго. Въ 1340 году, когда, по смерти Іоанна, почти всѣ князья русскіе ѣздили въ Орду, Симеонъ получилъ ярлыкъ на великокняжество Владимірско—Московское, а Константинъ—на Суздальско—Нижегородское. Но честолюбивый Константинъ не очень-то былъ доволенъ этой милостью Хана и возвышеніемъ Симеона: онъ едва ли еще и въ 1340 году не мечталъ о престолѣ владимірскомъ,—*синонимъ* старѣйшинства между князьями, котораго искалъ въ послѣдствіи у Чинисбека.

Симеонъ, вполнѣ обладая духомъ государя, старался болѣе-и болѣе ограждать волю удѣльныхъ князей, низводя ихъ со степени равныхъ себѣ на степень своихъ подручниковъ, чѣмъ упрочивалъ и личное свое значеніе, и силу Москвы.

Честолюбивый Константинъ, видя, что домъ Князей Московскихъ, укрѣпляясь на престолѣ владимірскомъ, стрѣмился къ первенству и преобладанію надъ прочими княжескими домами, и опасаясь за права свои и независимость Княжества Суздальскаго, отчасти утратившаго прежнее значеніе свое, рѣшился основать новое княжество, которое бы, если не превосходило Москву въ блескѣ и величіи, то, по крайней мѣрѣ, могло равняться съ нею. (26:)

ГЛАВА III.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ,-СТОЛИЦА ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА НИЖЕГОРОДСКАГО.

СЪ 1250 ПО 1292 Г.

Въ 1350 году Константинъ Васильевичъ перенесъ престолъ свой изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ, и подчинилъ себѣ часть земель мордовскихъ; но какъ болѣе мудрый властитель, чѣмъ завоеватель, онъ разширилъ предѣлы своего владѣнія не мѣчемъ и огнемъ, а мирнымъ заселеніемъ земель мордовскихъ русскими людьми, выведенными имъ изъ Суздаля и вызванными изъ прочихъ княжествъ. На зовъ Константина народъ спѣшилъ со всѣхъ сторонъ, вѣроятно потому, что этотъ князь, какъ сказалъ впослѣдствіи лѣтописецъ, «*княжилъ честно и грозно, бороня вотчину свою отъ татаръ и отъ сильныхъ князей.*» Константинъ всѣмъ пришельцамъ далъ волю выбирать мѣста для поселенія по желанію, и пришельцы занимали сельбища мордовскія по рѣкамъ: Волгѣ, Окѣ, Кудьмѣ,-въ предѣлахъ нынѣшнихъ уѣздовъ нижегородскаго и горбатовскаго.

Въ новой столицѣ своей Константинъ, въ 1350 году, заложилъ храмъ Боголѣпнаго Преображенія, и окончилъ его въ 1352 году. Въ этой главной святынѣ Земли Низовской Константинъ поставилъ древній образъ Спаса, писанный въ Греціи, который принесъ изъ прежней столицы своей, Суздаля. Въ этомъ же году, кажется, женился старшій сынъ его Андрей на тверской урожденкѣ Анастасіи. Такъ, Нижній-Новгородъ сталъ столицею вновь основаннаго независимаго Великаго Княжества, которое нѣсколько времени не уступало въ блескѣ и силѣ Великому Княжеству Владимірско—Московскому; только каѳедра епископовъ, съ 1276 года именовавшихся суздальскими, новгородскими [:т. е. нижегородскими:] и городецкими, по прежнему оставалась въ Суздалѣ. (27.)

Кромѣ Нижняго-Новгорода,—столицы и городовъ—Суздаля и Городца, въ Нижегородскомъ Великомъ Княжествѣ были еще три пригородка: Бережецъ—на Клязьмѣ, Юрьевецъ—на Волгѣ и Шуя. Самое княжество имѣло слѣдующія предѣлы: отъ независимой Мордвы его отдѣляли рѣки Теша и Вадъ, отъ Княжествъ Муромскаго и Стародубскаго-рѣки Ока и Клязьма. Все Поволжье, отъ Юрьевца, до устья Суры, и берега Суры, до рѣкъ Киши и Альгаша, принадлежали также Константину, а отъ этихъ рѣкъ границы Княжества Нижегородскаго проходили берегами Пьяны, до Вада. Отъ области Городецкой, иначе называемой Бѣлогородской, владѣнія Константина простирались къ западу, занимая нынѣшніе шуйскій и суздальскій уѣзды и сѣверную часть вязниковскаго. Отъ Владимірско—Московскихъ земель. Область Нижегородская отдѣлялась тѣми же рубежами, которыми нынѣ отдѣляется уѣздъ суздальскій отъ уѣздовъ владимірскаго и юрьевскаго. (28:)

Въ 1353 году умеръ Симеонъ. Новгородцы, нелюбившіе его за самовластіе, желали видѣть на престолѣ владимірскомъ Константина. Они, полагая, что Князь Нижегородскій будетъ снисходительнѣе къ Новгороду, чѣмъ Князья Московскіе, предложили ему искать у Чинисбека престолъ владимірскій, обѣщая въ этомъ случаѣ свое содѣйствіе. Константинъ, съ удовольствіемъ принявъ ихъ предложеніе, столь согласное съ его честолюбивыми видами, поѣхалъ въ Орду, куда ходатайствовать за него новгородцы отправили боярина своего Семена Судакова. Однако Ханъ склонился на сторону Іоанна Московскаго, отдалъ ему престолъ владимірскій. Константинъ не могъ этаго простить Іоанну до самой смерти, и помѣшалъ Князю Московскому наказать новогородцевъ за происки ихъ въ Ордѣ. Почувствовавъ приближеніе смерти, Константинъ принялъ иноческій образъ и схиму. Онъ скончался 21 Ноября 1355 года. Тѣло его положено въ Нижегородскомъ Спасо—Преображенскомъ Соборѣ. Константинъ женатъ былъ дважды; первую супругу его звали Анной, она была родомъ гречанка, скончалась же въ иночествѣ подъ именемъ Елены.—Отъ второй супруги его, которую звали Еленой, у него было, кромѣ Андрея, еще три сына: Димитрій—Ѳома, Борисъ и Дмитрій-Ноготь.

Борисъ былъ женатъ на дочери Ольгерда Литовскаго, Агрипинѣ, а жену Димитрія-Ногтя звали Мариной (29:).

Андрей Константиновичъ немедленно по смерти отца отправился въ Орду, съ дарами Чинисбеку, для полученія отъ него ярлыка на владѣнія суздальско—нижегородскія. Ханъ принялъ его благосклонно, и лѣтомъ 1356 года отпустилъ его на Русь съ честію и ярлыкомъ на владѣніе Нижнимъ, Суздалемъ и Городцемъ. Оставивъ, по примѣру отца, столицею Нижній-Новгородъ, Андрей далъ удѣлы братьямъ: Димитрію—Ѳомѣ Суздаль, Борису Городецъ съ поволжьемъ и берегами Суры;—Димитрій-Ноготь, кажется, не получилъ никакого удѣла, и жилъ въ Суздалѣ (30:).

Андрей, чтобы болѣе упрочить власть свою и оградить владѣнія свои отъ властолюбія Москвы, часто ѣздилъ въ Орду, гдѣ кипѣли смуты и одинъ честолюбецъ входилъ по трупу другаго на окровавленный престолъ Батыя (31:). Задабривая лестію и золотомъ каждаго новаго владѣтеля Орды и ихъ вельможъ, Андрей и самъ не разъ былъ близокъ къ смерти: въ 1359 году онъ едва не погибъ при волненіяхъ, бывшихъ въ Ордѣ по смерти Бербидека, и потомъ Кульпы; смуты Мамая также застали его въ Ордѣ, которую онъ и поспѣшилъ оставить; новая опасность ждала его на дорогѣ: какой то князь Ратихозь, съ своей шайкой, напалъ на него; но Андрей мужественно отразилъ разбойника, и благополучно достигъ своихъ владѣній (32:). Всѣ перемѣнные Ханы и ихъ вельможи, вѣроятно, за щедрые подарки, любили и уважали Андрея болѣе, чѣмъ князей московскихъ. Убійца Кульпы, Немврусъ, по смерти Іоанна Іоанновича, самъ предложилъ Андрею престолъ владимірскій. Этой благосклонностью Хана Андрей былъ отчасти обязанъ новгородцамъ, которые хлопотали за него въ Ордѣ изъ своихъ видовъ. Андрей, не такъ честолюбивый, какъ отецъ его, былъ доволенъ своимъ владѣніемъ, и отказался отъ предложенія Хана въ пользу брата своего Димитрія—Ѳомы, который былъ съ нимъ также въ Ордѣ. Ханъ безпрекословно исполнилъ умѣренное желаніе Андрея, утвердивъ Димитрія на владимірскомъ престолѣ.

И Владиміръ, и Новгородъ были рады новому князю; первому Димитрій обѣщалъ возвратить прежній блескъ, а послѣднему далъ полную свободу въ правахъ его, предоставя себѣ лишъ одни княжескіе доходы (33:). Два года владѣлъ Димитрій Константиновичъ престоломъ владимірскимъ. Самымъ замѣчательнымъ произшествіемъ этаго времени для Нижняго-Новгорода было разграбленіе ушкуйниками, лѣтомъ 1360 года, областей болгарскихъ.

Ушкуйники были ничто иное, какъ лихая молодежъ новогородская. Въ то время, когда маститое вече Господина Великаго-Новгорода не видѣло ни откуда грозящей опасности, или, не находя нужнымъ громить Ливонцевъ, Шведовъ, Ямь и Корелу, предавалось мирнымъ занятіямъ, *люди молодые*, привыкшіе къ битвамъ и грабежу, скучали бездѣйствіемъ, и отъ нечего дѣлать собирались шайками, выбирали

себѣ начальниковъ изъ аристократовъ новогородскихъ, также, разумѣется, молодыхъ, садились въ легкія ушкуи, и спускались въ низъ по Мологѣ и Волгѣ. Удальство, добыча,—вотъ была единственная цѣль ихъ. Они грабили всѣхъ, кого только могли; били татаръ, захватывали и жгли суда купцовъ азіатскихъ, пепелили города по Волгѣ и Камѣ, проникали даже въ земли сибирскія, слухъ о богатствѣ которыхъ разпалялъ ихъ ненасытную жадность. Вече новогородское смотрѣло на это сквозь пальцы, какъ на дѣло, нестоющее особаго вниманія,—на обыкновенную забаву молодости.

Но не такъ думалъ о томъ грозный Хидарь: онъ потребовалъ у князей русскихъ удовлетворенія за разграбленіе ушкуйниками областей Болгаріи, потому что Болгары были тогда въ зависимости отъ Орды. Димитрій и Андрей Константиновичи и Константинъ Ростовскій, боясь гнѣва грознаго владыки Орды, съѣхались въ Костромѣ судиться съ Болгарами, въ присутствіи пословъ ханскихъ. Болгары получили удовлетвореніе: зачинщики грабежа городовъ ихъ были имъ выданы (34:).

Между тѣмъ бояре московскіе, руководимые Св. Алексіемъ митрополитомъ, хотя благословившимъ Димитрія Константиновича на престолъ владимірскій, но искренно преданнымъ дому Калиты, вступились за права своего юнаго князя; они явились съ нимъ въ Сарай куда также явились и послы Димитрія Константиновича. Амуратъ,—тѣнь ханской власти на престолѣ сарайскомъ,—призналъ права десятилѣтняго Димитрія Іоанновича законнѣе правъ Димитрія Суздальскаго, и внукъ Калиты получилъ ярлыкъ на престолъ владимірскій. Но Димитрій Константиновичъ, зная безсиліе Сарайскаго Хана, не подумалъ слушаться его воли. Тогда бояре московскіе, взявъ юныхъ князей своихъ Димитрія и Іоанна Іоанновичей и двоюроднаго брата ихъ Владиміра Андреевича, явились съ ратью подъ Владиміромъ. Димитрій Константиновичъ, неожидавшій такихъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны Москвы, бѣжалъ въ Суздаль, но неоставилъ надежды обладать Владиміромъ. Онъ также выхлопоталъ себѣ ярлыкъ у Амурата, и снова явился во Владиміръ. Въ свою очередь, теперь московцы не уважили ярлыка Хана Сарайскаго, потому-что Ханъ Абдулъ-твореніе Темникъ-Мамая-утвердилъ Димитрія Іоанновича на престолѣ владимірскомъ. Снова двинулась рать московская на князя суздальскаго, и снова Димитрій—Ѳома бѣжалъ въ удѣлъ свой. Но на этотъ разъ тѣмъ дѣло не кончилось: рать московская вступила въ земли суздальскія, предавая ихъ опустошенію. Стѣсненный Димитрій Константиновичъ, вынужденъ былъ не только совершенно отказаться отъ Владиміра, но оставить Суздаль, и искать убѣжища у брата Андрея, въ Нижнемъ-Новгородѣ (35:).

Андрей, по умѣренности своей, а можетъ быть и по расчету, предоставивъ право на престолъ владимірскій Димитрію—Ѳомѣ, не помогалъ ему въ борьбѣ съ Москвой оружіемъ, и продолжалъ мирно и тихо княжить въ своихъ владѣніяхъ, украшая и укрѣпляя свою сто-

лицу, въ которой въ 1359 году построилъ каменную церковь Архистратига Михаила, *близь двора своего* (36:), кажется, на память избавленія своего отъ опасности, которой подвергался въ тотъ годъ въ Ордѣ. Андрей вполнѣ, какъ и Константинъ, если не болѣе, умѣлъ поддержать блескъ нижегородскаго престола: ему, какъ и князю московскому, служили князья безудѣльные; всѣ владѣтели, притѣсняемые Москвой, искали убѣжища въ его столицѣ, въ томъ числѣ и князья Димитрій Галицкій и Иванъ Стародубскій, выгнанные изъ своихъ удѣловъ Димитріемъ Іоанновичемъ или его руководителями. Андрей, имѣя такихъ сподручниковъ, хотѣлъ еще болѣе усилить блескъ своей столицы; для этаго онъ перевелъ епископа Алексія изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ (37:).

Такъ, почти во всемъ равняясь князьямъ Владимірско—Московскимъ, Андрей только не подражалъ имъ въ соединеніи удѣловъ, быть можетъ, потому, что не имѣлъ дѣтей. Княженіе его продолжалось 10 лѣтъ, и могло бы почесться самымъ счастливымъ для Княжества Нижегородскаго, если бы въ концѣ не омрачилось карой небесъ—моровымъ повѣтріемъ, занесеннымъ въ Нижній-Новгородъ купцами и путешественниками изъ Бездежа (38:):—больные харкали кровію, или страдали железами, и умирали въ одинъ, и не далѣе какъ въ три дня по началѣ болѣзни. Язва такъ была сильна, что въ Нижнемъ-Новгородѣ умирало отъ 20 до 100 человѣкъ въ день, тогда какъ все-то народонаселеніе его состояло едва ли изъ 9000 жителей обоего пола. Не одинъ Нижній пострадалъ отъ этаго бича Господня: Рязань, Коломна, Переяславль, Москва, Тверь, Владиміръ, Можайскъ, Суздаль, Дмитровъ и Волокъ-Ламскій также сдѣлались его жертвами. Къ этому несчастію присоединилось другое, не менѣе ужасное: сдѣлалась засуха, лѣса и болота воспламенялись сами собою, воздухъ заразился гарью, маленькія рѣчки пересыхали, въ большихъ снула рыба.—*Бысть знаменія на небеси, облака кровавы и черныя являхуся, и мгла стояла три мѣсяца, тогда людямъ бысть тягостно и скорбно* (39:). Всѣ думали о смерти, и, въ это тяжкое время, набожный Андрей, *честный и благородный, кроткій и тихій и смиренный, многодобродѣтельный* (40;), скорбя о бѣдствіяхъ своихъ подданныхъ, заболѣлъ, принялъ иноческій чинъ, и скончался 5 іюня 1365 года. Онъ погребенъ подлѣ отца своего, въ Спасо—Преображенскомъ Соборѣ.

По старшинству, слѣдовало-бы занять престолъ нижегородскій Димитрію—Ѳомѣ, въ это время находившемуся въ Суздалѣ, но его предупредилъ Борисъ: явясь въ Нижній—Новгородъ, онъ занялъ престолъ нижегородскій. Димитрій—Ѳома, не желая уступить ему своихъ правъ, послалъ сыновей своихъ, Василія Кирдяпу и Симеона, для переговоровъ съ нимъ и въ Орду для полученія ярлыка.

Борисъ не пустилъ племянниковъ въ стѣны нижегородскія, и тогда Василій отправился къ Хану, а Симеонъ воротился къ отцу. Вскорѣ за тѣмъ Димитрій, съ матерью своей Еленой и епископомъ Алексіемъ, явился подъ Нижнимъ-Новгородомъ; но Борисъ пустилъ

въ захваченную столицу только епископа, и какъ ни увѣщалъ его Алексій, онъ былъ не преклоненъ: не уступалъ престола нижегородскаго, и не хотѣлъ видѣть ни Димитрія, ни матери своей.

Скоро посолъ ханскій привезъ ярлыкъ, и торжественно возвелъ Бориса на престолъ нижегородскій.—Но какъ въ Ордѣ ханы смѣнялись быстро одинъ за другимъ, то Василій Кирдяпа успѣлъ выпросить у преемника Амуратова Озаиса, или Азиса, ярлыкъ для отца нетолько на княжество нижегородское, но даже и на престолъ владимірскій.

Димитрій Константиновичъ не думалъ уже спорить о Владимірѣ съ Москвой: онъ зналъ по опыту ея силу, зналъ и безсиліе Орды, которая, кромѣ ярлыка, ни чѣмъ болѣе не могла поддержать даваемаго ею права на престолы. Поблагодаря Хана, Димитрій рѣшился прибѣгнуть къ великодушію юнаго Димитрія Московскаго: отослалъ къ нему ярлыки, и просилъ у него защиты противъ несправедливости Бориса.

Князь Московскій, принявъ сторону бывшаго своего соперника, послалъ сказать Борису, чтобъ онъ отдалъ Нижній-Новгородъ старшему брату; но не таковъ былъ властолюбивый зять Ольгерда, чтобъ повиноваться приказаніямъ князя, котораго считалъ себѣ равнымъ. Неизвѣстно, чтобы произошло, еслибы Князья Суздальскій и Городецкій стали собственными силами оспаривать другъ у друга права на Нижній-Новгородъ: едва ли бы настойчивый Борисъ не успѣлъ удержать за собой престолъ нижегородскій; но у Димитрія—Ѳомы въ Москвѣ находился, можетъ быть безъ его вѣдома, сильный покровитель, Св. Алексій Митрополитъ.

Этотъ Св. Іерархъ, глава Россійской Церкви, преданный дому Калиты, жаждущій славы и величія Москвѣ, мужъ государственный, глубокій, политикъ, былъ ревностный поборникъ единодержавія, въ которомъ видѣлъ онъ единственное средство къ избавленію Руси отъ постыднаго иноплеменнаго ига, и потому, слѣдуя политикѣ Калиты, онъ изыскивалъ всѣ средства, чтобъ ослаблять силу князей, которые были почему либо опасны Москвѣ.

Бывая въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время проѣздовъ своихъ въ Орду и изъ Орды, Св. Алексій имѣлъ случай изучить характеры сыновей Константина, Димитрія—Ѳомы и Бориса,—у послѣдняго даже онъ крестилъ сына Ивана, извѣстнаго въ послѣдствіи подъ названіемъ *тугой лукъ*,—и видѣлъ, что Димитрій, уступившій два раза силѣ Москвы, имѣлъ менѣе самостоятельности въ характерѣ и менѣе честолюбія, чѣмъ предпріимчивый и властолюбивый Борисъ, связанный родствомъ и дружескими отношеніями съ Литвой, непріязненной Москвѣ.

Вслѣдствіе этого Св. Алексій началъ дѣйствовать въ пользу Князя Суздальскаго. Первымъ дѣломъ его было удалить отъ Бориса суздальскаго епископа Алексія, который, кажется, болѣе держался стороны Бориса, чѣмъ Димитрія, а потомъ Св. Алексій послалъ въ Нижній Новгородъ, разумѣется съ согласія Димитрія Іоанновича, Св. Сергія,

знаменитаго игумена радонежскаго, давъ ему два повелѣнія: явное,— склонить Бориса къ уступкѣ престола брату и тайное,—запретить богослуженіе въ Нижнемъ, если Борисъ будетъ упорствовать.

Осенью 1365 года явился Св. Сергій во дворцѣ Князя Нижегородскаго, но кроткій голосъ его былъ *гласомъ вопіющаго въ пустынѣ*. Борисъ не внималъ увѣщаніямъ святаго старца, не-хотѣлъ выпустить Нижняго изъ рукъ своихъ. Св. Сергій сталъ звать его на судъ Князя Московскаго.—«Князей судитъ Богъ, а не Князь Московскій,» надменно отвѣтилъ ему Борисъ, и тѣмъ ясно выказалъ весь свой характеръ и свои будущія отношенія къ Москвѣ.

Тогда Св. Сергій, именемъ митрополита, приказалъ затворить храмы нижегородскіе, что было уже легко исполнить, потому-что епископъ Алексій, лишенный епархіи, оставилъ Нижній, иначе онъ могъ бы, если не совсѣмъ, то на время, остановить распоряженіе игумена.—

Борисъ и при этой духовной карѣ, столь страшной въ XIV столѣтіи, остался непреклоненъ. Святый Сергій удалился обратно въ свою обитель, и на пути основалъ, во владѣніяхъ нижегородскихъ, пустыню, близь Гороховца, на берегу Клязьмы.

Когда посольства, свѣтское и духовное, не удались, тогда митрополитъ благословилъ Димитрія Константиновича идти на Нижній-Новгородъ войной.

Димитрій Іоанновичъ далъ войска Димитрію Константиновичу, который, присоединивъ къ тому и свою суздальскую рать, пошелъ на Нижній. Борисъ, не ожидавшій этаго, и видя теперь, что не имѣетъ средствъ бороться съ Димитріемъ, располагавшимъ такими огромными силами, упалъ духомъ, и съ повинной головой пошелъ на встрѣчу брату. Въ Бережцѣ, на устьѣ Клязьмы, встрѣтилъ онъ съ своими боярами Димитрія; покорный и униженный, просилъ онъ мира и забвенія прошлаго, да удѣла своего—Городца. Димитрій примирился съ нимъ и оставилъ ему Городецъ, а Суздаль отдалъ сыну своему Василію (41:).

Такъ достигъ Димитрій, въ концѣ 1365 года, послѣдней цѣли своихъ желаній,—престола одного изъ значительнѣйшихъ княжествъ того времени; но достигъ не собственной своей силой, не силой ханской воли, не искусными переговорами пословъ свѣтскихъ, наконецъ, не кроткими увѣщаніями отцевъ церкви и грозной анаѳемой ихъ, а прямо силой Москвы,—ей только одной уступилъ Борисъ.

Димитрій Константиновичъ, князь умный, хотя и не отличавшійся особенными достоинствами, понялъ, какъ нельзя лучше, настоящее положеніе Княжества Нижегородскаго; понялъ, что, съ упадкомъ Орды, минуло для Нижняго-Новгорода время Константина и Андрея,-время соперничества владѣтелей нижегородскихъ съ московскими.

Москва, при постоянномъ стремленіи своемъ къ одной цѣли,—единодержавію, такъ окрѣпла, что, въ настоящее время, могла уже распо-

лагать престоломъ нижегородскимъ по произволу. Покорясь обстоятельствамъ и ожидая перемѣны ихъ, Димитрій Константиновичъ, для удержанія своей независимости, не слишкомъ уже надежной, сталъ искать дружбы Москвы и прочныхъ связей съ Димитріемъ Іоанновичемъ. Желаніе его исполнилось, кажется, также не безъ участія Митрополита. Въ Январѣ слѣдующаго года Димитрій Іоанновичъ женился на меньшой дочери Князя Нижегородскаго, Евдокіи, а старшая, Марія, была въ то же время выдана за Николу Васильевича Вельяминова, сына Московскаго Тысяцкаго. Двойной бракъ этотъ праздновань былъ въ Коломнѣ (42:).

Обезпечивъ себя со стороны Москвы родствомъ съ Великимъ Княземъ и первымъ его сановникомъ, Димитрій Константиновичъ думалъ покойно владѣть своимъ княжествомъ, которое, не смотря на потерю прежняго блеска, было еще однимъ изъ значительнѣйшихъ владѣній сѣверовосточной Руси,-какъ вдругъ получилъ ударъ, откуда не ожидалъ.

Весной того же 1366 года молодые новгородцы вздумали опять, какъ за шесть лѣтъ тому назадъ, безъ воли веча, пограбить города болгарскіе. Въ двухъ стахъ ушкуяхъ пустились они внизъ по Волгѣ, подъ начальствомъ трехъ новгородскихъ аристократовъ: Осипа Варфоломѣевича, Василья Ѳеодоровича и Александра Абакумовича, и достигли Нижняго-Новгорода, гдѣ въ то время было много купцовъ татарскихъ, хивинскихъ, бухарскихъ и армянскихъ, ежегодно пріѣзжавшихъ сюда для промѣна восточныхъ товаровъ на русскія произведенія.

При видѣ этой добычи у ушкуйниковъ разгорѣлась алчность. Удальцы не задумались: сдѣлавъ высадку у окскаго устья, внезапно напали, сначала на гостей иноземныхъ, а потомъ и на городъ. Ушкуйники были неразборчивы: для нихъ все равно, кого ни ограбить, лишъ была-бы добыча.

Грабя товары, новгородцы не пощадили и жителей, которые конечно защищали гостей иноземныхъ и свое имущество, и тутъ много было избито нижегородцевъ, безъ различія пола и возраста. Ушкуйники чтобъ устранить погоню, частію сожгли, частію изрубили суда, стоявшія на нижегородской пристани, а сами пустились внизъ по Волгѣ. Ограбивъ берега ея до устья Камы и поднявшись вверхъ по этой рѣкѣ, они ушли въ новгородскую область—Печору.

Такое своевольство новгородской молодежи разгнѣвало Князя Московскаго. Онъ велѣлъ захватить въ Вологдѣ Василья Даниловича, боярина новгородскаго, ѣхавшаго съ Двины въ Новгородъ, и не знавшаго о разграбленіи Нижняго, и спросилъ Вече Новогородское: *«почто есте ходили на Волгу, и гостей моихъ пограбили, и бесерменъ избили?»*

Новогородское Вече, какъ и Князь Нижегородскій, понимало значеніе Москвы, и также, въ ожиданіи перемѣны обстоятельствъ,— раздора князей, при которомъ надѣялось выиграть болѣе простора

своимъ стариннымъ правамъ,-вело себя предъ Великимъ Княземъ осторожно, уклончиво, и на грозный вопросъ Димитрія, готоваго всякую дерзость наказать оружіемъ, отправило пословъ въ Москву съ покорнымъ отвѣтомъ. Послы сказали князю: «*ходили, Господине, молодые люди на Волгу, безъ новгородскаго слова, а твоихъ, Господине, гостей не грабили, токмо побили бесерменъ: а ты Господине, пожалуй, по прежнему къ намъ миръ и любовь имѣй до конца.*» (43:)

Димитрій остался доволенъ такимъ объясненіемъ, и помирился съ новгородцами: ни въ вопросѣ, ни въ отвѣтѣ не было ни слова о нижегородцахъ. Быть можетъ, Князь Московскій, считая ихъ чужими подданными, предоставлялъ право искать за нихъ своему тестю, или же, слѣдуя своей политикѣ, онъ находилъ государственную пользу Москвы во всякомъ ударѣ, поражавшемъ удѣльныя княжества, но не касавшемся собственныхъ его владѣній.

Неуспѣлъ еще Димитрій Константиновичъ опомниться отъ набѣга ушкуйниковъ, какъ увидѣлъ въ предѣлахъ своихъ владѣній новаго и опаснѣйшаго врага:—Булатъ—Темиръ, мурза ордынскій, захватя власть надъ Болгаріею, вторгнулся въ низовыя области Бориса Константиновича, и шелъ къ Нижнему-Новгороду.

Димитрій Константиновичъ поспѣшно собравъ войско, пошелъ на встрѣчу Булатъ-Темиру; въ этомъ походѣ участвовали сыновья Димитрія и оба брата его, Борисъ и Димитрій—Ноготь. Булатъ Темиръ испугался столь сильнаго отпора, и побѣжалъ за Пьяну; его преслѣдовалъ Борисъ, и отмстилъ за раззореніе своего удѣла, избивъ почти всю рать его.

«Гонимый гнѣвомъ Божіимъ,» говоритъ лѣтописецъ, Булатъ Темиръ, съ малыми остатками войска, бѣгствомъ въ Орду спасъ свою голову отъ меча русскаго, но не спасъ ее отъ гнѣва Хана Озиса, который казнилъ его какъ бунтовщика.

Темникъ-Мамай, присвоившій себѣ власть давать Ордѣ хановъ, захотѣлъ возвратить подъ власть свою отпавшую Болгарію, въ которой, вмѣсто Булатъ—Темира, властвовалъ уже другой смѣльчакъ, Осаннъ, также мурза ордынскій; но почему—то Мамай не хотѣлъ самъ дѣлать вторженія въ земли болгарскія, а предложилъ напасть на нихъ Димитрію Константиновичу.

Князь Нижегородскій былъ готовъ исполнить желаніе Темникъ—Мамая: ему было пріятно, за раззореніе земли своей Булатъ—Темиромъ, побить Болгаръ и пограбить земли ихъ. Рать его двинулась на Болгарію подъ предводительствомъ сына его Василія, въ сопутствіи Ачихожи,—посла мамаева; къ ней присоединился и Борисъ Константиновичъ съ своимъ войскомъ.

Осаннъ увидѣвъ, что бороться съ русскими ему неподсилу, рѣшился спасти себя покорностію: онъ выслалъ къ князьямъ пословъ съ дарами, и просилъ мира; дары были приняты, миръ данъ Болгаріи, но-Осаннъ лишился престола. Ачихожа, свергнувшій его именемъ Хана, отдалъ Болгарію сыну Султана Бакуя, Мехемету, съ

тѣмъ, чтобы Мехеметъ былъ присяжникомъ Орды.

Этотъ годъ былъ еще замѣчателенъ для Нижняго-Новгорода тѣмъ, что осенью шли проливные дожди, и вода въ рѣкахъ сильно возвысилась, а зимою сдѣлался обвалъ снѣга съ высокой горы, выходившей на Оку, и засыпалъ много домовъ, стоявшихъ подъ горой, при чемъ погибли всѣ жившіе въ нихъ. Къ этому же году относятъ построеніе Нижегородскаго Благовѣщенскаго Монастыря Св. Алексіемъ Митрополитомъ (44:).

Въ 1372 году Димитрій Константиновичъ построилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ церковь *каменную,* во имя Николая Чудотворца, на р. Почайнѣ, и заложилъ каменный кремль; но строеніе послѣдняго ограничилось одной башней, нынѣ извѣстной подъ названіемъ Дмитровской, или Дмитровскихъ воротъ, да небольшой частію стѣны, которая образовывала собою, отдѣльно отъ старыхъ укрѣпленій, цитадель, и впослѣдствіи была извѣстна подъ названіемъ *меньшаго города;* старыя укрѣпленія оставались по прежнему.

Въ томъ же году на колокольнѣ Спасо-преображенскаго Собора прозвонилъ колоколъ трижды самъ собою.

Между тѣмъ Орда, или вѣрнѣе, правитель ея Мамай, бывшій еще недавно въ дружескихъ сношеніяхъ съ Димитріемъ Константиновичемъ, замѣчая, что, при неустройствахъ Орды, Русь начала отдыхать и выходить изъ того рабскаго состоянія, въ которомъ была болѣе ста тридцати лѣтъ, задумалъ подавить обновленіе ея въ самомъ зародышѣ. Владѣтелю нижегородскому первому угрожала опасность, и онъ какъ будто самъ стрѣмился на встрѣчу ей.

Въ 1374 году былъ посланъ отъ Мамая на Русь воевода Сарайко съ значительной свитой. Вѣроятно, везя какія нибудь грозныя повелѣнія отъ своего владыки князьямъ русскимъ, посолъ и его свита дерзко и нагло оскорбляли народъ во время прохода по областямъ Димитрія Константиновича; нижегородцы нестерпѣли обидъ отъ ненавистныхъ Монголовъ: напали на Сарайку, перебили изъ его свиты до тысячи человѣкъ, а его съ *особенной* дружиной привели въ Нижній-Новгородъ.

Димитрій Константиновичъ, понадѣявшись на силу Москвы, не только не наказалъ своихъ подданныхъ за оскорбленіе посла ордынскаго, но даже заключилъ Сарайку, съ остаткомъ его свиты, въ тюрьму.

Василій Кирдяпа поступилъ еще безразсуднѣе: онъ въ 1375 году, въ отсутствіе отца изъ Нижняго-Новгорода, вздумалъ убить Сарайку и его товарищей, которые все еще томились въ заключеніи. Что побудило Кирдяпу къ такому поступку, неизвѣстно, а кажется, что ему захотѣлось показать только власть свою надъ плѣнниками, насладиться смертными ихъ муками и кровью,—просто позабавиться въ духѣ своего времени.

Для этого онъ приказалъ развести татаръ, содержавшихся до того времени въ одной тюрьмѣ, по разнымъ мѣстамъ. Сарайко понялъ его

намѣреніе, и рѣшился дорого продать свою жизнь: вырвавшись у стражи со всѣми своими товарищами, онъ бросился въ епископскій домъ, зажегъ его, и началъ обороняться.

Къ толпѣ убійцъ, посланныхъ Василіемъ, присоединился народъ, закипѣла сильная драка; *стрѣлы татаръ сыпались* въ русскихъ, и одна изъ нихъ едва не ранила Св. Діонисія, который за годъ до того былъ поставленъ Св. Алексіемъ митрополитомъ въ санъ Епископа Суздальскаго. Это еще болѣе озлобило нижегородцевъ, питавшихъ постоянную ненависть къ татарамъ: Сарайка и всѣ его товарищи погибли отъ рукъ воиновъ княжескихъ и народа. Безрассудное и ничѣмъ не оправдываемое убійство Сарайки дорого стоило Князю Нижегородскому (45:).

Скоро толпы татаръ Мамаевыхъ явились въ областяхъ нижегородскихъ. Димитрій не былъ готовъ къ бою съ ними: войска его, какъ и Бориса Городецкаго, находились тогда, вмѣстѣ съ войсками Димитрія Московскаго, подъ Тверью, противъ Михаила Александровича.

Димитрій Константиновичъ могъ противопоставить татарамъ только небольшой отрядъ своихъ воиновъ, но отрядъ этотъ былъ истребленъ татарами около Пьяны, предводитель его бояринъ Парфеній убитъ, и запьянская сторона предана опустошенію. Татары, грабя и убивая жителей областей нижегородскихъ, говорили: «это вамъ за то, что князь вашъ пошелъ на князя тверскаго.»

Слыша о раззореніи запьянья, многіе жители Нижняго-Новгорода бросились бѣжать за Волгу, и кажется, что столица Димитрія Константиновича также не избѣгла раззоренія.

Димитрій Константиновичъ разгромъ земель своихъ рѣшился вознаградить раззореніемъ Болгаріи, въ которой, вмѣстѣ съ Мехеметъ-Султаномъ, властвовалъ и Осанъ, какъ-то опять успѣвшій сѣсть на престолѣ казанскомъ и безъ ссоры подѣлиться имъ съ Мехеметомъ.

Димитрій собралъ большое войско, выпросилъ вспоможеніе у Князя Московскаго, и двинулъ соединенную рать подъ Казань.—Воинствомъ суздальско—нижегородскимъ предводительствовали сыновья Димитрія, Василій и Іоаннъ, московскимъ—Димитрій Михайловичъ Волынскій.

Мехеметъ и Осанъ употребили всѣ мѣры для защиты своей столицы, даже пытались было испугать русскихъ верблюдами, на которыхъ выслали своихъ воиновъ на встрѣчу княжескимъ конникамъ; но ни что не устояло противъ храбрости соединенной рати: русскіе не дрогнули при видѣ неизвѣстныхъ имъ доселѣ животныхъ, отразили татаръ, вогнали ихъ въ городъ, и—разсыпались по окресностямъ Казани, предавая все огню и мечу.

Испуганные Мехеметъ и Осанъ купили у русскихъ миръ за пять тысячь рублей, изъ которыхъ оба Димитрія получили по 1000 руб., а 3000 были розданы воеводамъ. Впрочемъ, походъ этотъ принесъ болѣе пользы Москвѣ, чѣмъ Димитрію Константиновичу, который

удовольствовался только 1000 руб., взятыми изъ окупа, да славой сыновей; Димитрій же Іоанновичъ, кромѣ полученной части окупа, поставилъ въ Казани своихъ таможенниковъ (46:). Вообще же этотъ походъ былъ предзнаменованіемъ того вліянія Руси на Казань, которое развилось въ послѣдствіи.

Оба Димитрія понимали, что успѣхи оружія ихъ еще-болѣе раздражатъ Мамая, неудовлетворившаго вполнѣ гнѣва своего за убійство Сарайки раззореніемъ владѣній нижегородскихъ, и потому усилили свои сторожевые полки на Окѣ, откуда ожидали нашествія татаръ.

Дѣйствительно, весной 1377 года въ Нижнемъ-Новгородѣ пронесся слухъ, что у предѣловъ русскихъ явился какой-то татарскій царевичъ *Арапша*, по словамъ лѣтописцевъ, «*свирѣпый зело, и ратникъ велій, тѣломъ малый, но мужествомъ вельми.*» Это былъ сподручникъ Мамая, пришедшій къ нему на службу съ береговъ Синяго [Аральскаго] моря.

Мамай, желавшій напомнить Руси времена Чингисхана и Батыя, но удержанный въ Ордѣ свирѣпствовашимъ тамъ моровымъ повѣтріемъ, далъ Арапшѣ часть своего войска, и велѣлъ громить земли русскія. Мордовскіе князья, старинные враги владѣтелей Низовья, взялись проводить Арапшу въ предѣлы нижегородскіе.

Димитрій Константиновичъ, узнавъ о появленіи татаръ на границахъ своихъ, немедленно собралъ войско, и просилъ помощи у зятя. Князь Московскій, давно уже рѣшившійся на открытую борьбу съ Монголами, самъ явился съ своими полками въ Нижній-Новгородъ, но какъ слухи объ Арапшѣ замолкли, и онъ нигдѣ не являлся, то Димитрій Іоанновичъ, оставя свое войско въ Нижнемъ, возвратился въ Москву. Вслѣдъ за его отъѣздомъ возобновился слухъ о татарахъ, которые появились уже въ запьяньѣ. Соединенное войско, подъ начальствомъ Іоанна Димитріевича, сына Димитрія—Ѳомы, и какого—то князя Симеона Михайловича и воеводы московскаго Ѳедора Свибла, двинулось на встрѣчу врагамъ.

Перешедши Пьяну, вожди получили свѣдѣніе, что толпы татаръ, появившихся въ запьяньѣ, очень незначительны, а самъ Арапша находится на *волчьей водѣ*, на Камѣ, въ окрестностяхъ нынѣшняго города Бирска (47:), слѣдовательно еще очень далеко.

Этотъ слухъ распустила, вѣроятно, коварная Мордва. Легковѣрные вожди, повѣривъ ему, вздумали на степи Перевозской позабавиться, какъ дома въ мирное время: скинули съ себя доспѣхи ратные, одѣлись въ легкое платье и-«*начаша ловы за звѣрми и птицами творити, и потѣхи дѣюще, не имѣя ни малѣйшаго сомнѣнія.*» Простые воины послѣдовали ихъ примѣру: покидали въ телѣги и на землю шлемы, щиты, латы и прочее оружіе, которое при томъ было въ неисправности, и даже, по случаю зноя, спустили съ плечь верхнее платье,— «*аки въ банѣ растрепахуся;*» достали изъ окружныхъ селеній пива, меду, и-весь станъ, начиная отъ князей до послѣднихъ ратниковъ, предался бражничеству.

Всѣ пили и храбрились; вожди глядя на многочисленные полки говорили: «кто осмѣлится сразиться съ нами?» а пьяные воины, гарцуя на лихихъ коняхъ своихъ, кричали: «всякій изъ насъ одинъ пойдетъ на сотню татаръ.» А между тѣмъ врагъ не дремалъ и готовился воспользоваться безпечностію вождей и неустройствомъ всей рати.

Настало 1 Августа, кутежъ въ станѣ русскихъ, по случаю праздника, еще болѣе усилился; князья и воеводы продолжали гонять звѣрей, да бить птицъ; часть рати разсѣялась по окрестнымъ селеніямъ. Татары и мордва только этаго и ждали: Августа 2-го они ударили на русскихъ съ пяти сторонъ. Застигнутые въ расплохъ предводители и воины, не успѣвъ взяться за оружіе, побѣжали къ Пьянѣ; враги преслѣдовали ихъ, *біюще и сѣкуще*, ни кому недавая пощады.

Князь Симеонъ былъ изрубленъ, а Іоаннъ, бросившійся на конѣ въ Пьяну, утонулъ въ волнахъ ея. Туже участь имѣли множество бояръ и воиновъ.

Въ этотъ роковой день татары *трубили побѣду на костяхъ христіанскихъ*. Потомъ они, оставя плѣнныхъ, разумѣется, подъ надежной стражей, пошли къ Нижнему-Новгороду *безвѣстно-изгономъ*. Но страшная вѣсть о побоищѣ запьянскомъ долетѣла до Нижняго-Новгорода прежде, чѣмъ они явились у стѣнъ его: не многіе ратники, спасшіеся отъ смерти и плѣна, принесли ее.

Страшный ужасъ поразилъ столицу княжескую; никто не думалъ уже защищаться. Димитрій бѣжалъ въ Суздаль; часть жителей послѣдовала его примѣру: кто водой, кто пѣшкомъ, кто на лошадяхъ,— спѣшили удалиться въ Городецъ и Муромъ.

Татары явились подъ Нижнимъ 5 числа; беззащитные жители, остававшіеся въ городѣ, молили ихъ о пощадѣ, но варвары не знали ее: два дня лили кровь христіанскую, раззоряли и жгли церкви, монастыри и зданія. По сказанію лѣтописцевъ, тогда сгорѣло въ Нижнемъ 32 церкви. Наконецъ, 7 Августа татары перестали жечь и раззорять, потому что все предали уже огню и мечу, кромѣ женщинъ и дѣтей, которыхъ и повлекли въ неволю. Запьянская битва породила поговорку: «*за Пьяной люди пьяны*».

«*Забыша смиренные мудрости, яко Богъ смиреннымъ даетъ благодать и яко вси есми адамовы внуцы, они же гордостію величающеся, и Господь Богъ смири гордость ихъ,*» говоритъ сѣтующій лѣтописецъ про оплошныхъ предводителей, погубившихъ самонадѣянностію и безпечностію рать и городъ.

Недѣли чрезъ полторы послѣ выхода татаръ изъ Нижняго-Новгорода явился Василій Димитріевичъ съ своимъ сыномъ на пепелищѣ отеческой столицы, и послалъ отыскивать трупы брата и князя Симеона. Августа 18 привезли тѣла несчастныхъ князей, и погребли въ Спасо-Преображенскомъ Соборѣ, который будто бы уцѣлѣлъ отъ разрушенія (48:).

И такъ значительная часть областей собственно нижегородскихъ

была опустошена; оставались въ цѣлости только Березополье, поволжье и засурье, но и ихъ ждала не лучшая участь: Арапша, явясь вновь въ предѣлахъ нижегородскихъ, разграбилъ засурье.

Мордовскіе хищники, видя разгромъ земли Димитрія Константиновича, также захотѣли воспользоваться обстоятельствами; они нахлынули на поволжье, начали грабить его, но были жестоко наказаны: Борисъ Константиновичь погнался за ними, и у Пьяны истребилъ ихъ, почти всѣхъ частію избивъ, частію потопивъ въ рѣкѣ; потомъ, зимою, вмѣстѣ съ племянниками Василіемъ и Симеономъ и воеводой московскимъ Свибломъ, прошелъ въ самые улусы мордовскіе, выжегъ ихъ, ограбилъ, избилъ множество жителей, нѣкоторыхъ взялъ въ плѣнъ, и—всю землю мордовскую *пусту сотвори*.

Это было во время такой холодной зимы, что люди и тепло-одѣтые коченѣли отъ холода, а небольшія рѣчки вымерзали до суха; тѣ изъ мордвы, которые спаслись въ лѣсахъ отъ побоища русскихъ,—погибли отъ стужи; участь плѣнниковъ, пригнанныхъ Борисомъ въ Нижній-Новгородъ, была и того ужаснѣе: ихъ волочили, и вѣрно нагими, по льду и травили собаками.

Но тѣмъ не кончились бѣдствія Княжества Нижегородскаго: въ слѣдующемъ году явились новыя толпы татаръ; однѣ пошли на Москву, другія на Нижній.—Нижегородцы бѣжали за Волгу.

Димитрій Константиновичъ, жившій въ то время въ Городцѣ, не имѣя уже силъ бороться съ татарами и не надѣясь на помощь зятя, который въ то время самъ готовился защищать свои владѣнія, предложилъ татарамъ окупъ; но они, полагать надо, исполняя волю Мамая, хотѣли разрушенія и крови, не приняли окупа, и-Нижній-Новгородъ, только начавшій оправляться, былъ вновь раззоренъ, какъ говорится, до тла: все, что построено было въ немъ вновь и что осталось отъ прежняго раззоренія, погибло теперь; потомъ татары опустошили Березополье.

Такъ въ два года цвѣтущія области нижегородскія превратились въ пустыни, усѣянныя тлѣвшими трупами и пепелищами. Эти набѣги татаръ и мордвы еще болѣе поколебали значеніе Княжества Нижегородскаго: жители, не имѣя уже довѣрія къ силамъ своего князя, начали оставлять Нижній-Новгородъ и его предѣлы, и переселялись въ Москву, могущество которой въ то время стало уже замѣтно всякому.

Въ числѣ этихъ выходцевъ былъ гость Тарасъ Петровъ, который ранѣе того купилъ у Димитрія Константиновича, за рѣкой Кудьмой, на р. Сундовикѣ, шесть селъ, и много выкупилъ изъ плѣна людей разнаго званія; про него лѣтописецъ говоритъ: «*больше его изъ гостей небыло*»; но когда волость его была опустошена татарами, «*онъ съѣхалъ изъ Нижняго къ Москвѣ*» (49:).

Въ это смутное время скончалась супруга Андрея Константиновича, Великая Княгиня Анастасія. Она родилась въ Твери отъ благородныхъ родителей; отецъ ея назывался Иваномъ Кіасовскимъ, мать-

Анной. Съ дѣтства Анастасія изучила Св. Писаніе, и желала посвятить себя Богу, но родители насильно выдали ее за мужъ за Андрея, вѣроятно прельщенные его саномъ.

Анастасія, вступивъ въ чертоги княжескіе, осталась вѣрна душевному своему призванію, не увлеклась блескомъ, окружавшимъ ее: подъ пышными одеждами носила власяницу, соблюдала строгое воздержаніе, проводила дни и ночи въ молитвѣ, щедро раздавала милостыню.

Когда скончался супругъ ея, она раздала все свое имѣніе—золото, серебро, жемчуги и дорогое одѣяніе—бѣднымъ, по церквамъ и монастырямъ, отпустила на волю рабовъ, и—вступила въ монастырь, который основала еще при жизни Андрея, въ честь Зачатія Пресвятыя Богородицы. Здѣсь она предалась всей строгости монашеской жизни: не принимала пищи иногда дней по пяти, проводила цѣлыя ночи на молитвѣ, сохраняла строгое молчаніе, которое нарушала только чтеніемъ священныхъ книгъ, и содержала себя своею работою.

Троицкій лѣтописецъ, повѣствуя о ея монашескомъ подвижничествѣ, между прочимъ, говоритъ, что она *пива и меду не пьяше,......... въ мовню не хожаше*. Примѣръ ея увлекъ многихъ боярынь, вдовъ и дѣвицъ, числомъ, по Троицкому лѣтописцу, до 90, по Нижегородскому и Степенной книгѣ—до 110; онѣ также, вступивъ въ Зачатейскій Монастырь, *вси общее житіе живяху жестоко же и крѣпко зело.*

Постриженіе Анастасіи, въ 1367 году, совершалъ Св. Діонисій, бывшій тогда архимандритомъ Нижегородскаго Печерскаго Монастыря, причемъ она наречена Вассой; предъ кончиною она приняла схиму съ именемъ Ѳеодоры. Прахъ ея покоится въ Нижегородскомъ Спасо-Преображенскомъ Соборѣ (50:).

Со времени раззоренія татарами земель нижегородскихъ, Димитрій Константиновичъ измѣнилъ свою политику: изъ союзника Москвы онъ сдѣлался опять искателемъ ханскимъ милостей. Быть можетъ, онъ предполагалъ, что Князь Московскій не устоитъ противъ Мамая, или, чувствуя слабость своихъ раззоренныхъ владѣній, боялся уже своего зятя.

Въ 1380 году, когда Димитрій Іоанновичъ призывалъ всю Россію стать противъ полчищъ Мамая, Димитрій Константиновичъ послалъ только свои полки, но ни самъ, ни сыновья его не учавствовали въ славной Куликовской битвѣ.

Въ 1381 году онъ, вопреки общимъ пользамъ Москвы и всей Руси, увѣрилъ посла Тохтамышева, Акхазя, явившагося требовать покорности князей русскихъ, что въ Москвѣ посольство будетъ не безопасно, и тѣмъ отвлекъ Акхазя отъ свиданія съ Княземъ Московскимъ (51:); а потомъ, въ слѣдующемъ году, когда Тохтамышъ, идя подъ Москву, вступилъ въ южныя предѣлы Нижегородской Области, Димитрій Константиновичъ отправилъ къ нему своихъ сыновей.—Кирдяпы, дойдя до нынѣшняго Сергача, узнали, что Тохтамышъ повер-

нулъ на Рязань, поспѣшили за нимъ, и догнавъ его, отправились съ нимъ вмѣстѣ къ Москвѣ.

Когда Тохтамышъ достигъ великокняжеской столицы, Димитрій Іоанновичъ былъ уже въ Костромѣ. Тохтамышъ обложилъ Москву, и началъ приступъ, но москвитяне руководимые храбрымъ внукомъ Олгерда, литовскимъ княземъ Остяемъ (52:), три дня мужественно отражали осаждающихъ, и причинили имъ большой вредъ.—Тохтамышъ, коварный, какъ и всѣ азіатскіе варвары, чтобъ овладѣть городомъ, не тратя своихъ силъ, объявилъ москвитянамъ, что пришелъ не на нихъ, а на князя Димитрія; что отъ нихъ онъ ни чего не требуетъ, кромѣ мира и любви; если они впустятъ его добровольно въ свои стѣны, полюбоваться красотой города, то онъ ни какого зла не сдѣлаетъ ни кому, но окажетъ милости народу.

Съ этимъ предложеніемъ Тохтамышъ послалъ Кирдяпу, Василія и Симеона; они, вполнѣ ему повѣрившіе, или только исполнявшіе его волю, подъѣхавъ къ стѣнамъ кремля, сообщили слова его Остяю и гражданамъ и завѣрили въ истиннѣ ихъ клятвою, причемъ Симеонъ, снявъ даже съ себя крестъ, цѣловалъ его.

Остяй и москвитяне, желая покорностію отвратить отъ Москвы дальнѣйшія бѣдствія, склонились на ихъ убѣжденія, отворили ворота, пошли на встрѣчу Тохтамышу съ крестами и дарами, и—*кипѣвшая* прежде *богатствомъ и славою* Москва превратилась въ дымъ и пепелъ, жители ея—въ бездушные трупы. Такъ погибли довѣрчивые москвитяне отъ вольнаго или невольнаго обмана князей нижегородскихъ.

Димитрій Константиновичъ, своимъ искательствомъ, дѣйствительно успѣлъ задобрить Тохтамыша; владѣнія нижегородскія спаслись отъ новаго раззоренія. Тохтамышъ отослалъ Симеона Димитріевича къ отцу, съ посломъ своимъ Шихъ—Ахметомъ, но Василія оставилъ при себѣ въ качествѣ аманата (53:).

Осенью 1383 года многіе князья русскіе поѣхали въ Орду,—въ томъ числѣ и Борисъ Городецкій. Димитрій Константиновичъ отправилъ туда Симеона,—самъ уже онъ былъ тяжко боленъ.—Онъ скончался въ 1384 г. 5 Іюля въ 6-мъ часу дня,—«*въ чернецѣхъ и скимѣ, нареченный въ Св. крещеніи Ѳома, а во мнишескомъ чину Ѳеодоръ,*—» и также погребенъ въ Нижегородскомъ Спасо-Преображенскомъ Соборѣ, подлѣ отца своего и брата (54:).

Димитрій Константиновичъ не имѣлъ ни дарованій отца своего, ни счастія брата, однако былъ однимъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей своего времени: онъ боролся съ Москвой и съ татарами, а политикой своей, конечно не всегда чистой, успѣлъ до конца жизни удержаться на престолѣ нижегородскомъ и сохранить независимость своего княжества. Для Нижняго-Новгорода онъ памятенъ началомъ построенія Кремля и основаніемъ церквей,—Николаевской, на нижнемъ посадѣ, и Димитрія Селунскаго,—нынѣшняго Благовѣщенскаго Собора. Любители Русской исторіи обязаны ему спискомъ

Нестора (Лаврентьевскимъ), который написалъ для него $^{6885}/_{1377}$ г. монахъ Лаврентій (55:).

Въ княженіе Димитрія Константиновича жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ старецъ Павелъ Высокій, книжный и *чудный* инокъ Нижегородскаго Печерскаго Монастыря, славный своими добродѣтелями и познаніями, за что и получилъ прозваніе *философа*. За христіанскіе подвиги, готовность словомъ и дѣломъ помогать всякому страждущему, духовные и миряне любили и уважали его, и пролили много слезъ о его кончинѣ, послѣдовавшей 1 Января 1383 года. Изъ числа оплакивавшихъ этаго старца былъ и самъ Св. Діонисій (56:).

По смерти Димитрія, Борисъ Константиновичъ получилъ отъ Тохтамыша ярлыкъ на Княжество Нижегородское, а Василій и Симеонъ— на Суздальское. Но Василій опять былъ оставленъ въ Ордѣ, и кажется,—по проискамъ Бориса.

Въ 1386 году, когда Димитрій Іоанновичъ, разгнѣванный дерзостями новогородцевъ, ходилъ для укрощенія ихъ съ полками двадцати шести областей, рать нижегородская участвовала также въ этомъ походѣ (57:).

Своекорыстная мѣра Бориса не принесла желанной пользы, а скорѣе повредила ему: Василій, живя въ Ордѣ, успѣлъ выхлопотать себѣ ярлыкъ на обладаніе Нижнимъ, и явясь на Русь въ 1388 году, собралъ рать въ Суздалѣ, выпросилъ помощь у Димитрія Іоанновича, и, вмѣстѣ съ братомъ Симеономъ, явился подъ Нижнимъ Новгородомъ.

Борисъ, застигнутый въ расплохъ, не могъ защищаться; вступилъ въ переговоры съ племянниками, длившіеся только нѣсколько дней (съ 19 по 24 число Марта), отказался отъ титула Великаго Князя Нижегородскаго, сдалъ племянникамъ Нижній-Новгородъ, и удалился въ свой удѣлъ Городецъ. Но честолюбіе и зависть мучили старика, ему казался тѣснымъ удѣлъ Городецкій и были ненавистны племянники, завладѣвшіе, вопреки правъ старѣйшинства, престоломъ нижегородскимъ, цѣлію многолѣтнихъ его домогательствъ.

Въ слѣдующемъ году скончался Великій Князь Димитрій Іоанновичъ. Борисъ поспѣшилъ въ Орду, и хотя былъ теперь старшимъ въ родѣ Ярослава II-го, но не смѣлъ предъявить правъ своихъ на престолъ владимірскій, который давно уже сдѣлался наслѣдственнымъ въ родѣ Калиты, а искалъ опять только Нижняго-Новгорода.

Въ это время Тохтамышъ, готовясь перевѣдаться силами съ Тамерланомъ, отправился къ предѣламъ Персіи. Борисъ догналъ его на пути, ѣздилъ съ нимъ цѣлый мѣсяцъ, и получилъ дозволеніе удалиться въ Сарай. Тамъ дождался онъ возвращенія Тохтамыша, который и далъ ему ярлыкъ на Княжество Нижегородское. Овладѣвъ въ третій разъ Нижнимъ-Новгородомъ, Борисъ заключилъ Василія Кирдяпу въ Городцѣ въ темницу, жену и дѣтей Симеона также посадилъ подъ стражу, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Георьевскомъ теремѣ,— дворцѣ князя Юрія, основателя Нижняго-Новгорода; самъ же Симеонъ успѣлъ убѣжать.

Но и на этотъ разъ могущество Бориса продолжалось не долго: таковъ вѣрно былъ удѣлъ честолюбиваго до нельзя и несчастнаго сына Константина Мудраго. Впрочемъ, и надъ самымъ княжествомъ, основаннымъ Константиномъ, готовились совершиться слова Вѣнценоснаго Пророка: «*мимо идохъ и се не бѣ.*»—

Покуда Борисъ наслаждался властію, отнятою у Кирдяпъ, и тѣшился охотой, Василій Димитріевичъ воспользовался обстоятельствами: въ бытность свою въ Ордѣ, гдѣ, по слову лѣтописцевъ, «*и много чести отъ царя* (Тохтамыша) *принялъ*,»—успѣлъ, кромѣ Тарусы и Мещеры, выпросить Нижній, Суздаль и Городецъ.—Тохтамышъ готовъ былъ исполнить всѣ желанія сильнаго Князя Московскаго, лишъ бы удержать его отъ союза съ Тамерланомъ, съ которымъ началъ уже борьбу.

Въ первыхъ числахъ Ноября 1392 года явились подъ стѣнами Нижняго-Новгорода бояре Василія, съ ордынскимъ царевичемъ Уланомъ, посланнымъ для возведенія Великаго Князя Московскаго на престолъ нижегородскій. Они требовали впуска въ городъ; Борисъ, какъ и всегда, не готовый къ борьбѣ съ оспаривающими у него престолъ нижегородскій, разтерялся, не зналъ, что дѣлать. Вѣрные бояре его совѣтывали ему запереться въ городѣ, не впускать въ него ни бояръ Васильевыхъ, ни царевича; но бояринъ Румянецъ, пользовавшійся полною довѣренностію Бориса, и заблаговременно купленный золотомъ московскимъ, уговорилъ проданнаго своего повелителя объясниться съ послами Василія, которые пріѣхали будто бы съ добрымъ словомъ, и были ни мало не опасны Борису, окруженному толпами вѣрныхъ бояръ своихъ.

Борисъ склонился на слова измѣнника, велѣлъ впустить пословъ въ городъ, и ожидалъ во дворцѣ своемъ объясненія недоразумѣній,— и они скоро разрѣшились подъ шумомъ набата Преображенской колокольни. Послы среди народной площади объявили нижегородцамъ, сбѣжавшимся въ испугѣ на звонъ, что, по волѣ Хана, Василій Димитріевичъ отнынѣ Великій Князь Нижегородскій.

Смущенный народъ, нелюбившій Бориса, не зналъ вѣрить или нѣтъ, этой вѣсти, безмолствовалъ, и не противился.

Несчастный Борисъ, видя измѣну, звалъ бояръ своихъ на защиту, и тутъ—то вѣроломный Румянецъ снялъ съ себя личину и отвѣчалъ бывшему своему повелителю за всѣхъ, что они подданные Василія Димитріевича, а не его. Правда, нѣсколько вѣрныхъ бояръ хотѣли было оружіемъ защищать права старца, убитаго судьбой, но число ихъ было не значительно, и они уступили силѣ.

Ноября 6 вступилъ въ Нижній-Новгородъ и самъ Василій Димитріевичъ. По его приказанію, Борисъ, княгиня Агриппина, ихъ дѣти и приверженцы были скованы и разосланы по разнымъ городамъ.

Поставивъ въ бывшей столицѣ Княжества Нижегородскаго намѣстникомъ Димитрія Александровича Всеволожа, Великій Князь отправился на Москву, куда прибылъ въ самый праздникъ Рождества Христова (58).

Такъ кончилась борьба князей суздальскихъ съ московскими; такъ пало самостоятельное Княжество Нижегородское, существовавшее 42 года, и древнѣйшее Суздальское; отнынѣ онѣ вошли въ составъ владѣній московскихъ,—начатка Россіи-государства. Потомки Калиты стали распоряжаться ими, какъ своими отчинами, что видно изъ духовныхъ завѣщаній Василія Димитріевича и Василія Васильевича (59:). Слѣдующіе затѣмъ владѣтели Нижняго-Новгорода хотя и носили титулъ великихъ князей, но были или присяжниками Москвы, или имѣли независимость случайную, основанную на времянномъ,-невѣрномъ успѣхѣ.

Борисъ Константиновичъ, четвертый и послѣдній независимый владѣтель Нижняго-Новгорода (60:), былъ смѣлъ, предпріимчивъ, но безразсудно честолюбивъ, упрямъ, самонадѣянъ и безпеченъ; хотѣлъ власти и могущества, не соображаясь ни съ обстоятельствами, ни съ своими средствами; кидался въ опасную борьбу съ противниками безрасчетно, а достигая цѣли своихъ желаній, не заботился о томъ, какъ и чѣмъ сохранить плоды трудовъ своихъ; отъ того вся многолѣтняя борьба его за престолъ нижегородскій походитъ болѣе на подвиги сказочныхъ витязей, чѣмъ на дѣйствія владѣтеля, желавшаго упрочить власть свою.

Независимо отъ своихъ недостатковъ, Борисъ былъ набоженъ и усерденъ къ дому Божію. Это доказывается созданными имъ обителями и церквами (61:), также щедрыми пожертвованіями, которыя онъ сдѣлалъ въ монастыри Печерскій и Благовѣщенскій. Въ первый онъ далъ, на помииъ души брата своего Андрея, села: Кадничи, Новое и Каринское,-послѣднія оба съ деревнями,-а второму рыбныя ловли на Сурѣ: озера Пашково, Сосновское, Долгое—роздерти съ истоками, Соларево, Мягкое, Плоское, и всѣ озера отъ рѣки Курмышки, внизъ Сурою, источные и глухіе роздерти, заводи, пески съ падучими рѣчками, и бобровые гоны, и стреженъ Суры—по Волгу (62:).

ГЛАВА IV.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ ПОДЪ ВЛАСТІЮ МОСКВЫ.

СЪ 1392 ПО 1605 Г.

Горька была дальнѣйшая судьба Дома Князей Суздальско—Нижегородскихъ: Борисъ Константиновичъ кончилъ жизнь свою 2-го Мая 1394 года въ заключеніи, въ Суздалѣ; княгиня Агриппина Ольгердовна умерла тамъ же годомъ ранѣе мужа; тѣло ея погребено въ суздальскомъ женскомъ монастырѣ—нынѣ приходской церкви—Св. Александра Перскаго. Тѣло Бориса Константиновича сначала покоилось въ Суздалѣ, полагать надобно, въ Спасо-Евѳиміевскомъ Монастырѣ, а потомъ перенесено, неизвѣстно когда и кѣмъ, въ Городецкій Михайловскій Соборъ (63:).

Вскорѣ послѣ смерти Бориса Константиновича Василій и Симеонъ Кирдяпы убѣжали изъ Суздаля (гдѣ находились въ заключеніи) въ Орду; за ними была послана погоня, но безъ успѣха. Нѣсколько лѣтъ сыновья Димитрія Константиновича провели въ Ордѣ, служа ханамъ и вымаливая отцовское наслѣдіе; но ханы, какъ видно, не думали поддерживать ихъ сторону,—и Василій Димитріевичъ спокойно владѣлъ Княжествомъ Суздальско—Нижегородскимъ.

Въ 1399 году Симеонъ прибѣгнулъ къ казанцамъ; царевичь ихъ Астякъ, или Ейтякъ, пошелъ съ Симеономъ на Нижній-Новгородъ: съ тысячью ратниками вступили они въ предѣлы нижегородскіе.

Воеводы Князя Московскаго, правившіе тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ, Владиміръ Даниловичъ, Григорій Владиміровичъ и Иванъ Лихарь, затворились въ городѣ и рѣшились защищаться:—по три дня дрались нижегородцы съ казанцами и много побили ихъ; потомъ вступили въ переговоры съ Симеономъ, въ которомъ, конечно, многіе изъ нихъ видѣли прирожденнаго своего повелителя.

Симеонъ, уговаривая нижегородцевъ сдать городъ, обѣщалъ имъ безопасность, обѣщалъ, что отпуститъ казанцевъ немедленно, какъ скоро сядетъ на престолъ отца своего; казанцы говорили, что они, вступивъ въ Нижній, не причинятъ жителямъ зла. Симеонъ подтверждалъ свои слова клятвой и крестнымъ цалованіемъ, *а татарове въ томъ роту пили* по своей вѣрѣ.

Нижегородцы всему повѣрили; заключили миръ съ Симеономъ и отворили городскія ворота. Но не миръ и успокоеніе принесъ Симеонъ съ собою въ стѣны отчей столицы, а раззореніе, плѣнъ и смерть: 25-е Октября 1399 года напомнило нижегородцамъ тѣже ужасы, какіе испытали они 5-го Августа 1377 года.

Лишъ казанцы вступили въ городъ, начались грабежи и убійства; Симеонъ, обязанный казанцамъ возвращеніемъ Нижняго-Новгорода, немогъ защитить нижегородцевъ отъ неистовства азіатскихъ варваровъ, жаждавшихъ крови и добычи; этотъ несчастный князь, глядя на разрушеніе своей столицы, говорилъ несчастнымъ своимъ подданнымъ, прибѣгавшимъ къ его защитѣ: *«Не азъ есмь сотворивый се, но татарове»*.

Около двухъ недѣль неистовствовали казанцы въ Нижнемъ-Новгородѣ и его окрестностяхъ: жгли и грабили домы и церкви, убивали и забирали въ плѣнъ жителей, и только слухъ о приближеніи войскъ Василія Димитріевича заставилъ ихъ покинуть Нижній и его предѣлы. Симеонъ, лишась въ казанцахъ опоры, и, какъ видно, не получа помощи отъ нижегородцевъ, долженъ былъ также оставить Нижній и снова бѣжать въ Орду (64:).

Княгиня Александра, жена Симеона, и его дѣти, захваченныя Василіемъ Димитріевичемъ въ Нижнемъ, въ 1392 г., содержавшіяся нѣсколько времени въ одномъ изъ городовъ Московскаго Княжества, нашли средство бѣжать оттуда; они скрылись въ мордовской землѣ, въ селеніи Цибырцѣ, гдѣ была построена церковь Св. Николая чудотворца хивинскимъ туркомъ—христіаниномъ Хази-Бабою.

Здѣсь жило несчастное семейство Симеона до осени 1401 года, но убѣжище его было открыто. Воеводы Князя Московскаго, Иванъ Андреевичъ Уда и Ѳедоръ Глѣбовичъ, посланные для отысканія княгини Александры, ограбивъ ее, отослали въ Москву вмѣстѣ съ дѣтьми. Василій Димитріевичъ заключилъ княгиню въ Москвѣ въ домѣ боярина Бѣлевута.

Узнавъ объ участи своего семейства, Симеонъ смирился предъ Великимъ Княземъ, послалъ просить у него прощенія *и опасной* граматы; Василій Димитріевичъ склонился на просьбы посланныхъ Симеономъ, далъ ему грамату; Симеонъ, въ Іюлѣ 1402 года, явился въ Москву *и возма миръ* съ Великимъ Княземъ, отказался отъ притязаній на Княжество Суздальско—Нижегородское, и отправился на Вятку. Огорченіе, утраты и скитальческая жизнь еще ранѣе разстроили его здоровье, на Вяткѣ же болѣзнь его усилилась: онъ, проживъ тамъ около пяти мѣсяцевъ, умеръ 21 Декабря 1402 года.

Такъ кончилъ жизнь свою самый честолюбивый изъ сыновей Димитрія Константиновича, испившій до дна чашу горести и униженія и заклеймившій себя, можетъ быть противъ воли, клятвопреступленіемъ и жестокостями. Восемь лѣтъ скитался онъ въ Ордѣ, восемь лѣтъ служилъ онъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, *непочивая* [неусыпно] четыремъ ханамъ: Тохтамышу, Темиръ—Аксаку, Темиръ—Кутлую и Шадибеку, стараясь возстановить Орду противъ Василія Димитріевича и отнять у него Княжество Суздальско—Нижегородское (65:). Княгиня Александра, кажется, умерла въ Москвѣ, но годъ кончины ея не извѣстенъ.

Василій Димитріевичъ Кирдяпа, также бѣгавшій въ Орду, не участвовалъ въ раззореніи Нижняго-Новгорода въ 1399 году; онъ, полагать надо, ранѣе того помирился съ Великимъ Княземъ, и мирно кончилъ жизнь свою въ Городцѣ въ 1403 году (67:). Прахъ его покоится въ Нижегородскомъ Спасо—Преображенскомъ Соборѣ.

Въ томъ же году умеръ и сынъ Симеона, Василій Кирдяпичъ, жившій въ Нижнемъ, но тѣло его не удостоено погребенія въ главной святынѣ Земли Низовской, усыпальницѣ независимыхъ князей нижегородскихъ. Василія Симеоновича погребли въ Соборѣ Архангельскомъ.

Въ это время представителями бѣдствующаго Дома Князей Суздальско—Нижегородскихъ были: сыновья Бориса Константиновича, Даніилъ и Іоаннъ—Тугой-Лукъ, сыновья Василія Кирдяпы, Іоаннъ, Даніилъ и Юрій, и внукъ Симеона Кирдяпы, сынъ Василія Симеоновича, Іоаннъ-Горбатый.

Старшій сынъ Василія Кирдяпы, Іоаннъ, признавъ власть Князя Московскаго, получилъ отъ него во владѣніе Нижній—Новгородъ, съ титуломъ великаго князя; Юрій и Іоаннъ—Горбатый, послѣдовавъ его примѣру, также смирились предъ Василіемъ Димитріевичемъ; первый жилъ кажется въ Суздалѣ, а послѣдній—въ Москвѣ.

Но не таковы были прочіе потомки Константина Мудраго. Примѣръ Симеона не вразумилъ ихъ: они все еще надѣялись, при посредствѣ Орды, если не побороть Москву и не возстановить Княжество Нижегородское въ прежнемъ блескѣ, то, покрайней мѣрѣ, мстить Василію Димитріевичу. Сначала убѣжали въ Орду Даніилъ и Іоаннъ Борисовичи, а потомъ племянникъ ихъ Даніилъ Васильевичъ, и также, какъ и Симеонъ, стали служить ханамъ, вымаливая у нихъ

свои отчины и зовя враговъ вѣры на свою родину.

Такъ шло до 1411 года. Въ продолженіи этаго времени престолъ ордынскій переходилъ отъ одного хана къ другому, которые мало обращали вниманія на искательство князей суздальско-нижегородскихъ, но это неизбавило Нижній отъ бѣдствій и раззоренія. При нашествіи Эдигея на Русь въ 1408 году, Нижній пострадалъ на равнѣ съ Переяславлемъ—Залѣсскимъ, Ростовомъ, Дмитровскомъ, Серпуховымъ и Городцемъ: татары сожгли его, ограбили церкви и монастыри, а жителей—часть тирански умертвили, часть увели въ плѣнъ, гоня ихъ передъ собой, какъ псовъ, на смычкахъ (68:).

Между тѣмъ престоломъ Ордынскимъ овладѣлъ сынъ Тохтамыша, Зелени Султанъ, другъ Витовта Литовскаго, тестя и недруга Василья Димитріевича и родственника по матери Даніила Борисовича. Витовтъ искалъ случая вредить Москвѣ: по его-то проискамъ Князья суздальско—нижегородскіе получили отъ Зелени—Султана ярлыкъ на свои отчины. Даніилъ Борисовичъ, какъ старшій въ родѣ Константина, объявилъ себя Великимъ Княземъ Нижегородскимъ. Но, кажется, помощь Зелени—Султана ограничилась однимъ ярлыкомъ, потому что Даніилъ, какъ и Симеонъ, принужденъ, былъ искать помощи для борьбы съ Москвою въ князьяхъ болгарскихъ. Владѣтель Жукотина, Талычъ, и другіе сосѣдственные ему князья дали Даніилу ратниковъ и сами пошли съ нимъ на Нижній-Новгородъ.

Василій Димитріевичъ, узнавъ о замыслахъ Даніила, послалъ противъ него войско подъ предводительствомъ брата своего Петра и князей Ростовскаго и Ярославскаго. Счастіе навремя поблагопріятствовало сыновьямъ Бориса: войско великокняжеское 15 Января 1412 года было разбито близь Лыскова, на Оленьей горѣ. Въ этой битвѣ, открывшей Даніилу Борисовичу путь въ столицу отца его, палъ Даніилъ Васильевичъ (69:).

Овладѣвъ Нижнимъ, Даніилъ вздумалъ овладѣть и Владиміромъ, для этаго онъ послалъ Талыча и боярина своего Семена Карамышева съ пятью стами ратниковъ, изъ которыхъ половина была русскихъ, а половина жукотинцевъ. Этотъ небольшой отрядъ тайно достигъ Владиміра, и напалъ на него въ полдень, когда владимірцы, по русскому обычаю, наслаждались послѣобѣденныхъ отдыхомъ, а намѣстникъ великокняжескій Юрій Васильевичъ Щека былъ въ отсутствіи.

Жукотинцы и ратники Даніила никому и ничему не дали пощады. Самъ митрополитъ Фотій, жившій въ то время близь Владиміра, на святомъ озерѣ, гдѣ была построена церковь въ честь Преображенія Господня, едва могъ спастись отъ рукъ ихъ, скрывшись въ пустыняхъ Сенежскихъ.

Владиміръ былъ разграбленъ и сожженъ; пожаръ въ немъ былъ такъ силенъ, что на колокольняхъ разтопились колокола. Жукотинцы, по обычаю своему, неистовствовали, тирански умерщвляя жителей: добыча ихъ была такъ богата, что они дѣлили между собой

деньги мѣрками; изъ имущества же горожанъ, которое, грабя, клали *яко сельныя копны*, они взяли только золотыя и серебрянныя вещи, да *драгоцѣнныя ризы*, а прочее все сожгли (70:).

Такое опустошеніе древняго города, съ обладаніемъ котораго сопряженъ былъ титулъ Великаго Князя Всея Руси, заставляетъ предполагать, что Даніилъ дѣйствительно руководился только мщеніемъ Василію Димитріевичу, мало заботясь о послѣдствіяхъ—о прочности своей власти и о любви народной.

Успѣхи Даніила были непродолжительны: въ Августѣ 1412 года Василій Димитріевичъ отправился въ Орду вмѣстѣ съ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ Ярославскимъ, со множествомъ бояръ и богатыми дарами. Тамъ случилась новая перемѣна: Зелени—Султанъ палъ отъ руки брата своего Киримъ—Бирдея. Новый обладатель капчатскаго престола обласкалъ Князя Московскаго, увѣривъ его, что ни Витовтъ, ни князья суздальско—нижегородскіе не найдутъ себѣ опоры въ Ордѣ (71:).

Послѣ этаго князья суздальско—нижегородскіе не имѣли уже средствъ возставать вооруженной рукой противъ князей московскихъ.

Іоаннъ Васильевичъ Кирдяпичъ продолжалъ владѣть Нижнимъ въ качествѣ присяжника Василія Димитріевича. Въ 1416 году онъ почему-то уѣхалъ въ Москву, и тамъ умеръ въ Іюлѣ слѣдующаго года. Тѣло его привезено въ Нижній-Новгородъ и погребено въ Архангельскомъ Соборѣ (72:).

Ему наслѣдовалъ сынъ его Александръ—*Брюхатый*, жившій въ Москвѣ съ 1414 года. Этотъ князь, какъ видно изъ актовъ того времени, также именовался великимъ и нижегородскимъ и даже ссорился съ Василіемъ Димитріевичемъ, а потомъ, 5 Февраля 1419 года, женился на его дочери Вассѣ, или Василисѣ. Онъ умеръ въ томъ же году (73:).

Іоаннъ Борисовичъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Іоанномъ Кирдяпичемъ, а въ 1417 г. явился туда и самъ Даніилъ Борисовичъ, но не долго ужился въ мирѣ съ Великимъ Княземъ. Да и могъ ли честолюбивый сынъ честолюбиваго Бориса Городецкаго, взросшій среди смутъ и ненависти къ Дому Калиты, считавшій родъ князей московскихъ ниже своего рода, терпѣливо сносить надъ собой первенство Василія Димитріовича? Проживъ около года въ Москвѣ, онъ опять бѣжалъ въ Орду; съ нимъ бѣжалъ и Іоаннъ Борисовичъ (74:).

Василій Димитріевичъ, вѣроятно, увѣренный въ расположеніи къ себѣ Хана, и зная безсиліе Даніила и Іоанна, не думалъ гнѣваться или, покрайней мѣрѣ, не показывалъ виду, что гнѣвается на нихъ за побѣгъ, потому что въ туже зиму выдалъ, какъ сказано выше, дочь свою за Александра—Брюхатаго, а по смерти его—за Александра *Взметня*, сына Даніилова. Вѣроятно, умный Князь Московскій хотѣлъ, какъ и отецъ его, посредствомъ брачныхъ связей, ослабить наслѣдственную ненависть Домовъ Калиты и Константина.

Александръ Даніиловичъ также носилъ титулъ князя суздальско—

нижегородскаго; у него не было дѣтей, но у Вассы былъ, отъ Александра—Брюхатаго, сынъ Симеонъ, который умеръ бездѣтнымъ между 1434 и 1440 годами, а Взметень—нѣсколько позднѣе (75:).

Между 1423 и 1442 годами Даніилъ опять являлся въ Нижнемъ, раздавалъ жалованныя граматы, въ которыхъ именовался великимъ княземъ нижегородскимъ, но, кажется, въ сущности неимѣлъ ни какого значенія ни въ Ордѣ, ни на Руси. Карамзинъ полагаетъ, что этотъ эфемерный повелитель Княжества Нижегородскаго даже билъ монету съ своимъ именемъ. Какъ провелъ Даніилъ остатокъ дней своихъ, когда и гдѣ сложилъ свою буйную голову—изъ лѣтописей невидно (76:).

Іоаннъ же Борисовичъ умеръ въ 1448 году; гробница его находится въ Нижегородскомъ Преображенскомъ Соборѣ. Послѣ его никто уже изъ князей суздальско—нижегородскихъ не удостоился погребенія въ этой главной святынѣ Земли Низовской. Этотъ князь враждовалъ противъ Василія Димитріевича, кажется, не по собственному убѣжденію, а только увлекаясь примѣромъ брата. Онъ вгорично воротился изъ Орды, полагать надо, ранѣе Даніила, и въ послѣдствіи вѣрно служилъ князьямъ московскимъ, славясь какъ герой и на полѣ брани и за братиной крѣпкаго меда (77).

Со времени паденія самостоятельности Княжества Нижегородскаго до смерти Василія Димитріевича, въ Нижнемъ, кромѣ бѣдствій, причиненныхъ ему честолюбіемъ потомковъ Константина и нашествіемъ Эдигея, были еще слѣдующія замѣчательныя произшествія: въ 1396 году была такая сильная буря, что подняло и унесло изъ виду человѣка съ телѣгой и лошадью; на другой день лошадь нашли за Волгой, но человѣка и телѣгу не отыскали (79:); въ 1422 году, во время повсемѣстнаго голода, Нижній пострадалъ болѣе другихъ городовъ Руси; въ немъ недостатокъ хлѣба былъ ощутительнѣе, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ: оковъ ржи [8 осьминъ] тогда продавался въ Москвѣ рубль, въ Костромѣ два, въ Новгородѣ—Великомъ шесть, а въ Нижнемъ девять рублей, т. е. около одного фунта и семи осьмыхъ серебра; нижегородцы принуждены были питаться травой, древесными гнилушками,—и даже мертвячиной,—смертность была необыкновенная (79:). Въ томъ же году, какъ и за пятьдесятъ семь лѣтъ, оползла гора около Благовѣщенскаго Монастыря и засыпала сто пятьдесятъ дворовъ съ людьми и животными (80:).

Во все время борьбы князей суздальско—нижегородскихъ съ Василіемъ Димитріевичемъ, нижегородцы не проявляли самостоятельности: переходя по случайностямъ оружія, то подъ власть Князя Московскаго, то подъ власть его противниковъ, они оставались холодны къ потомкамъ Константина, искавшимъ возстановленія независимости Княжества Нижегородскаго и покорно повиновались и князьямъ—присяжникамъ Москвы, и намѣстникамъ Василія Димитріевича. Наконецъ и самые князья суздальско—нижегородскіе, утомясь безполезной борьбой, какъ будто совершенно забы-

ли права свои. При такомъ порядкѣ вещей нельзя было думать, что когда либо Княжество Суздальско—Нижегородское опять, хотя на время, сдѣлается самостоятельнымъ; но это случилось и не вдолгѣ.

Впрочемъ, этому предшествовали нѣкоторыя событія, замѣчательныя въ исторіи Нижняго Новгорода.

По смерти Василія Димитріевича возникла распря между потомками Калиты: Димитрій Галицкій, опираясь на старшинныя права, хотѣлъ отнять у Василія Васильевича престолъ великокняжескій; борьба эта, продолжавшаяся около десяти лѣтъ, была причиною, что въ стѣнахъ Нижняго скрывались, какъ бѣглецы, сначала Юрій, въ 1425 году, а потомъ, чрезъ девять лѣтъ, въ 1434 году, Василій Васильевичъ.-Здѣсь этотъ несчастный князь, въ горести и слезахъ о потерѣ престола и о разлукѣ съ семействомъ, захваченнымъ Юріемъ, прожилъ около двухъ мѣсяцовъ—до той самой поры, покуда смерть Юрія не возвратила ему престола и семейства (81:).

Но не разъ суждено было сыну сокрушителя независимости Великаго Княжества Нижегородскаго томиться горемъ и обливаться слезами въ падшей столицѣ Константина.

Зимой 1445 года Улу-Махметъ, которому приписываютъ основаніе новой Казани (82:), вторгнулся въ русскіе предѣлы, достигнулъ Нижняго-Новгорода, гдѣ не было почти войска, и взялъ старыя его укрѣпленія; но немогъ взять *меньшаго города*—цитадели, построенной Димитріемъ Константиновичемъ, въ которой *засѣли* и отсидѣлись нижегородскіе воеводы, Князь Долголдовъ и *Юшка* (Юрій) Драница. Отсюда Улу-Махметъ пошелъ къ Мурому, но былъ отраженъ Великимъ Княземъ, который успѣлъ уже собрать войско. Василій Васильевичъ, довольный, на этотъ разъ, успѣхомъ своего оружія, не счелъ нужнымъ преслѣдовать Улу-Махмета,—и разпустилъ полки; да притомъ продолженію военныхъ дѣйствій неблагопріятствовало и время: были морозы жестокіе.

Весной Царь Казанскій опять осадилъ Нижній. Недостатокъ продовольствія заставилъ воеводъ нижегородскихъ покинуть городъ: они ночью зажгли укрѣпленія и убѣжали въ Юрьевъ, гдѣ встрѣтились съ Великимъ Княземъ.

Улу-Махметъ, укрѣпясь въ Нижнемъ, послалъ сыновей своихъ, Мамутяка и Ягуба, въ Суздаль; имъ посчастливилось захватить въ плѣнъ израненнаго Василія Васильевича, котораго и привели они къ отцу своему въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь царственный плѣнникъ прожилъ около мѣсяца, а потомъ Улу-Махметъ увезъ его въ Курмышъ, гдѣ и далъ свободу (83:).

Между тѣмъ нѣкоторые изъ князей суздальско-нижегородскихъ вѣрно служили Василію Васильевичу, а нѣкоторые, видя борьбу его, сначала съ дядей, а потомъ съ Васильемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякою, стали замышлять о возвращеніи правъ своихъ; особенно объ этомъ заботились внуки Василія Кирдяпы, Василій и

Θеодоръ. Первый явно выказывалъ свою непокорность Князю Московскому, — и ушелъ въ 1444 году въ Новгородъ (новгородцы приняли его и дали ему въ управленіе Ямъ); Θеодоръ же, болѣе скрытный, частію жилъ въ Нижнемъ, частію въ Москвѣ, и когда Шемяка, въ 1446 году, рѣшился овладѣть престоломъ великокняжескимъ, эти князья заключили съ нимъ договоръ, по которому, «когда Богъ дастъ ему [Шемякѣ] достать свою отчину Великое Княженіе,» они должны были получить въ независимое владѣніе Нижній, Суздаль, Городецъ и даже Вятку, съ правомъ прямо отъ себя сноситься съ Ордою; причемъ возвращались безденежно прежнимъ владѣльцамъ села и земли, купленныя московскими боярами близъ Нижняго, Суздаля и Городца. За всю эту уступку, сдѣланную въ пользу Василія и Θеодора, Шемяка требовалъ отъ нихъ почетнаго старѣйшинства, и чтобъ они не вступали ни въ какіе особые переговоры съ Василіемъ Васильевичемъ, въ чемъ и самъ Шемяка взаимно обязывался тѣмъ же договоромъ.

Но, овладѣвъ Москвою, вѣроломный Шемяка сначала не совсѣмъ было исполнилъ этотъ договоръ: онъ отдалъ Суздаль Іоанну Можайскому, но потомъ, вѣроятно, по настоянію Юрьевичей, отнялъ его у Іоанна и отдалъ имъ.

Но на этотъ разъ недолго существовала независимость Княжества Суздальско—Нижегородскаго: Василій Васильевичъ, возвращенный любовію народа на престолъ отчій, заключилъ вновь договоры съ князьями суздальско—нижегородскими, по которымъ они, признавъ верховную власть Василія, отдали ему древніе ярлыки ханскіе, данные ихъ роду, обязались впредь не брать таковыхъ и совершенно не имѣть сношенія съ Ордою (84:).

Чрезъ два года послѣ того умеръ Василій Юрьевичъ въ Нижнемъ Новгородѣ; его погребли въ Нижегородскомъ Архангельскомъ Соборѣ.

Дѣти его, Александръ, Іоаннъ и Василій, также заключивъ договоръ съ Василіемъ Васильевичемъ, властвовали: первый въ Нижнемъ, второй въ Городцѣ, а третій въ Суздалѣ,—Іоаннъ даже именовался Державнымъ Государемъ (85:).

Василій, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Гребенки—Шуйскаго, не былъ доволенъ и своимъ удѣломъ, и вообще положеніемъ своего дома: сначала онъ уѣхалъ въ Новгородъ, а потомъ, въ 1448 г., во Псковъ; псковитяне, принявъ его, посадили на княженіе и *даша ему всю пошлину княжію*; но онъ, по чему-то, не смотря на всю любовь къ себѣ псковитянъ, въ 1455 г. ушелъ въ Новгородъ. Два раза сражался онъ противъ Іоанна III, предводительствуя новгородцами; но когда Новгородъ палъ, Гребенка покорился Іоанну, который милостиво принявъ его, сдѣлалъ намѣстникомъ Пскова, а потомъ отдалъ ему во владѣніе Нижній Новородъ, но съ самыми ограниченными правами. Гребенка-Шуйскій былъ послѣднимъ владѣтелемъ Нижняго Новгорода. Онъ умеръ въ глубокой старости (86:).

Θеодоръ Юрьевичъ, принявъ прозваніе Шуйскаго, совершенно оста-

вилъ притязанія на Княжество Суздальско-Нижегородское, и, впослѣдствіи, около 1469 года, служилъ намѣстникомъ велико-княжеснимъ также во Псковѣ, который храбро защищалъ отъ ливонцевъ.

Псковитяне любили и уважали Θеодора Юрьевича, дали ему различныя права и преимущества, какими не пользовались даже самые князья ихъ; но Θеодоръ, забывъ все это, ограбилъ нѣкоторыхъ граждапъ псковскихъ, чѣмъ и вооружилъ противъ себя весь Псковъ, и долженъ былъ бѣжать оттуда. Послѣдніе дни своей жизни онъ, кажется, провелъ въ Москвѣ (87:).

При Іоаннѣ III Нижній Новгородъ сталъ на туже степень, какую занималъ при своемъ основаніи—на степень сторожевой твердыни, съ той разницею, что теперь онъ ограждалъ уже не мелкія княжества, а обширное государство, извѣстное даже и Европѣ, подъ названіемъ Московіи.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ учреждена была постоянная крѣпкая засада (гарнизонъ) и усилена еще болѣе съ той поры, какъ Іоаннъ, задумавъ свергнуть иго монгольское, сталъ громить Казань. Въ царствованіе этаго государя Нижній нѣсколько разъ былъ сборнымъ пунктомъ войска, которое отсюда ходило на татаръ.

Нижегородцы также иногда участвовали въ погромѣ земель казанскихъ. Въ 1468 г., весной, они вмѣстѣ съ муромцами, по повелѣнію Іоанна, раззорили горную сторону Волги и опустошили борти (лѣсные пчельники), находившіеся во множествѣ по обоимъ берегамъ рѣки. Въ этомъ году засада нижегородская, подъ предводительствомъ воеводы Хрипуна-Ряполовскаго, дралась съ отборными войсками царя казанскаго Ибрагима, верстъ сорокъ повыше Казани, и побѣдила ихъ; при чемъ Ибрагимъ лишился многихъ богатырей своихъ, а нижегородцы съ торжествомъ возвратились домой.

Въ Маѣ слѣдующаго года Нижній увидѣлъ войско велико-княжеское, приплывшее по Окѣ и Волгѣ, подъ предводительствомъ князя Константина Александровича Беззубцева. Хотя этимъ войскамъ назначено было отъ Іоанна совершенно сокрушить Казань, но вдругъ, почему-то, онъ перемѣнилъ намѣреніе. Еще войска не успѣли сойдти съ судовъ, какъ было получено новое повелѣніе Іоанна: подъ Казань послать однихъ охотниковъ, а воеводѣ и главному войску остаться въ Нижнемъ.—Лишъ только князь Беззубцевъ объявилъ эту волю Великаго Князя, какъ все войско отвѣчало: «всѣ хотимъ «на окаянныхъ татаръ—за Святыя церкви, за своего Государя Ве«ликаго Князя Ивана Васильевича и за православное государство.»

Мая 19, прямо съ судовъ, охотники отправились въ Соборъ Преображенскій, гдѣ принесли Подателю всѣхъ благъ теплыя молитвы и раздавъ милостыню неимущимъ, собрались въ нижней части города для избранія вѣчемъ себѣ начальника. Здѣсь они опять повторили молитвы въ другой древней святынѣ нижегородской, храмѣ *Николы*

на бечевѣ, основанномъ Димитріемъ Константиновичемъ, и выбрали въ предводители извѣстнаго по уму своему и ратнымъ подвигамъ Ивана Руно.

Беззубцевъ, соображаясь-ли съ волей Іоанна, или сберегая добычу для себя, запретилъ охотникамъ нападать на самую Казань; но Руно и его сподвижники, быть можетъ, увлеченныя также жаждой добычи, не послушались Беззубцева, напали на предмѣстія Казани, зажгли ихъ и, опустошивъ, отступили.

Между тѣмъ Беззубцевъ, получивъ приказаніе Іоанна идти на Казань, выступилъ изъ Нижняго; послѣ него еще прошелъ чрезъ Нижній-Новгородъ отрядъ войска, подъ предводительствомъ князя Даніила Ростовскаго, также предназначенный громить земли казанскія по Камѣ.

Но походъ противъ Казани не удался, частію отъ того, что не пришли вятчане, которымъ также назначено было идти на Казань, частію потому, что воеводы княжескіе перессорились между собою, и этой ссорой погубили войско; съ остатками же, его пришли въ Нижній.

Іоаннъ послалъ новую рать подъ начальствомъ братьевъ своихъ Юрія и Андрея; они явились въ Нижній въ Августѣ, а 1 Сентября Ибрагимъ, осажденный въ своей столицѣ, заключилъ такой миръ, какой угодно было Іоанну (88:).

Новгородъ, укрощенный Іоанномъ, зашумѣлъ было въ 1677 году, но этимъ ускорилъ свое паденіе:—Іоаннъ, окончательно лишивъ его древнихъ правъ и сдѣлавшись вполнѣ его государемъ, для ослабленія духа приверженцевъ стараго порядка, выселилъ изъ него множество жителей въ разные замосковскіе города, въ томъ числѣ и въ Нижній.

Знаменитая, но безразсудно-честолюбивая Марѳа Борецкая, долго руководившая новогородцами въ борьбѣ противъ Іоанна, на этотъ разъ не оставлена была имъ, какъ прежде, безъ вниманія: 2 Февраля 1678 года Іоаннъ приказалъ ее со внукомъ Василіемъ и прочими членами семейства взять подъ стражу и сослать также въ Нижній-Новгородъ: такъ значится въ житіи Св. Зосимы Соловецкаго. Мѣстное преданіе, подтверждая это, прибавляетъ, что Борецкая была пострижена въ Зачатейскомъ Монастырѣ, гдѣ и умерла (89:).

Въ то время, когда Іоаннъ былъ подъ Новгородомъ, Ибрагимъ осмѣлился было отмстить пораженія свои, напавъ на землю Вятскую; въ слѣдствіе этаго въ Нижнемъ собралось войско подъ начальствомъ великокняжескихъ воеводъ бояръ, Василія Образца и Бориса Слѣпца: первый начальствовалъ судовой ратью, второй конниками.

Мая 26 войско выступило изъ Нижняго, скоро достигло до Казани, и приступило къ городу; но страшная буря помѣшала ему взять его. Ибрагимъ опять просилъ у Іоанна мира, заключилъ его, и скоро умеръ.

Въ 1482 году въ Нижнемъ-Новгородѣ опять явилось войско, при

которомъ находился и Аристотель Фіоравенти съ пушками. Оно было назначено противъ преемника Ибрагимова, Алегама, который имѣлъ дерзость выказать непріязнь Іоанну. Хотя войско это простояло все лѣто въ бездѣйствіи, но сильно устрашило Алегама; онъ просилъ мира, и миръ съ Казанью, на этотъ разъ, былъ заключенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ (90:).

Новгородъ, какъ издыхающій великанъ, порывался въ предсмертныхъ судорогахъ, желая хоть на мигъ подышать правами своей утраченной свободы, что и производило въ немъ по временамъ волненія. Въ 1489 году онъ снова пошевелился было, и снова мигомъ притихъ подъ стальной десницей Іоанна; послѣдовали новыя ссылки и переселенія, и опять много новогородцевъ явилось въ Нижнемъ-Новгородѣ и его окрестностяхъ: дворянъ и дѣтей боярскихъ селили въ самомъ городѣ, бояръ около его въ жалованныхъ вотчинахъ (91:).

Іоаннъ, видя успѣхи своего оружія противъ Казани, и желая совершенно смирить безпокойныхъ сосѣдей, призналъ за нужное укрѣпить Нижній-Новгородъ. Въ 1500 году онъ приказалъ продолжать работы, начатыя Димитріемъ Константиновичемъ; но и на этотъ разъ укрѣпленіямъ нижегородскимъ не посчастливилось: работы опять кончились только построеніемъ, такъ же, какъ и въ 1372 году, одной башни, названной Тверскою (:нынѣшніе Ивановскіе ворота:), и не большой при ней цитадѣли.—Что побудило Великаго Князя оставить эти полезныя, или вѣрнѣе, необходимыя сооруженія,—въ точности неизвѣстно; нѣкоторые полагаютъ, что какъ въ то время въ Москвѣ производились огромныя постройки, то, быть можетъ, понадобились тамъ *палатные* мастера, и ихъ вызвали изъ Нижняго.

Въ томъ же 1500 году въ Нижній прислали новыхъ плѣнниковъ и заключили въ душныхъ темницахъ: это были сподвижники Константина Острожскаго, литовцы, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ 14 Іюля при Ведрошѣ.—И укрѣпленіе и плѣнники эти спасли впослѣдствіи Нижній отъ раззорѣнія.

Въ 1505 году Махметъ-Аминь, данникъ Іоанна, вздумалъ попытаться возвратить себѣ и царству своему полную независимость, и началъ съ того, что 24 Іюня ограбилъ и перерѣзалъ русскихъ купцовъ, бывшихъ въ Казани на ярмаркѣ, и потомъ двинулся на Нижній. Іоаннъ, узнавъ о измѣнѣ царя казанскаго, послалъ противъ него сто тысячь ратниковъ; но воеводы, предводительствовавшіе ими, не разсудили идти далѣе Мурома.

Между тѣмъ Махметъ-Аминь, опустошивъ области нижегородскія, явился подъ Нижнимъ-Новгородомъ 4 Сентября съ 40,000 татаръ и 20,000 ногайцевъ, приведенныхъ къ нему на помощь шуриномъ его, Мирзой Ногайскимъ.

Въ то время воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ, прославившійся въ послѣдствіи, Хабаръ Симскій, молодой и отважный, готовый встрѣтить опасности всякаго рода лицемъ къ лицу, съ тѣмъ

вмѣстѣ военачальникъ благоразумный, вполнѣ знавшій военную науку своего времени; но у него небыло средствъ отразить полчища Махметъ-Аминя.

Имѣя пушки и порохъ, которые съ пользой можно бы употребить противъ осаждающихъ, Хабаръ Симскій не имѣлъ людей, умѣвшихъ дѣйствовать ими: русскіе тогда еще не знали, какъ надо управляться съ артиллеріей.—Ратниковъ у него было мало; горожане, *страшливые люди,* какъ говоритъ лѣтописецъ, доказали, на неудачныхъ вылазкахъ противъ татаръ, свою неспособность къ ратному дѣлу; о войскѣ же, посланномъ Іоанномъ, не было слуху, и Хабаръ Симскій терялъ уже надежду спасти Нижній. Сентября 7 Махметъ-Аминь предположилъ сдѣлать рѣшительное нападеніе на Нижній,— и въ это-то время кому-то изъ русскихъ пришло на мысль, что въ городскихъ темницахъ сидятъ *огненные стрѣльцы литовскіе, глаголемые жолныряне.*

Въ пять лѣтъ плѣна и заключенія въ тюрьмѣ много уже погибло литовцевъ;—въ 1506 году ихъ было уже только около 300 человѣкъ, въ томъ числѣ двѣнадцать воеводъ.—Симскій приказалъ выпустить ихъ изъ душныхъ ямъ, гдѣ заживо они были погребены, и обѣщалъ имъ свободу, если они помогутъ ему спасти Нижній.

Измученные всѣми страданіями тяжкаго плѣна и еще тягчайшаго заключенія, литовцы согласились за цѣну свободы защитить враговъ своихъ, и немедленно принялись за дѣло: они втащили на стѣны Тверской цитадѣли пушки,—пушки эти были имъ родныя, литовскія, также отбитыя русскими при Ведрошѣ,—и навели ихъ на станъ непріятельскій.

Въ это самое время Махметъ-Аминь и шуринъ его, стоя съ своимъ войскомъ за р. Почайной, на противоположной возвышенности Тверской цитадѣли, окончательно распоряжались приступомъ, и старались вдохнуть въ своихъ ратниковъ мужество, обѣщая имъ богатую добычу въ городѣ... И еще часъ, два—и Нижній испыталъ бы тоже, что испыталъ въ 1377, 1379, 1408 и 1445 годахъ.

Но раздался первый пушечный выстрѣлъ, направленный искусной рукою Ѳеди Литвича на станъ Мехметъ-Аминя,—и Мирза Ногайскій, пораженный ядромъ въ самую грудь, упалъ мертвый. Ужасъ объялъ осаждающихъ, особенно ногайцевъ: они, по слову лѣтописца, *возмутились аки птичьи стада,* нехотѣли биться съ русскими; казанцы возстали па нихъ, и между ими закипѣла рѣзня, а Ѳедя Литвичь и его товарищи, выстрѣлъ за выстрѣломъ мѣтали въ толпы бѣснующихся татаръ и ногаевъ, и поражали ихъ.

Смущенный Махметъ-Аминь отступилъ отъ Нижняго-Новгорода; такимъ образомъ *жолныряне огненнымъ стрѣляніемъ своимъ и градъ отъ взятія удержаша, и народъ отъ меча и плѣна избавиша.*

Хабаръ Симскій, съ свойственнымъ ему великодушіемъ и щедростію, сверхъ возвращенія литовцамъ свободы, богато одарилъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ ушли на родину, но многіе остались въ Ниж-

немъ, разумѣется, по собственному желанію, и въ послѣдствіи, смѣшавшись съ русскими, такъ сказать, обрусѣли.

Въ память огненнаго стрѣлянія, спасшаго Нижній отъ татаръ и ногаевъ, отчасти сходнаго съ молніею и громомъ, нижегородцы соорудили церковь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ палъ шуринъ Махметъ-Аминя, и посвятили ее Св. Пророку Иліи, какъ властителю грома и молніи (92:).

Смерть Іоанна III избавила отъ наказанія и Махметъ-Аминя и воеводъ ослушниковъ, посланныхъ на помощь къ Хабару Симскому, которые не только не помогли ему, но, спрятавшись въ Муромѣ, спокойно смотрѣли, какъ татары грабили вокругъ ихъ (93:).

Нападеніе Махметъ-Аминя и постоянная непріязненность Казани, освободившейся было изъ подъ зависимости Россіи, побудили Василія вполнѣ осуществить мысль Димитрія-Ѳомы—возвести въ Нижнемъ-Новгородѣ обширныя укрѣпленія. Для этаго весной 1508 года онъ послалъ въ Нижній италіанца Франческо, или, какъ называли его русскіе, Петра Фрязина, вывезеннаго изъ Венеціи, въ 1494 году, послами Іоанна, Мануиломъ Ангеломъ и Даніиломъ Момыревымъ.

Франческо приступилъ къ постройкѣ Кремля въ томъ же году, 1 Сентября, и кончилъ его менѣе, чѣмъ въ три года (94:).

Въ 1513 году, когда въ Нижнемъ Новгородѣ намѣстникомъ и воеводою былъ потомокъ князей нижегородскихъ, внукъ Іоанна Васильевича Горбатаго, князь Андрей Борисовичъ Горбатый, стѣны, воздвигнутыя Франческо, спасли Нижній-Новгородъ отъ астраханскихъ татаръ, которые, возвращаясь водою изъ Москвы домой, грабили и брали въ плѣнъ всѣхъ, кто попадался имъ на пути. Но только эти твердыни не спасли нижегородцевъ отъ бѣдствія другаго рода—пожара, который вспыхнулъ 1-го Августа, и изпепелилъ весь городъ, причемъ сгорѣли и первоначальныя укрѣпленія Нижняго,—дубовая стѣна.

Такое же бѣдствіе повторилось чрезъ семь лѣтъ: въ 1520 году, Мая 7, въ день Вознесенія загорѣлась церковь Св. Николая, на Почайнѣ; этотъ пожаръ истребилъ весь нижній посадъ до церкви Рождества Богородицы, а внизъ—до Зачатейскаго Монастыря (95:).

Съ небольшимъ чрезъ три мѣсяца послѣ этого пожара, 21 Августа, явились подъ стѣнами Нижняго казанскіе татары, какъ называютъ ихъ лѣтописцы, Саитъ, Булатъ и Колачай.—Саитъ былъ ни кто иной, какъ Саипъ-Гирей, царь казанскій.

Послѣ попытки Махметъ-Аминя освободиться отъ зависимости Великаго Князя Московскаго, казанцы постоянно стрѣмились къ этой цѣли, чего почти и достигли съ помощію Махметъ-Гирея, царя крымскаго, который, задумавъ возстановить Орду, овладѣлъ Астраханью, и посадилъ на престолъ казанскій, вмѣсто присяжника московскаго, Шихъ-Алія, брата своего Саипъ-Гирея.

Новый обладатель Казани, отказавшись отъ повиновенія Василью Іоанновичу, перебилъ русскихъ купцовъ, во множествѣ пріѣхавшихъ

на казанскую ярмарку, и принялся за набѣги на пограничныя области московскія, а въ 1520 году отправился на помощь къ Махметъ—Гирею, который пошелъ на Москву. При этомъ походѣ Саипъ-Гирей не упустилъ случая пограбить области нижегородскія и владимірскія,—самый Владиміръ былъ взятъ и разграбленъ имъ.

Оба брата соединились въ Коломнѣ, и двинулись на Москву. Результатомъ этаго похода ихъ былъ тотъ несчастный договоръ, который снова налагалъ было на Русь позорные оковы.

Махметъ-Гирей торжествовалъ, упиваясь успѣхами; но Хабаръ Симскій, впервые прославившійся на стѣнахъ нижегородскихъ, далъ обѣтъ Богу—умереть или вырвать у ненавистныхъ татаръ постыдное обязательство, и спасти честь отечества. Хабаръ исполнилъ свой обѣтъ.

Послѣ чего Махметъ-Гирей удалился въ Крымъ, а Саипъ-Гирей пошелъ въ Казань, и по дорогѣ, выжегши и разграбивъ Березополье, осадилъ Нижній-Новгородъ. Три дня стоялъ онъ подъ Нижнимъ, и, какъ говоритъ лѣтописецъ, *ничтоже сотворише, отыде вспять* (96:).

Конечно, и на этотъ разъ крѣпость стѣнъ спасла Нижній-Новгородъ, но преданіе опоэтизировало это событіе: по сіе время еще въ Нижнемъ сохранилась легенда, что будто бы Саипъ-Гирей потому отступилъ отъ Нижняго, что одна молодая дѣвушка вышла за водой на р. Почайну, въ виду всего татарскаго войска, и когда окружили ее татары, стала отбиваться отъ нихъ своимъ коромысломъ, при чемъ убила много татаръ, и хотя сама была убита, но навела такой страхъ на полки Саипъ-Гирея, что татары сказали: «если женщины такъ храбры въ этомъ городѣ, то каковы же должны быть мужчины?» и будто бы въ слѣдствіе этаго сняли осаду и удалились.

Краснорѣчивые защитники фантастической старины, которые еще и по нынѣ изрѣдка встрѣчаются въ Нижнемъ, отстаиваютъ свои разсказы о храбрости нижегородской дѣвушки тѣмъ, что одна изъ башень Нижегородскаго Кремля, стоящихъ къ р. Почайнѣ, называется Коромысловою, будто-бы именно потому, что подъ ней похоронена убитая дѣвушка (97:).

Между тѣмъ Саипъ Гирей продолжалъ непокорствовать. Въ 1523 году онъ не только перерѣзалъ русскихъ купцовъ, но даже умертвилъ посла великокняжескаго Поджогина. По этому случаю Василій Іоанновичъ съ братьями, Юріемъ и Андреемъ, воеводами и многочисленнымъ войскомъ, прибылъ въ Нижній-Новгородъ 23 Августа, и занялся устройствомъ войска, которое отправилъ подъ Казань, подъ начальствомъ сверженнаго царя казанскаго Шейхъ-Алія и князей Василія Гребенки Шуйскаго и Андрея Горбатаго. Самъ Василій Іоанновичъ остался въ Нижнемъ, и проживъ въ немъ до 15 Сентября, уѣхалъ въ Москву.

Походъ 1523 года ограничился только раззореніемъ земель казанскихъ, да построеніемъ на устьѣ р. Суры Новгорода—Василя, который сдѣлался передовымъ оплотомъ Московскаго Государства съ

востока и мѣстомъ знаменитаго торжища, изъ котораго въ послѣдствіи образовалась Макарьевская ярмарка. Василій Іоанновичъ, не довѣряя уже болѣе казанцамъ, рѣзавшимъ два раза русскихъ торговцевъ, запрѣтилъ своимъ купцамъ ѣздить въ Казань, назначивъ для торговаго съѣзда Василь (98:).

Послѣ этаго, въ великокняженіе Василія Ивановича, въ Нижнемъ еще три раза собиралось войско противъ Казани: въ 1524, 1530 и 1532 годахъ. Послѣ похода 1530 года въ Нижній-Новгородъ было приведено и заключено въ немъ множество плѣнниковъ.

Въ томъ же году Нижній видѣлъ въ стѣнахъ своихъ великолѣпное торжество: Дженалій, назначенный Василіемъ Іоанновичемъ на престолъ казанскій, давалъ присягу въ вѣрности Великому Князю; при этомъ присутствовалъ воевода нижегородскій, князь Шуйскій, его товарищи и присланные нарочно изъ Москвы Ѳедоръ Бороздинъ и Дьякъ Третьякъ Раковъ (99:).

Вскорѣ послѣ этаго торжества Нижній снова испыталъ бѣдствія: ночью съ 3-го на 4 Іюля загорѣлся нижній посадъ около Рождественскаго ручья, потомъ пламя перебросило къ Кремлю, и загорѣлась крыша Ивановской башни, въ которой тогда была устроена стрѣльница и хранился порохъ. Башню взорвало,—и запылали улицы Кремля, гдѣ погорѣло множество домовъ, нѣсколько церквей и дворецъ князей нижегородскихъ. На посадѣ же сгорѣло 1400 домовъ, множество лавокъ, анбаровъ,—словомъ, все строеніе, занимавшее пространство отъ церкви Рождества до церкви Параскевы Пятницы, сгорѣло до тла (100:).

Въ Казани опять происходили смуты: Дженалій палъ отъ руки убійцъ; правительница Россіи Елена захотѣла отмстить смерть его вѣроломнымъ казанцамъ и Сафа-Гирею: она послала въ Декабрѣ 1535 года на Казань войско; но Князь Гундуровъ и Василій Замыцкій, которые предводительствовали имъ, не обладали, какъ видно, храбростію: они, выйдя изъ Мещеры, и узнавъ, что казанцы идутъ къ нимъ на встрѣчу,—воротились. Въ ночь на праздникъ Рождества Христова, татары достигли окресностей Нижняго-Новгорода, напали на селенія, ограбили ихъ, и перебили сонныхъ жителей.—Воеводы нижегородскіе, не зная, что Гундуровъ и Замыцкій не исполнили воли правительницы, полагали, что эти татары—остатки казанскихъ войскъ, побитыхъ Гундуровымъ, погнались было за ними, но не догнали.

Января 6-го 1536 г. татары осадили Балахну, зажгли ея предмѣстія, и вступили съ жителями въ отчаянный бой.

Воеводы нижегородскіе, увидѣвъ балахнинскій пожаръ, догадались, что тамъ татары, и поспѣшили съ войскомъ на помощь къ балахнинцамъ; но татары, узнавъ о приближеніи нижегородской рати, убѣжали изъ Балахны, при чемъ захватили множество плѣнниковъ; потомъ этотъ отрядъ татаръ соединился съ другимъ, выгнаннымъ изъ областей муромскихъ, и 8 Января осадилъ Нижній-Нов-

городъ. Три дня стояли татары подъ Нижнимъ, стараясь взять его, но нижегородцы храбро защищались: они бились съ врагами каждодневно съ 8 часовъ утра до 2 по полудни, и принудили ихъ отступить; но при этомъ татары зажгли верхній посадъ и разрушили 200 домовъ.

Воевода муромскій князь Өедоръ Мстиславскій и воеводы нижегородскіе погнались вслѣдъ за отступающими и настигли ихъ близь Лыскова вечеромъ 15 Января; ночью же на 16 число, не вступая въ бой, русскіе и татары предались бѣгству,—такъ странно кончилось это дѣло (101:).

Съ этой поры, въ теченіи десяти лѣтъ, войско русское часто собиралось въ Нижнемъ-Новгородѣ, но не ходило въ земли казанскія, а только ограничивалось защитой своихъ восточныхъ предѣловъ отъ нападеній безпокойныхъ сосѣдей. Наконецъ, въ 1545 году казанцы своими обманами вывели Іоанна IV изъ терпѣнія, и Нижній опять увидѣлъ огромный сборъ войскъ подъ начальствомъ князей Пункова, Палецкаго и Ивана Васильевича Шереметева; но въ этотъ походъ были только разграблены окрестности Казани.

Въ 1547 году Іоаннъ рѣшился на новый походъ противъ Казани, назначивъ сборъ войска въ Владимірѣ, куда и самъ пріѣхалъ 20 Декабря; но судьба какъ будто противилась Іоанну и покровительствовала вѣроломной Казани: сдѣлалась оттепель, пошли дожди и согнали снѣгъ; это очень замедлило доставку *наряда пушечнаго и пищальнаго.* Однако Іоаннъ, не смотря на всѣ неудобства, рѣшился продолжать походъ, прибылъ въ Нижній-Новгородъ 24 Января 1548 года (отъ Владиміра онъ шелъ 18 дней), 2 Февраля, въ день Срѣтенія Господня, выступилъ отсюда по Волгѣ, къ вечеру дошелъ до Ельни, гдѣ и ночевалъ. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе кончить походъ до весны; но на другой день по выступленіи изъ Нижняго, едва достигъ онъ Работокъ (102:), какъ сдѣлалась вновь оттепель, ледъ на Волгѣ покрылся водой, при чемъ много провалилось въ Волгу пушекъ, пищалей и людей.

Трои сутки жилъ Іоаннъ въ Работкахъ, дожидаясь морозовъ, но оттепель продолжалась, и онъ отправилъ подъ Казань князя Бѣльскаго, повелѣвъ ему соединиться съ Шихъ-Алеемъ, который вмѣстѣ съ княземъ Воротынскимъ шелъ изъ Мещеры; самъ же воротился въ Нижній, по слову лѣтописца. *со многими слезами, что не сподобилъ Богъ его къ путному шествію.*

Іоаннъ обратно въ Нижній прибылъ 10 Февраля, а въ Москву—7 Марта.—И на этотъ разъ Казань уцѣлѣла, а пострадали опять однѣ ея окрестности (103:).

На слѣдующій годъ опять собралось войско въ Нижнемъ, и опять пріѣхалъ самъ Іоаннъ (:18 Января 1550 года:), твердо рѣшившійся покорить Казань *подъ высокую руку свою.* Проведя пять дней въ устройствѣ полковъ, онъ выступилъ изъ Нижняго-Новгорода; до Казани же достигъ 14 Февраля. Но и этотъ походъ не былъ

роковымъ для Казани: опять оттепель помѣшала намѣренію Царя: одиннадцать дней стояло войско подъ Казанью, и во всѣ дни шли дожди, почему Іоаннъ, снявъ осаду, отправился въ Нижній.

При этомъ отступленіи Іоаннъ назначилъ мѣсто для построенія новаго города, почти въ виду Казани, который и былъ основанъ въ слѣдующемъ 1551 году Шихъ-Алеемъ и княземъ Серебрянымъ, ходившими на Казань съ дѣтьми боярскими, стрѣльцами и казаками, и названъ Свіяжскомъ.

Князь Серебряный отправился изъ Нижняго водою рано по утру 16 Мая, въ субботу, наканунѣ Троицы, а въ воскресенье, троицкую вечерню слушалъ на устьѣ Свіяги, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Свіяжскъ; въ Духовъ же день, 18 Мая, внезапно напалъ на казанцевъ, много ихъ взялъ въ плѣнъ и много побилъ, въ томъ числѣ однихъ князей и мурзъ до ста (104:).

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того положено было прибывшимъ Шихъ-Алеемъ основаніе Свіяжску. Эта твердыня, возникшая въ виду самой Казани, смирила горное поволжье,—чувашей и черемисъ; дрогнула также и Казань, и поникла предъ Іоанномъ. Но въ 1552 году Іоаннъ вновь былъ вынужденъ взяться за оружіе, и съ тѣмъ, чтобъ окончательно уже рѣшить судьбу мятежной и вѣроломной Казани.

Во время этаго похода Нижній не былъ главнымъ пунктомъ сбора войскъ, ходившихъ на Казань; мимо его прошли только отряды на судахъ съ Шихъ-Алеемъ и княземъ Булгаковымъ. Самъ Іоаннъ прошелъ изъ Мурома чрезъ южную часть нижегородской губерніи и чрезъ симбирскую губернію.

Объ этомъ походѣ Іоанна въ ардатовскомъ и арзамасскомъ уѣздахъ сохранилось много преданій: на Выксунскомъ и Велетминскихъ заводахъ, принадлежащихъ Гг. Шепелевымъ, и донынѣ поется пѣсня о Калейкѣ—мужикѣ, показавшемъ путь чрезъ выксунскій лѣсъ христолюбивому воинству царя православнаго; въ г. Ардатовѣ, нижегородской губерніи, разсказываютъ, что мордвинъ Ардатка оказалъ Іоанну подобную же услугу, какъ и Калейка. Оба эти проводника, какъ говоритъ преданіе, были награждены отъ царя обширными землями.—Ардатка на своей поставилъ селеніе, изъ котораго въ послѣдствіи образовался городъ Ардатовъ (105:).

Взявъ Казань и покоривъ совершенно все Царство Казанское, Іоаннъ возвращался домой чрезъ Нижній-Новгородъ.

Взятіе Казани было истиннымъ благомъ для нижегородцевъ, столь долго страдавшихъ отъ безпокойныхъ и безчеловѣчныхъ сосѣдей,—и нижегородцы встрѣтили побѣдителя Казани съ торжествомъ.

Октября 19, лишь только показались въ виду Нижняго лады Іоанна, раздался звонъ на всѣхъ колокольняхъ нижегородскихъ; толпы народа усѣяли берегъ Волги; Архимандритъ и все городское духовенство, въ церковномъ облаченіи, съ хоругвями и св. иконами выступили на встрѣчу государю. Какъ только Іоаннъ сошелъ съ

ладьи, нижегородцы упали на колѣни и поклонились до земли побѣдителю, обливаясь слезами, славя Бога и молясь громогласно, чтобъ милосердый Господь умножилъ дни житія государя,—сокрушителя хищныхъ враговъ, избавителя *отъ таковыхъ змій ядовитыхъ*, отъ которыхъ страдали много лѣтъ; *и толикъ плачь благодарный въ народѣ бысть, яко священникомъ и пѣти престати, отъ многаго плача, и государя многими благодареніями хваляху, избавителемъ его взываху.*

Въ Нижнемъ же встрѣтили Іоанна послы: отъ супруги его бояринъ Князь Θедоръ Андреевичъ Булгаковъ, отъ брата, князя Юрія, окольничій Владиміръ Морозовъ и отъ митрополита Макарія бояринъ Иванъ Козминъ, да Елизаръ Соболевъ, *и здравствовали государя на Богомъ данной ему отчинѣ, царствѣ казанскомъ.*

Два дня пробылъ Іоаннъ въ Нижнемъ; разпустилъ войско, поблагодаря его за труды и подвиги, и отправился въ Москву чрезъ Балахну (106:).

Въ слѣдующемъ году взбунтовались вотяки, и въ Нижнемъ, гдѣ въ то время воеводствовали Борисъ Салтыковъ и Иванъ Полтевъ, собиралось войско около двухъ мѣсяцевъ, которое и выступило противъ мятежниковъ въ Декабрѣ, подъ начальствомъ князя Микулинскаго.

Въ 1556 году нижегородцы ходили противъ крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ начальника нижегородской области нижегородскаго и казанскаго дворецкаго и воеводы Воронцова-Волынскаго. Туда же ходила и мордва нижегородская, подъ предводительствомъ Новосельцева.

Въ слѣдующемъ году, по повелѣнію Царя, нижегородцы дѣлали встрѣчу Гурію, первому архіепископу казанскому, ѣхавшему на новоучрежденную каθедру разливать свѣтъ ученія Евангельскаго среди послѣдователей лжепророка и идолопоклонниковъ.

По обычаю того времени, за нѣсколько дней до пріѣзда святителя, на базарахъ кликали кличь, чтобы народъ собирался для встрѣчи Гурія. Архіепископъ приплылъ на стругахъ по Окѣ. Его встрѣтило духовенство за городомъ съ безчисленными толпами народа, при колокольномъ звонѣ. Гурій отправился въ Преображенскій Соборъ, гдѣ, облачась въ святительскія одежды, отслужилъ молебенъ, потомъ обошелъ крестнымъ ходомъ городскія стѣны, и совершилъ въ томъ же Соборѣ литургію, а послѣ обѣденнаго стола отправился въ дальнѣйшій путь (107:).

Въ 1559 году, по случаю нашествія на Россію крымцевъ, всѣ украйные города готовились къ оборонѣ; въ это время въ Нижній-Новгородъ былъ присланъ въ осадные воеводы князь Дмитрій Хворостининъ.

При намѣстникѣ князѣ Хохолковѣ, управлявшемъ нижегородскою областью съ 1564 года, въ Нижній прислали нѣмцевъ, выселенныхъ

изъ Дерпта, покореннаго Іоанномъ въ 1588 году. Ихъ лишили родины потому, что заподозрили въ сношеніяхъ съ бывшимъ магистромъ; но они небыли отягчены заключеніемъ, жили свободно, даже свободно отправляли свое богослуженіе: дерптскій пасторъ Веттерманъ не разъ пріѣзжалъ къ нимъ для проповѣданія Слова Божія. 108:).

Замыселъ астраханцевъ, рѣшившихся предаться подъ власть турецкаго султана, побудилъ Царя, въ 1569 году, послать на нихъ огромное войско, которое также сборнымъ пунктомъ имѣло Нижній. Начальниками этаго похода были: двоюродный братъ Царя, Владиміръ Андреевичъ, бояринъ князь Серебряный и воеводы Морозовъ и Сабуровъ.

Въ слѣдующемъ году Іоаннъ, разгнѣванный измѣною новогородскаго владыки Пимена и прочихъ знатныхъ новгородцевъ, сносившихся съ королемъ польскимъ, разгромилъ Новгородъ.

Много несчастныхъ жителей его погибло въ волнахъ Волхова и страшной *поджарѣ;* остальные были выселены въ разные города, въ томъ числѣ и въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ то время воеводствовалъ Мукулинъ-Ярого.

Въ числѣ прочихъ ссыльныхъ новогородцевъ, большею частію дворянъ и житныхъ людей, были очень замѣчательныя лица. Одинъ изъ нихъ, котораго имя увѣковѣчили ссыльные соотчичи въ пѣсняхъ, сложенныхъ на чужбинѣ, сохранившихся даже до нашихъ временъ, основалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ Монастырь Святаго Духа (109:).

Въ 1572 г. нижегородцы ходили въ походъ на Ливонію. Сборнымъ мѣстомъ имъ и арзамасскимъ мурзамъ и казакамъ назначенъ былъ Новгородъ, а начальникомъ князь Хворостининъ, бывшій въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1559 году осаднымъ воеводой.

Въ томъ же году нижегородцы, давно невидавшіе у стѣнъ своихъ татаръ, ожидали нападенія казанцевъ. Тогда полагали, что они по проискамъ Девлетъ-Гирея, хана крымскаго, сдѣлаютъ вторженіе въ русскія области. Воеводы нижегородскіе Микулинъ-Ярого и Тучекъ-Остяевъ приняли всѣ мѣры къ оборонѣ.

Татары, вѣрно, узнавъ о приготовленіяхъ къ отпору, не дѣлали нападеній ни на нижегородскую область, ни на области сопредѣльныя съ ней; но въ 1574 году они, по наущенію того же хана, подступили къ Нижнему-Новгороду, и осадили его. Нижегородцы сдѣлали вылазку, но не удачно: лѣтописецъ говоритъ, что тутъ было убито однихъ дворянъ нижегородскихъ 36 человѣкъ, *а иныхъ въ плѣнъ взяли.* Однако твердость кремля и на этотъ разъ спасла Нижній отъ татаръ. Это было послѣднее нашествіе казанцевъ на Нижній-Новгородъ (110:).

Въ слѣдующемъ году Іоаннъ двинулъ войско для наказанія мятежной Казани. Передовой полкъ уже явился въ Нижній, но казанцы успѣли смягчить Грознаго своей покорностію: походъ былъ остановленъ. Послѣ того въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ царствованіе Іоанна,

еще разъ собиралось войско въ 1583 году, также противъ Казани, взволнованной крымцами. Въ то время нижегородскимъ воеводой былъ Даніилъ Васильевичъ Сабуровъ, а войскомъ предводительствовали князь Иванъ Андреевичъ и князь Андрей Хворостининъ (111:).

Вскорѣ по возшествіи на престолъ Θеодора Іоанновича, въ 1584 году, въ Нижній-Новгородъ былъ присланъ Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, заслужившій, по связи своей съ Годуновымъ, ненависть дворскую и народную. Ему приказано было *и повѣстемъ и на вылазки быть, и въ походъ ходить;* но по части гражданской завѣдывалъ въ то время другой воевода, Григорій Димитріевичъ Шетневъ.

Сюда же, впослѣдствіи, былъ присланъ для заключенія въ тюрьму Иванъ Крюковъ-Колычевъ, подвергшійся гнѣву могущественнаго Годунова за единомысліе свое съ Шуйскими. Это было въ 1587 году, при воеводѣ Иванѣ Михайловичѣ Воротынскомъ (112:).

Въ 1589 г. въ Москвѣ, по случаю учрежденія патріаршества, былъ XV Соборъ, на которомъ положено установить въ Россіи осьмнадцать епархій, въ томъ числѣ въ Землѣ Низовской, не имѣвшей своего отдѣльнаго архіерея, назначалась архіепископская каѳедра; но это предположеніе не состоялось. Нижній-Новгородъ долго послѣ того не имѣлъ своего архіерея. (113:)

Въ концѣ царствованія Θеодора Іоанновича, въ 1597 году, разрушился Нижегородскій Печерскій Монастырь, который потомъ былъ построенъ на другомъ мѣстѣ, выбранномъ, по царскому повелѣнію, архимандритомъ Трифономъ и нижегородскимъ воеводой Леонтьемъ Аксаковымъ (114:).

Разрушеніе древней обители, построенной въ княженіе Іоанна Даніиловича Калиты, произвело непріятное впечатлѣніе не только въ Нижнемъ-Новгородѣ, но и въ цѣлой Россіи.

Всѣ считали это предвѣстіемъ чего-то необычайнаго, и ждали бѣды: страшное событіе незамедлило оправдать это ожиданіе: родъ Калиты угасъ, и, въ слѣдъ за тѣмъ, вражды внутреннія и внѣшнія возмутили спокойствіе Россіи и обагрили ее кровью.

Въ царствованіе Бориса Θеодоровича Нижній-Новгородъ испыталъ на равнѣ съ другими городами ужасы голода, и былъ мѣстомъ почетнаго заключенія Ивана Никитича Романова.

Годуновъ, терзаемый подозрѣніями, но желавшій упрочить престолъ за собою и своимъ домомъ, преслѣдовалъ съ ожесточеніемъ родственниковъ угасшаго дома Калиты. Иванъ Никитичъ сперва раздѣлялъ ужасное заточеніе съ братомъ своимъ Василіемъ въ Пелымѣ, потомъ, въ Мартѣ 1602 года, Борисъ приказалъ ему ѣхать на службу въ Уфу а потомъ уже въ Нижній-Новгородъ (115:).

ГЛАВА V.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ ВЪ СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

СЪ 1605 ДО 1613 Г.

Во время перваго Лжедимитрія Нижній-Новгородъ волновался сомнѣніями и надеждою; потомъ, когда престолъ Мономаха занялъ потомокъ князей суздальско-нижегородскихъ, Василій Іоанновичъ Шуйскій, нижегородцы, признавъ его Царемъ Богомъ даннымъ, Богомъ избраннымъ, Богомъ вѣнчаннымъ, остались ему вѣрными, и стояли за него крѣпко до той поры, покуда зависть и недоброжелательство, прикрытыя именемъ любви къ родинѣ, дерзкою рукою не сняли вѣнца съ головы его.

Мѣсяца чрезъ четыре по возшествіи Василія на престолъ, появились въ уѣздѣ нижегородскомъ (въ Сентябрѣ 1606 г.) толпы приверженцевъ самозванца, извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ *тушинскаго царика*, котораго тогда знали только по слуху; самъ онъ лично ни гдѣ еще не являлся. Это были шайки авантюристовъ своего рода и своего времени, составленныя изъ людей всякаго сорта, большею частію незнавшихъ ни совѣсти, ни чести, запятнанныхъ всевозможными преступленіями. Лѣтописи очень справедливо ихъ называютъ *ворами*.

Шайки эти не пошли на Нижній-Новгородъ: ихъ устрашили крѣпкіе его стѣны; но въ окрестностяхъ его имъ нечего было бояться: нижегородцы имѣли только силы защищать городъ, но не могли оказать ни какой помощи безоружнымъ жителямъ уѣзда,—и шайки «воровъ» безнаказанно безчинствовали въ уѣздѣ, особенно въ Березопольѣ:

жгли селенія, деревни; грабили жителей и насильно угоняли ихъ въ свои таборы; нападали на проѣзжающихъ большими дорогами; ловили гонцовъ царскихъ, посылаемыхъ Василіемъ въ Нижній, Казань, Вятку и Низовье, и отправляли ихъ въ Путивль, гдѣ въ то время стояли полководцы *царика*.

Въ теченіе осени и зимы эти шайки, бродя по нижегородскому, арзамасскому и другимъ сопредѣльнымъ уѣздамъ, увеличивались: къ нимъ приставали бѣглые холопы, бортники, крестьяне, которымъ не нравилось отмѣненіе правъ Юрьева-дня, и другіе недовольные судьбою, желавшіе вольности и добычи; мятежники успѣли также взбунтовать мордву, которая жила смирно съ самаго паденія Казани.

Эти разнохарактерныя скопища, или *вольница*, какъ тоже называли ихъ современники, разсыпались отъ Нижняго-Новгорода до Алатыря и далѣе, взяли Алатырь, утопили въ Сурѣ тамошняго воеводу Сабурова, потомъ взяли Арзамасъ, и устрѣмились къ Нижнему, подъ предводительствомъ двухъ мордвиновъ *Москова и Вокардина, и стояху подъ Нижнимъ, и многія пакости дѣяху* (116); но взять его не могли, потому-что у нихъ не было средствъ сдѣлать правильное нападеніе на укрѣпленный и хорошо защищенный городъ.

Между тѣмъ Василій Іоанновичъ сталъ посылать бояръ для очищенія городовъ отъ мятежниковъ; въ Арзамасъ послалъ князя Ивана Михайловича Воротынскаго. Слухъ о томъ достигъ до Москова и Вокардина, и они, оставя осаду Нижняго, поспѣшили съ своими толпами отстаивать Арзамасъ, въ которомъ хранили награбленныя ими сокровища; но Воротынскій, разбивъ мятежниковъ, взялъ городъ, и очистилъ область арзамасскую отъ скопищъ вольницы. Это остановило безпорядки около Нижняго-Новгорода: вольница притихла,—часть ея ушла чрезъ Мещеру, въ станъ самозванца, а часть скрылась около Арзамаса, Алатыря и Ядрина.

Наконецъ явился на лицо самъ Лжедимитрій II-й, польскіе паны, особенно Лисовскій, подкрѣпили его; южная Русь вся передалась ему, потомъ онъ двинулся къ Москвѣ, и благодаря легковѣрію народа, крамолѣ бояръ и неспособности въ дѣлѣ воинскомъ царскаго брата Димитрія, въ апрѣлѣ разкинулъ станъ свой почти въ виду столицы— въ селѣ *Тушинѣ*. Здѣсь силы его еще увеличились приходомъ Сапеги и запорожцами.

Поляки и казаки, провозглашая имя Лжедимитрія, грабили и раззоряли области русскія; города большею частію сдавались имъ безъ сопротивленія: Переяславль—Залѣсскій, Суздаль, Владиміръ и Муромъ измѣнили Василію.

Къ остаткамъ вольницы, разбитой Воротынскимъ, которая гнѣздилась около Арзамаса, Алатыря и Ядрина, явились агенты самозванца, и она опять зашумѣла, снова усилясь всякимъ сбродомъ. Пожары селъ и деревень, грабежи, бунтъ мордвы, чувашъ, черемисъ показывали, что около Нижняго Новгорода возстали опять враги Василія, или точнѣе враги всякаго порядка. Алатырь, Курмыщъ, Ядринъ,

Арзамасъ, Темниковъ и Касимовъ подпали власти мятежниковъ, которые, грабя и раззоряя именемъ Лжедимитрія, распространяли духъ мятежа отъ Касимова до Вятки.

На западъ отъ Нижняго также все измѣнило Василію. Волости— Стародубская, Ярополчевская, Пурецкая, Лухъ и Балахна признали самозванца царемъ; *а не многіе грады стояху въ твердости: Казань и Великій Новгородъ, и Смоленскъ, Нижній, Переяславль-Рязанскій, Коломна, Царство Сибирское, только городовъ устояша въ твердости*, говоритъ лѣтопись (117:). Нижній-Новгородъ былъ отрѣзанъ отъ всѣхъ мѣстъ, преданныхъ Василію.

Въ концѣ 1608 года приверженцы тушинскаго царика, Тимоѳей Таскаевъ и боярскія дѣти Елеазаръ Редриковъ, Лука Синій, Семенъ Долгій и Иванъ Гриденьковъ, явились съ своими соумышленниками въ Балахну; ласками и угрозами соблазнили балахнинскаго воеводу Голенищева, посадскихъ старостъ Кухтина, Суровцова и Добренина,— и тѣ целовали крестъ на вѣрность самозванцу; за ними присягнули и всѣ балахнинцы.

Вскорѣ послѣ того къ Таскаеву и его товарищамъ присоединился игуменъ Луховской Тихвинской Пустыни, Іона, и московскій житель Третьякъ Клепиковъ—агенты самозванца, имѣвшіе отъ него повелѣніе склонить нижегородцевъ на свою сторону. Они, явно и тайно, лестію и угрозами, старались заманить нижегородцевъ въ свои сѣти, возмутить ихъ противъ Василія.—Іона писалъ даже къ Іоилю, архимандриту Печерскаго Монастыря, убѣждая его принять присягу самозванцу. Іоиль показалъ письмо Іоны воеводамъ нижегородскимъ, князю Александру Андреевичу Репнину и Андрею Семеновичу Алябьеву, дьяку Семенову и прочимъ нижегородцамъ, и, съ совѣта всѣхъ, отказался признать власть Лжедимитрія; въ Нижнемъ всѣ были готовы умереть за Василія.

Іоиль, объясняя это въ письменномъ отвѣтѣ своемъ Іонѣ, предлагалъ балахнинцамъ, отъ лица всѣхъ нижегородцевъ, возстановить прерванныя между ними сношенія, а Іону, Клепикова, Таскаева и Кухтина звалъ въ Нижній—*о добромъ дѣлѣ говорити*. Вотъ слова Іоиля: «Да Ноября жъ въ 21 день писали мы (нижегородцы), чтобъ «крестьянская неповинная кровь не лилась, а были бы балахонцы и «всякіе люди по прежнему, во единой мысли, и прислали бы бала-«хонцы на договоръ лучшихъ людей, сколько человѣкъ пригоже, а «изъ Нижняго мы къ вамъ пришлемъ также лучшихъ людей, а «говорить бы вамъ съ нами о томъ, кто будетъ на Московскомъ «Государствѣ государь, тотъ всѣмъ намъ и вамъ государь, а до тѣхъ «бы мѣстъ мы на васъ не посылали, и вы къ Нижнему ратью не «приходили, ѣздили бы балахонцы въ Нижній со всѣмъ, что у кого «есть, а нижегородцы ѣздили бы къ вамъ на Балахну, да съ нами «сослатись о добромъ дѣлѣ, а не о крестномъ целованьѣ» (118:).

Но Іона и прочіе балахнинскіе коноводы тушинской партіи не только не вздумали ѣхать въ Нижній-Новгородъ для совѣщаній, но

рѣшились силой заставить нижегородцевъ признать царика. Декабря 2 балахнинцы подступили къ Нижнему, въ который, за день до того, явилось подкрѣпленіе отъ боярина Өедора Ивановича Шереметева, усмирявшаго понизовые города (119:). По приговору горожанъ, воевода Алябьевъ, съ нижегородскими дворянами, дѣтьми боярскими, посадскими, вольными людьми,—по тогдашнему названію «козаками», нѣмцами и литовцами, жившими въ Нижнемъ, и подкрѣпленіемъ Шереметева, ударилъ на балахнинцевъ, отогналъ ихъ отъ города, и устрѣмился за ними въ погоню. Жители села Копысова, также приверженцы самозванца, хотѣли было преградить ему дорогу, но онъ разогналъ ихъ; также разогналъ и другую толпу мятежниковъ, при селѣ Козинѣ (120:).

Не доходя до Балахны версты четыре, 3-го Декабря Алябьевъ былъ встрѣченъ Голенищевымъ съ толпами балахнинцевъ и приверженцами царика. Закипѣлъ бой, Балахна, запылала мятежники дрогнули и побѣжали, оставя въ рукахъ нижегородцевъ знамена, пушки, литавры, а также и предводителей своихъ, Голенищева, Таскаева, Кухтина, Суровцова, Редрикова, Синяго, Долгаго и Гриденькова, которые были отведены въ Нижній-Новгородъ и повѣшены на нижнемъ базарѣ.—Балахна, Копысово и Козино цаловали крестъ Василію.

Но только что Алябьевъ воротился въ Нижній, какъ долженъ былъ опять биться съ новыми толпами мятежниковъ. Самозванецъ и Сапега рѣшились разрушить Троицкую Лавру и Нижній-Новгородъ, эти двѣ опоры, поддерживавшія колебавшійся престолъ Василія, или точнѣе, спасавшіе Россію отъ конечной погибели. Осадой Лавры занялся самъ Сапега, а противъ Нижняго-Новгорода посланъ былъ князь Симеонъ Юрьевичъ Вяземскій, годъ тому назадъ бывшій воеводой въ Перьми-Великой и ревностнымъ слугою Василія. Онъ принялъ начальство надъ вольницею, и пошелъ изъ Тушина чрезъ волости владимірскія, суздальскія и Муромъ на Нижній.

Передовые отряды его, къ которымъ присоединились жители нижегородскаго уѣзда, арзамасцы, татары и черемисы, осадили Нижній-Новгородъ 5 декабря. Алябьевъ со своими ратниками и охотниками сдѣлалъ на нихъ вылазку, захватилъ въ плѣнъ до 300 человѣкъ, отбилъ отъ Нижняго, и преслѣдовалъ ихъ верстъ 15; причемъ также знамена ихъ и литавры достались въ его руки. Потомъ, 10 числа, онъ снова выступилъ изъ Нижняго къ селу Ворсмѣ, гдѣ гнѣздилась значительная шайка приверженцевъ царика; въ 5-ти верстахъ отъ этаго села, онъ опять разбилъ ихъ, и, овладѣвъ Ворсмою, сожегъ ее. На другой день снова поразилъ ихъ у Павловскаго острога,—захватилъ много плѣнниковъ, отнялъ знамена и огнестрѣльный снарядъ, и тѣмъ очистилъ отъ вольницы все Березополье (121:).

Менѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ явился и Вяземскій съ главными массами своей силы; съ нимъ былъ еще другой воевода, Тимоѳей Лазаревъ (122:).

Вяземскій, ставъ отъ города въ верстѣ, послалъ къ нижегородцамъ письмо, въ которомъ было все—и упреки, и обѣщанія милостей самозванца и поляковъ, и наконецъ, угрозы. Вяземскій писалъ, что если городъ не сдастся добровольно и рѣшится сопротивляться, то будетъ истребленъ совершенно. Нижегородцы не дали отвѣта.

Нижній-Новгородъ не могъ выдержать продолжительной осады: въ немъ былъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и пороха,—и нижегородцы рѣшились сдѣлать вылазку, не смотря на то, что силы Вяземскаго были многочисленнѣе ихъ силъ. Счастіе благопріятствовало правому дѣлу: Алябьевъ разбилъ сначала Вяземскаго, который стоялъ еще на Слюдѣ (123:), въ ожиданіи отвѣта нижегородцевъ; потомъ разбилъ и Лазарева, который сталъ было спускаться съ горы къ Монастырю Благовѣщенскому, чтобъ напасть на городъ со стороны Оки, и долженъ былъ возвратиться на помощь товарищу.

Оба воеводы Лжедимитрія были взяты въ плѣнъ: это случилось 7 января 1609 года. Побѣдители, отслушавъ молебенъ въ Спасопреображенскомъ Соборѣ, собрались судить воеводъ Лжедимитрія; судъ былъ коротокъ: измѣнниковъ приговорили къ смерти. Вяземскій не признавалъ этаго суда: говорилъ, что воеводы не имѣютъ права казнить его безъ указа царя; говорилъ и про обѣщаніе, данное царемъ при вступленіи на престолъ, не казнить ни кого смертію безъ суда (124); наконецъ, въ отчаяніи, признавалъ и власть Василія, и грозилъ нижегородцамъ мщеніемъ Лжедимитрія. Но ни что не помогло: измѣннику не внимали вѣрные нижегородцы,—и его повѣсили на той-же висѣлицѣ, на которой былъ повѣшенъ, за мѣсяцъ предъ тѣмъ, Таскаевъ; та же участь постигла и умиравшаго отъ ранъ Лазарева; потомъ тѣла мятежныхъ были брошены въ прорубь на Волгѣ (125:).

Вскорѣ за тѣмъ Алябьевъ выступилъ на Муромъ, гдѣ уже воевода самозванца, Плещеевъ, зналъ о разбитіи Вяземскаго чрезъ боярскаго сына Андрея Ивашева, бѣжавшаго изъ подъ Нижняго, и просилъ помощи у Сапеги; но Сапега, стоявшій подъ Троицей, тревожимый вылазками лаврскихъ защитниковъ и ожидавшій еще нападенія изъ Москвы, не отвѣчалъ Плещееву, не отвѣчалъ и владимірскому воеводѣ Вельяминову, который также просилъ помощи, узнавъ отъ явившихся во Владиміръ сына Вяземскаго и поляка Хвиневскаго, что Алябьевъ, послѣ Мурома, хотѣлъ идти на Владиміръ.

Дней чрезъ десять Алябьевъ явился подъ Муромомъ, скоро овладѣлъ имъ и остался въ немъ въ качествѣ царскаго воеводы. Посланный имъ отрядъ очистилъ Владиміръ отъ мятежниковъ и возстановилъ тамъ власть Василія.

Врагъ Алябьева, воевода Владимірскій Вельяминовъ, говоритъ, будто бы во время этаго похода, въ селахъ Яковцевѣ и Клину,—притонахъ мятежниковъ, раззоренныхъ Алябьевымъ, нижегородцы «церкви Божіи зажигали, и образа кололи»; можетъ быть это выдумала злоба приверженцевъ тушинскаго царика, чтобы очернить въ глазахъ со-

временниковъ доблестныхъ нижегородцевъ, ратовавшихъ противъ мятежниковъ за православіе и законнаго государя (126:).

Успѣхи Алябьева имѣли важныя послѣдствія: войска царика должны были разъединиться; многіе полки тушинскіе отступили отъ Москвы и Лавры, чѣмъ и облегчили осаду. Жители городовъ и уѣздовъ, освобожденные отъ вольницы, не только признали, по прежнему, власть Василія, но стали вооружаться для поддержанія правъ его. Первые показали примѣръ балахнинцы. Главою возстанія былъ нѣкто Иванъ Кувшинниковъ (по другимъ Кушниковъ); глядя на балахнинцевъ возстали и въ другихъ мѣстахъ.

Такъ стали собираться на западѣ отъ Нижняго вѣрные сыны отчизны. Ѳедоръ Нагавицынъ въ Городцѣ (по другимъ въ Гороховцѣ), сотникъ Ѳедоръ Красновъ въ Юрьевцѣ, крестьянинъ Григорій Лапша въ Решмѣ, Иванъ Деньгинъ въ Холуѣ—сдѣлались ихъ предводителями (127).—Эти новые поборники праваго дѣла, получивъ отъ воеводъ нижегородскихъ—князя Рѣпнина, князя Александра Михайловича Лыкова и Димитрія Саввича Жедринскаго подкрѣпленіе, пошли на Лухъ, гдѣ разбили поляковъ, захватили русскихъ измѣнниковъ, и, послѣднихъ отославъ въ Нижній-Новгородъ, двинулись къ Шуѣ. Подъ селомъ Дуниловымъ (128) они одержали побѣду надъ Ѳедоромъ Плещеевымъ, посланнымъ отъ Лисовскаго.—Плещеевъ убѣжалъ въ Суздаль, а побѣдители, продолжая утверждать власть Василія, приводили жителей къ крестному цалованію; потомъ они сѣли на суда и отправились вверхъ по Волгѣ.

Тамъ также дѣйствовали доблестные сыны отчизны и люди благонамѣренные. Знаменитый гость Петръ Строгановъ и нѣмецъ Даніель Ейловъ собирали жителей Костромы, Галича и Вологды.—Достигнувъ Костромы, нижегородцы, балахнинцы, городчане и прочіе напали на поляковъ и приверженцевъ самозванца, имѣвшихъ пристанище въ Ипатьевскомъ Монастырѣ, и разбили ихъ.—Доблестные подвиги Алябьева открыли также свободный путь и Ѳ. И. Шереметеву, противъ котораго дѣйствовала вольница подъ начальствомъ Шенгурова, Яникѣева и другихъ.

Шереметевъ пришелъ въ Нижній-Новгородъ 1 мая съ 3,500 ратниковъ. Отсюда послалъ онъ въ разныя мѣста отряды для окончательнаго утвержденія власти Василія въ очищенныхъ городахъ, а самъ пошелъ къ Мурому, оттуда къ Касимову, который и взялъ. Здѣсь пришли къ нему послы царскіе съ жалованнымъ словомъ и выговоромъ за медленныя дѣйствія. Изъ Касимова Шереметевъ пошелъ къ Владиміру, оттуда къ Суздалю, и не зная мѣстности, попалъ нечаянно на Лисовскаго, и былъ имъ разбитъ; потомъ, отступивъ къ Александровской слободѣ, соединился съ Скопинымъ-Шуйскимъ.

Царь и Алябьева наградилъ похвальною граматой, 27 Мая 1609 г., но также, какъ и Шереметеву, выговаривалъ за медленность. Алябьевъ до Мая мѣсяца почему-то не шелъ къ Владиміру и не посылалъ

ратниковъ для соединенія съ ярославцами и дальнѣйшаго похода къ Троицѣ (129:).

Крѣпкое стояніе Троицко-Сергіевской Лавры, успѣхи князя Скопина-Шуйскаго, содѣйствіе шведовъ, вѣрность Нижняго-Новгорода обѣщали упрочить власть Василія и возстановить спокойствіе Православнаго Царства, какъ вдругъ смерть юнаго героя, *которому* восторженные москвичи *воздаша велію честь... и биша ему челомъ*, котораго прославляли *яко Давида со многи юноши, паче Саула* (130), разрушила все,—и все, по смерти Скопина Шуйскаго, возстало противъ Василія: Ляпуновъ, шведы, ободрившійся царикъ съ своими приверженцами, крамольные бояре, замыслившіе призвать на престолъ московскій Владислава,—и несчастный потомокъ несчастныхъ князей суздальско-нижегородскихъ, не захотѣвшій добровольно сдѣлаться нижегородскимъ удѣльнымъ княземъ, былъ сведенъ съ престола 17 іюля 1610 года и постриженъ въ иноки (131:).

Дума Боярская, принявъ верховную власть, взялась теперь спасать царство: она звала всѣ города къ возстанію,—звала ратниковъ для защиты Москвы и государства, разные чины—для избранія государя всею землею; но не ей, полной разномыслія, суждено было совершить великій подвигъ.

Является Жолкевскій на *поляхъ хорошавскихъ* (132),—и въ Москвѣ согласились, кто волей, кто неволей, на избраніе Владислава, въ томъ числѣ и самъ патріархъ, убѣжденный Жолкевскимъ. Митрополитъ Филаретъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, князь Данило Ивановичъ Мезецкій избираются въ посольство къ Сигизмунду, и ѣдутъ просить у него сына на престолъ московскій. За тѣмъ слѣдуетъ занятіе Москвы Жолкевскимъ, вопреки договора. Открывается замыселъ Сигизмунда обладать Россіею не для сына, а собственно для себя. Филаретъ, Голицынъ и другіе ихъ спутники изъ посланниковъ дѣлаются плѣнниками; Смоленскъ, защищаемый неустрашимымъ Шеинымъ, падаетъ, и Жолкевскій съ поляками, укрѣпясь въ Москвѣ, *все державство московское начаша правити* (133) и вездѣ сталъ посылать своихъ воеводъ и судей. Въ это время въ Нижній-Новгородъ былъ присланъ дьякъ Горихвостовъ, но нижегородцы не приняли его; они, кажется, также не цаловали креста Владиславу; по крайней мѣрѣ лѣтописи и другіе акты русскіе не говорятъ объ этомъ ни слова (134:).

Видя замыслы Сигизмунда, клонящіеся къ порабощенію Россіи и погибели вѣры православной, Гермогенъ, не внимая ни убѣжденіямъ Боярской Думы, ни угрозамъ поляковъ, разрѣшилъ Москву отъ присяги Владиславу, проклялъ еретика, и началъ дѣлать воззванія къ вѣрнымъ сынамъ отчизны, приглашая ихъ стоять за православіе и отечество.

Въ началѣ 1611 года воеводы нижегородскіе, князь Репнинъ и Алябьевъ, возвратившійся изъ Мурома, получили отъ патріарха грамату. Св. старецъ горько жаловался на низложившихъ Василія и на

тѣхъ, которые замыслили предать Россію Польшѣ. «Вышла несправедливою пословица», писалъ онъ 10 Октября, «которая говоритъ, «что красота граду старые мужи; нѣтъ, у насъ старые и молодые «бѣду доспѣли, и за то дадутъ они отвѣтъ на судѣ страшномъ. И «это пишемъ мы къ вамъ для того, чтобы знали всѣ, какъ они не«справедливо, безъ боярскаго вѣдома, безъ совѣта съ нами, и безъ «вѣдома народа Государства Московскаго, возстали на Царя. Они со«вѣтовали на него злая, Богъ же совѣтывалъ о немъ благая, ибо на «Него и Пречистую Его Матерь возлагалъ Царь надежду свою. Отъ «того и погибли они, ибо маломощна крѣпость людей, Богъ же ве«ликомощенъ. И въ лѣтописцахъ записали мы это чудо, да и прочіе «не дерзаютъ таковыхъ творити. Господь стражемъ поставилъ меня «надъ вами, охранять повелѣлъ васъ, чтобы сатана кого не укралъ, «а вы самовольно діаволу преклоняетесь. Обратитесь же отъ смерти «въ животъ, обрадуйте своихъ предковъ, которые не только въ мо«сковское царство враговъ своихъ не впускали, но сами въ морскія «отоки въ дальнія разстоянія и въ незнаемыя страны, яко орли остро«зрящіе и быстролѣтящіе, яко на крыліяхъ паряще, и вся подъ руку «покоряху Московскому Государю Царю; вы сами тому свидѣтели. «Бога ради, ревнуйте своимъ предкамъ, не отмѣтайтесь отъ вѣры, «въ которой родились». Не говоря прямо о Владиславѣ, Гермогенъ, уже тѣснимый поляками, все-таки рѣшился передать нижегородцамъ свое отвращеніе къ царю иноземному: «вы видите», писалъ онъ, «какъ «ваше отечество чуждыми разхищается, какъ ругаются надъ Св. «иконами и храмами, какъ проливаютъ кровь неповинную. Тягостно «будетъ слуху вашему, если стану приводить примѣры отъ Божест«венныхъ писаній. Но гдѣ найду я примѣры? Бѣдствій, подобныхъ «нашимъ бѣдствіямъ, ни гдѣ не было, ни въ какихъ книгахъ не «найдете вы подобнаго. Одинъ только примѣръ приведу вамъ: въ «сороковое лѣто послѣ смерти Спасителя, Богоубійственный и мятеж«ный народъ іудейскій взбунтовался, выгналъ царя своего Ирода «Агриппу, и, подобно вамъ, избралъ на царство убійцу Ахатана и «Симеона Идумѣянина. И пришли Римляне, Св. Святыхъ раззорили, «Іерусалимъ плѣнили, и все мечу, огню и работѣ предали, и все при«шло въ запустеніе. Сему ли вы ревнуете? Сего ли жаждали? Закли«наю васъ именемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, от«станьте отъ пагубнаго начинанія, пока есть еще время».

Жители Москвы также писали нижегородцамъ: «Гибнетъ Москва, «а Москва есть основаніе Россіи; не забудьте, что пока крѣпокъ ко«рень, то и древо крѣпко; не будетъ корня, на чемъ оно будетъ «держаться? Для Бога, судіи живыхъ и мертвыхъ, не презрите бѣд«наго и слезнаго нашего рыданія. Здѣсь образъ Божія Матери, пи«санный Лукою Евангелистомъ, здѣсь Петръ, Алексѣй, Іона чудо«творцы. Развѣ вы не православные? Развѣ это вы ни за что счи«таете? Страшно говорить это, страшно и писать. За чѣмъ много пи«сать о головахъ своихъ, когда вѣру христіанскую мы видимъ пере•

«мѣняемую въ латинство, и церквей Божіихъ раззореніе. А изъ васъ «ни кто и не думаетъ того, что и съ вами тоже будетъ. Пощадите «насъ бѣдныхъ и душами и тѣлами, къ концу погибели пришедшихъ, «станите съ нами за одно противъ враговъ креста Христова. По-«шлите нашу грамату во всѣ города, чтобы всѣмъ была извѣстна «наша погибель конечная. Повѣрьте, что не многіе изъ насъ идутъ «вслѣдъ за измѣнниками Солтыковымъ и Андроновымъ. У насъ ми-«лость Божія, Пречистыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ, «да святѣйшій Гермогенъ Патріархъ, какъ истинный пастырь, душу «свою полагающій за вѣру Христіанскую. Ему всѣ православные слѣ-«дуютъ, хотя и не возстаютъ явно».

«Не поругана ли вѣра наша?», писали опять москвичи къ нижего-родцамъ, уже изъ Смоленска, «не раззорены ли Церкви Божіи? Не «сокрушены ли и не поруганы ли злымъ поруганіемъ и укоризною «божественныя иконы и Божіи образа? Гдѣ наши головы, гдѣ жены «и дѣти, братья, сродники и друзья? Не изъ тысячи ли десятый, «не изъ сотни ли одинъ остался изъ насъ? Мы пришли изъ раззо-«ренныхъ городовъ въ станъ короля подъ Смоленскъ, живемъ здѣсь «не мало, кто годъ, а кто и больше, хотимъ выкупить изъ плѣна, «изъ латинства бѣдныхъ своихъ матерей, женъ и дѣтей, и ни кто «надъ нами не смилуется». Просили также москвичи не вѣрить Сол-тыкову и Андронову и помнить вѣру, поставляя въ примѣръ Шеина, доблестно подвизавшагося въ Смоленскѣ; и оканчивали свое по-сланіе слѣдующими словами: «и послали семя къ вамъ товарищей, «а именъ ихъ не написали, страха ради смертнаго (135:).

И въ другіе города, кромѣ Нижняго-Новгорода, достигали воззва-нія патріарха и москвичей, и на нихъ откликались люди русскіе. Ляпуновъ прежде другихъ вождей успѣлъ собрать въ Рязани побор-никовъ святаго дѣла, и отъ себя уже разсылалъ грамоты, призывая къ вооруженію (136:).

Князь Д. Т. Трубецкой дѣйствовалъ въ Калугѣ, Масальскій въ Му-ромѣ, князья Пронскій и Козловскій въ Романовѣ, Мансуровъ въ Га-личѣ, Нащокинъ въ Вологдѣ, Волконскій въ Костромѣ, Волынскій въ Ярославлѣ, Измайловъ въ Владимірѣ, Вельяминовъ въ Новгородѣ; атаманы, Заруцкій и Просовецкій, также шли на помощь къ русскимъ, первый изъ Тулы, а послѣдній изъ Суздаля.

Большая часть этихъ вождей прежде были противъ Василія и слу-жили самозванцу; теперь, когда уже не было царя, который въ гла-захъ гордыхъ бояръ былъ не болѣе какъ *нѣкто отъ синклитъ*, и когда погибъ самозванецъ, этотъ призракъ, явившійся Богъ знаетъ отъ куда, прикрытый священнымъ именемъ царя прирожден-наго, всѣ они (конечно, кромѣ казацкихъ атамановъ) шли спасать Русь, отстаивать у иноземцевъ права царя, котораго *Богъ дастъ*.

Между тѣмъ Казань, недовольная вступленіемъ поляковъ въ Москву, взбунтовалась и цаловала крестъ Лжедимитрію, не зная, что онъ уже погибъ, во время этаго бунта былъ убитъ воевода Богданъ Яковлевичъ

Бѣльскій, старавшійся отклонить казанцевъ отъ присяги царику: казанцы сбросили его, по наущенію Дьяка Никанора Шульгина, съ башни; но получивши чрезъ три дня извѣстіе о погибели самозванца, раскаялись и въ своей присягѣ, и въ убійствѣ несчастнаго воеводы (137:).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ 12 Января 1611 года получили увѣщаніе отъ патріарха, чтобъ нижегородцы стояли за Православіе и шли съ прочими вѣрными на защиту Москвы. Это увѣщаніе послано было Гермогеномъ съ свіяжскимъ посадскимъ Родіономъ Моисѣевымъ (138:) *рѣчью*, т. е. на словахъ: патріархъ уже находился во власти поляковъ.

Января 24 нижегородцы заключили съ балахнинцами договоръ на совокупныя дѣйствія, и общую крестоцаловальную запись отправили къ Ляпунову; причемъ просили у него совѣта, когда выступить войску изъ Нижняго-Новгорода и какой дорогой идти; также просили его прислать въ Нижній *добрыхъ людей* для совѣщаній.

Въ концѣ Февраля прибыли въ Нижній-Новгородъ посланные отъ Ляпунова—стряпчій Иванъ Биркинъ и дьякъ Семенъ Пустошкинъ.— Ляпуновъ писалъ къ нижегородцамъ, чтобъ они выступили на Москву по дорогѣ, какую сами выберутъ, но скорѣе, чтобы могли соединиться съ нимъ и прочими воеводами подъ Москвой въ одинъ день, и въ свою очередь просилъ взять съ собой пороху и свинцу десять или двадцать пуд., потому-что боевые запасы во всѣхъ украинскихъ городахъ оскудѣли (139:).

Передовая рать нижегородцевъ выступила изъ Нижняго 8 Февраля, а главное войско, подъ начальствомъ Репнина, съ полками низовскими 17 числа. Передовые отряды, соединясь съ Просовецкимъ во Владимірѣ 11 Февраля, бились съ приверженцами Владислава, которыми начальствовали князь Иванъ Куракинъ и князь Борисъ Черкасскій. Побѣда осталась на сторонѣ защитниковъ Православія: Куракинъ бѣжалъ, а Черкасскій попалъ въ плѣнъ.

Послѣ чего Просовецкій и нижегородцы пошли далѣе къ Москвѣ. Репнинъ, соединившійся на дорогѣ съ Масальскимъ и Измайловымъ, догнали ихъ, и всѣ они въ Мартѣ достигли Москвы, гдѣ встрѣтили Ляпунова, пришедшаго съ войскомъ изъ Рязани, и другихъ воеводъ, приведшихъ войска изъ Вологды, Романова, Галича и Костромы. Въ числѣ сподвижниковъ Ляпунова былъ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій (140:).

Жители Москвы, какъ только достигли къ нимъ слухи о всеобщемъ вооруженіи, оживились, не стали скрывать своей ненависти къ полякамъ, и готовились съ нетерпѣніемъ къ истребленію притѣснителей своихъ. Появленіе Пожарскаго, съ передовымъ отрядомъ войска Ляпунова, еще болѣе усилило ихъ готовность къ борьбѣ съ врагами.

Поляки, видя это, хотѣли предупредить ударъ: по совѣту измѣнника и самаго неистоваго злодѣя, Солтыкова, они, въ Вербное Воскресенье, выпустили изъ заключенія страдальца Гермогена, и за-

ставили его совершить шествіе на осляти (141), для того, чтобы, этой духовной процессіей, привлечь всѣхъ жителей Москвы въ Кремль, и перебить ихъ. Умыселъ этотъ открылся, и жители Москвы не пошли въ Кремль за вербою.

Но во вторникъ на страстной недѣлѣ поляки достигли-таки отчасти своей цѣли. По поводу грабежа, произведеннаго нѣсколькими поляками въ домахъ москвичей, произошла между грабителями и русскими ссора, отъ ссоры возникла драка; собравшійся народъ ударилъ на грабителей. Гонсевскій, воспользовавшись этимъ случаемъ, выслалъ нѣсколько отрядовъ копѣйщиковъ,—и начались грабежъ и рѣзня.

Поляки бросились на Тверскую, но были отражены стрѣльцами; потомъ обратились на Пожарскаго, который съ своимъ отрядомъ, подкрѣпленный артиллеріею, стоялъ на Срѣтенкѣ; онъ мужественно встрѣтилъ враговъ, бился съ ними два часа, отразилъ ихъ и прогналъ въ Китай городъ, откуда поляки бросились на Кулишки, въ Замоскворѣчье, и въ другія мѣста, но вездѣ были отражены.

Видя неудачу своей попытки, поляки придумали другое средство, чтобы достичь своей цѣли,—они начали зажигать дома. И здѣсь Каинъ-Солтыковъ явился первымъ: онъ зажегъ собственный домъ свой. При порывистомъ вѣтрѣ, пламя въ четверть часа разлилось по Москвѣ и достигло Арбата и Кулишковъ. Гонимые болѣе огнемъ, чѣмъ оружіемъ, жители принуждены были выйдти изъ объятаго пламенемъ города и разсыпаться по окрестностямъ.

Въ среду поляки напали на Пожарскаго, устроившаго острогъ на Лубянкѣ, около церкви Введенія Божія Матери. Цѣлый день бился съ ними будущій спаситель отчизны, наконецъ изнемогъ подъ ранами,—палъ,—и русскіе отступили (142:).

Соединенное ополченіе, подступившее къ Москвѣ, нашло только пепелище ея, среди котораго высились Кремль да каменныя башни Китай-города,—въ нихъ засѣли поляки.—Башни были скоро очищены Ляпуновымъ и его сподвижниками, также отбиты у поляковъ еще нѣкоторыя части города; но Кремль остался въ рукахъ враговъ.

Силы русскихъ были недостаточны для рѣшительной борьбы съ поляками; новонабранное войско, кромѣ казаковъ Заруцкаго, не привыкло еще къ ратному дѣлу. При томъ же между вождями его возникло разъединеніе, проявились зависть, недоброжелательство. Напрасно выборные отъ войска старались, для устраненія зла, сосредоточить всю власть, военную и гражданскую, въ рукахъ трехъ военачальниковъ, Трубецкаго, Ляпунова и Заруцкаго: тріумвираторы, руководимые различными побужденіями, только увеличили зло. Современныя лѣтописи говорятъ, что они... «*ни единъ единаго меньше быти не хотяше*», и особенно обвиняютъ Ляпунова въ непомѣрной гордости, что онъ *не по своей мѣрѣ вознесся* (143:).

Дѣйствительно, Ляпуновъ большей частію дѣйствовалъ лично отъ себя и самовластно (144); надмѣнно обходился не только съ дѣтьми боярскими, но и самыми боярами, жестоко преслѣдовалъ казаковъ

за ихъ своеволіе и грабежи, не уважалъ Трубецкаго, явно презиралъ Заруцкаго и всѣмъ вообще безъ разбору говорилъ рѣзкія истины.

Конечно, поступая такъ, Ляпуновъ зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Что была, неговоря уже о Заруцкомъ, воеводѣ—разбойникѣ, большая часть вождей соединенной рати? Что даже былъ самъ Трубецкой?— Двусмысленный патріотъ, съ начала до конца своихъ подвиговъ, надмѣнный боярствомъ, полученнымъ отъ тушинскаго царика, неотказывавшійся отъ пріобрѣтеній и наградъ за свое сомнительное усердіе даже въ то время, когда и нищіе отдавали въ жертву отечеству послѣднія свои полушки,—и это былъ первый изъ защитниковъ отечества и старшій по сану!—каковы же были другіе—низшіе?

Неоспоримо, что жосткій, энергическій Ляпуновъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по чистотѣ и благородству намѣреній, стремившихся къ одной цѣли—спасенію отечества, стоялъ недосягаемо высоко надъ всѣми окружавшими его.

Одинъ упрекъ можно сдѣлать этому *«славному, бодрственному воеводѣ, промышленнику и побортелю по Христовой вѣрѣ»*, какъ тоже называли его современники (145), что онъ, чувствуя свое превосходство надъ прочими, не умѣлъ, или нехотѣлъ скрывать этого, чѣмъ вооружилъ противъ себя не только людей съ мелочнымъ самолюбіемъ, завистливыхъ, жадныхъ къ корысти, но и людей благонамѣренныхъ, каковъ былъ Ржевскій и другіе. И все возстало противъ вѣрнаго отчизнѣ, но гордаго и неосторожнаго, вождя. Ни кто не хотѣлъ видѣть въ немъ неоспоримыхъ достоинствъ, а отыскивали и выставляли на видъ одни его недостатки, и на нихъ-то строили его гибель—гибель отечества.

Самымъ непримиримымъ и дѣятельнымъ врагомъ Ляпунова былъ Заруцкій: этотъ злодѣй видѣлъ въ Ляпуновѣ только помѣху своей ненасытимой алчности и вѣроломнымъ замысламъ. Между тѣмъ явное благословеніе Божіе проявлялось надъ вѣрными сынами отчизны, подвизавшимися во святой брани. Св. Сергій, молитвенникъ Москвы и ходатай ея предъ Господомъ, еще въ живѣ благословившій оружіе ея на погибель супостатамъ, являлся въ сновидѣніяхъ, въ Лаврѣ и въ другихъ мѣстахъ, людямъ благочестивымъ, увѣщалъ стоять за Православіе и укрѣплялъ надеждой.

Были еще и другія видѣнія, и другія чудеса. Въ Маѣ мѣсяцѣ въ соединенномъ станѣ нашли свитокъ, неизвѣстно кѣмъ писанный и кѣмъ принесенный, въ которомъ говорилось о видѣніи въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣкоего Григорія.—Ему явились два мужа, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «что если будутъ всѣ поститься во всей Россіи три «дня и три ночи, то она освободится отъ враговъ, и тогда будетъ «воздвигнутъ новый храмъ у Троицы на рву, въ которомъ на пре«столѣ положатъ хартію, и на ней напишется имя царя московскаго; «но если не будутъ поститься, тогда все государство погибнетъ» (146:).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ не слыхали о этомъ видѣніи и даже не

знали Григорія, который удостоился его; но подъ Москвой не усумнились въ дѣйствительности написаннаго въ свиткѣ: положили трехдневный постъ для всѣхъ безъ изъятія, даже и младенцевъ, писали и по городамъ, увѣщая поститься.

Но и все это не уменьшило раздоровъ военачальниковъ: смуты расли со дня на день, и слухъ о нихъ достигъ Лавры, гдѣ на пользу отечества подвизались архимандритъ Діонисій, который также удостоился видѣнія Св. Сергія, и келарь Авраамій Палицынъ.

Благочестивые старцы ужаснулись этихъ несогласій,—и Діонисій отправилъ Авраамія въ станъ, чтобы возстановить тамъ миръ и согласіе. Авраамій все сдѣлалъ, что могъ: краснорѣчиво убѣждалъ всѣхъ быть единодушными и мужественно бороться со врагами;—воеводы жаловались на недостатокъ войска и продовольствія,—Авраамій обѣщалъ разослать граматы по всѣмъ городамъ русскимъ, обѣщалъ именемъ Св. Сергія призвать новыхъ защитниковъ къ бѣдствующей Москвѣ,—и сдержалъ свое слово...

Но не близокъ былъ конецъ испытаній Святой Руси, положенныхъ на нее неисповѣдимымъ Промысломъ Всемогущаго. Ссора вождей не угасла, а только нѣсколько призатихла, и скоро опять, по неосторожности пылкаго Ляпунова, возобновилась съ усиленною яростію.

Поляки воспользовались этимъ обстоятельствомъ, и пустили въ дѣло хитрости, ложъ, золото,—и, страшный для нихъ, вождь палъ подъ руками убійцъ, опозоренный именемъ предателя и измѣнника. Заруцкій торжествовалъ, радовался и Трубецкой.

По смерти Ляпунова, который, по слову незабвеннаго исторіографа, «палъ на гробѣ отечества» (147), какъ и по смерти Скопина-Шуйскаго, Россія опять стала на краю погибели. Ушли изъ подъ Москвы нижегородцы и другія дружины, преданныя вѣрѣ и отечеству; Трубецкой и Заруцкій остались для того, чтобъ присягнуть новому самозванцу, бѣглому дьякону Исидору. Поляки получили подкрѣпленіе по отступленіи русскихъ отъ Москвы; Сапега вошелъ въ Кремль съ новыми силами. Новгородъ отдался Де-ла-Гарди, и избралъ въ цари шведскаго королевича Филиппа. Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ; защитникъ его Шеинъ отведенъ плѣнникомъ въ Варшаву, куда прежде того отправлены были Филаретъ и Голицынъ. Казань, Вятка и Пермь, руководимые измѣнникомъ Шульгинымъ, признали власть сына Марины. Югозападная Россія была во власти поляковъ. Астрахань, гдѣ безпрестанно являлись мелкіе самозванцы, какъ бы отдѣлилась отъ Россіи, замысливъ сдѣлаться независимой областью. Около Пскова—притона новаго самозванца—злодѣйствовалъ Лисовскій: грабилъ города и нападалъ на малочисленные отряды шведовъ. Только бодрствовали—непоколебимая Лавра да вѣрный Нижній-Новгородъ (148:).

Правда, осада Вокардина, Вяземскаго, походы Алябьева, Репнина

истощили силы Нижняго; но любовь къ отечеству, хранившаяся въ сердцахъ нижегородцевъ, могла еще сдѣлать многое.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ были ревностные дѣятели, которые не давали ослабѣвать этой святой любви, не давали охлаждаться ей малодушіемъ и отчаяніемъ. Архимандритъ Печерскаго Монастыря Өеодосій, протопопъ Преображенскаго Собора Савва, воевода Алябьевъ и дьякъ Семеновъ употребляли всѣ мѣры для поддержанія мужества и самопожертвованія нижегородцевъ.

Москва знала это, и обращала на Нижній страдальческіе взоры, умоляя о защитѣ. Августа 25 получена была въ Нижнемъ-Новгородѣ грамата патріарха. Ее принесъ упомянутый выше Родіонъ Моисѣевъ, ходившій къ Гермогену съ вѣстями изъ Нижняго,—неустрашимый посланный проникъ въ темницу Святителя.—Гермогенъ убѣждалъ нижегородцевъ стоять за святое дѣло и непризнавать царемъ сына Марины.

Въ Нижнемъ, при общемъ направленіи умовъ вѣрныхъ нижегородцевъ на пользу отечества, нельзя было ожидать измѣны; но изъ пришельцевъ въ немъ были люди, подобные Шульгину, съ нечистой совѣстью, съ шаткими убѣжденіями, готовые свою личную выгоду предпочесть выгодамъ отчизны: таковъ именнобылъ стряпчій Биркинъ; но видя непоколебимую вѣрность нижегородцевъ, онъ несмѣлъ явно выказывать своихъ убѣжденій: преданіе о балахнинскихъ коноводахъ и о Вяземскомъ и Лазаревѣ было еще свѣжо, и потому онъ молчалъ до времени.

Алябьевъ послалъ списокъ патріаршей граматы въ Казань, и слова Святителя, страдавшаго за отчизну, упали не безплодно, и если не искоренили зла совершенно, то многихъ заблудшихъ заставили отторгнуться *отъ воренка калужинскаго*, какъ называли современники сына Марины (149), а вѣрныхъ укрѣпили на новые подвиги самоотверженія. Казанцы передали увѣщаніе патріарха въ Пермь. Такимъ образомъ нижегородцы, оставаясь сами вѣрными Православію и Руси, подкрѣпили вѣрность и въ жителяхъ другихъ городовъ (150:).

Діонисій и Авраамій, исполняя слово, данное вождямъ подъ Москвой, писали еще съ Іюля граматы въ разные города. «Гдѣ святыя «Церкви и Божіи образа?» писали они; «гдѣ иноки, многолѣтними «сѣдинами цвѣтущіе, и инокини, добродѣтельми украшенныя? Не «все ли до конца раззорено и обругано злымъ поруганіемъ. Гдѣ на«родъ общій христіанскій? Не всѣ ли лютыми и горькими смертьми «скончашася. Гдѣ множество безчисленное во градѣхъ и въ селѣхъ «работные чада христіанства? Не всѣ ли безъ милости пострадаша, «и въ плѣнъ разведены. Не пощадѣша бо престарѣвшихся возрастомъ, «не устрашишася сѣдинъ старецъ многолѣтнихъ и ссавшихъ млеко «младенцевъ, незлобивая душа, всѣ испиша чашу ярости праведнаго «гнѣва Божія. Помяните и смилуйтесь надъ видимою смертною погибелью», и проч. (151:).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ читались всѣ воззванія въ церквахъ, на

базарахъ, въ домахъ, и нижегородцы, слушая ихъ, горѣли негодованіемъ и местію на враговъ отечества, и ждали только голоса, который бы живымъ словомъ заставилъ совершить на дѣлѣ то, что давно совершалось мыслію,—и голосъ этотъ раздался.

Въ Нижнемъ повторилось тоже самое, что за 88 лѣтъ совершилось въ Швеціи и въ половинѣ XV столѣтія во Франціи, съ тою разницею, что человѣкъ, по голосу котораго нижегородцы снова возстали и пошли спасать Москву и Русь,—и спасли ихъ, былъ не высокъ по рожденію, какъ Густавъ Ваза, и дѣйствовалъ не подъ однимъ увлеченіемъ безотчетнаго энтузіазма, какъ Жанна д'Аркъ.

За укрѣпленіемъ, или старымъ *острогомъ*, нижегородскимъ, въ слободѣ Благовѣщенскаго Монастыря, въ приходѣ Рождества Іоанна Предтечи (152), жилъ этотъ, до того времени безвѣстный, человѣкъ, о которомъ впослѣдствіи сказалъ великій витія,—Златоустъ Россійской Церкви (153): «его же память въ благословеніи и вѣчнымъ «прославленіемъ почитаема быть заслуживаетъ». Нужно ли называть его? Кто нынѣ изъ русскихъ не знаетъ и не произноситъ съ благоговѣніемъ имя *выборнаго человѣка* отъ всего *государства московскаго* (154), а въ послѣдствіи дворянина, засѣдавшаго въ Думѣ Царской.

Къ Минину какъ нельзя болѣе идутъ слова апостола:—«*немощная* «*міра избра Богъ, да постраметъ крѣпкая; и худородная міра, и уничиженная, и не сущая, да сущая упразднитъ* (155:)».

Скромно жилъ онъ до того часа, покуда всемогущая воля Зиждителя мірови неизбрала его, какъ и безвѣстнаго отрока Давида, къ совершенію великаго дѣла, такъ скромно, что люди русскіе, благоговѣйные предъ памятью великаго мужа, да и самые нижегородцы, живущіе гдѣ была его колыбель и гдѣ есть его могила, мало имѣютъ свѣдѣній, или почти вовсе не имѣютъ, о его доисторической жизни.

Все, что извѣстно о немъ до 1611 года, заключается въ немногихъ словахъ: онъ *имяше торговлю мясную* (156), служилъ посадскимъ старостой, участвовалъ въ походахъ Алябьева и Репнина; да есть еще преданіе, что онъ родился въ Новгородѣ-Великомъ, и пришелъ съ отцомъ въ Нижній-Новгородъ 12 лѣтъ, и что состояніе, по тому времени, имѣлъ значительное. Но это только преданіе,—не больше.

Въ своемъ кругу Мининъ пользовался уваженіемъ, по честности и храбрости, которыя выказалъ въ дѣлахъ городскихъ и въ походахъ, а болѣе того по своему возвышенному уму, которымъ достигъ, впослѣдствіи, не только безграничной довѣренности всѣхъ нижегородцевъ, но и того, что князь Пожарскій, гордый какъ всѣ аристократы XVII столѣтія, проникнутый духомъ мѣстничества, призналъ его—простаго посадскаго—себѣ равнымъ (157:).

Пламенный патріотъ чувствовавшій въ себѣ силы для совершенія великаго подвига—спасенія отчизны,—долго думавшій объ этомъ,

понималъ, что онъ, мясной торговецъ, не могъ быть единственнымъ главой и совершителемъ великаго подвига. Гордые бояре и другія титулованныя лица не захотѣли-бы дѣйствовать собственно подъ вліяніемъ одного посадскаго; а что могъ онъ сдѣлать безъ высшаго сословія, съ однимъ народомъ?—да и народъ едвали-бы довѣрился безвѣстному мяснику.

По этому-то Мининъ сталъ искать человѣка, который бы родомъ и доблестями ратными былъ извѣстенъ Руси, заслуживалъ бы вполнѣ ея довѣріе,—черта, достойная особеннаго вниманія, поучительный урокъ честолюбивымъ демократамъ, принимающимъ на себя роли руководителей народовъ, этимъ самозваннымъ Перикламъ, которыхъ въ наше время развелось такъ много (благодаря Бога, только не на Руси православной).

Стольникъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, по роду своему и подвигамъ, какъ нельзя болѣе удовлетворялъ желаніямъ Минина. Родъ Пожарскаго происходитъ отъ князя Іоанна Всеволодовича (брата Св. Юрія, основателя Нижняго), владѣвшаго Стародубомъ (что въ нынѣшней черниговской губерніи). Потомокъ Іоанна въ пятой степени, князь Василій Андреевичъ Стародубскій принялъ названіе Пожарскаго отъ полученнаго имъ въ наслѣдство сгорѣвшаго города Радогощи (черниговской губерніи въ стародубскомъ уѣздѣ), который послѣ пожара былъ называемъ Погаромъ, или погорѣлымъ. Гоненіе на православныхъ, воздвигнутое въ Литвѣ католицизмомъ, при зятѣ Іоанна III, Александрѣ, заставило князей Стародубскихъ-Пожарскихъ отложиться отъ своего повелителя и вступить въ подданство Россіи. Впослѣдствіи они владѣли большими помѣстьями въ нынѣшней владимірской губерніи, въ окрестностяхъ Стародуба, на Клязьмѣ, и Суздаля. Жили они большею частію въ послѣднемъ городѣ, гдѣ, въ Спасо-Евфиміевомъ Монастырѣ, были погребаемы.

Князь Димитрій Михайловичъ двадцати лѣтъ отъ роду былъ *стряпчимъ съ платьемъ*, и подписалъ грамату о избраніи въ цари Годунова; тридцати лѣтъ, въ 1608 году, разбилъ близь Коломны скопища тушинскаго самозванца; въ 1609 разогналъ шайки разбойника Салькова; въ 1610, во время возмущенія Ляпунова противъ царя Василія, удержалъ въ вѣрности Зарайскъ; въ 1611 бился, какъ сказано выше, съ врагами въ Москвѣ, былъ раненъ, отвезенъ въ Лавру, а оттуда въ свое село Пурехъ, находящійся въ балахнинскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи (158). И этого-то стратига хотѣлъ Мининъ поставить во главѣ ополченія; грамата лаврская окончательно утвердила великое намѣреніе скромнаго посадскаго.

Средства нижегородцевъ не соотвѣтствовали ихъ патріотизму, успѣхъ воззваній Діонисія и Авраамія былъ сомнителенъ, и потому нижегородскія власти, духовныя и свѣтскія, собрались въ домъ воеводы для совѣта, о томъ, какими бы мѣрами начать великое дѣло возстанія. Въ этомъ собраніи, кромѣ духовенства, воеводъ, стряпчихъ,

дьяковъ, были и почетные жители Нижняго-Новгорода, въ томъ числѣ и Мининъ.

Среди разсужденій, конечно, и споровъ и сомнѣній, вдругъ Мининъ всталъ, и сказалъ—какъ вдохновенный: «св. Сергій явился «мнѣ сего дня почью, и повелѣлъ возбудить уснувшихъ, прочтите «граматы архимандрита Діонисія въ Соборѣ, а тамъ что будетъ Богу «угодно». Биркинъ усумнился въ справедливости словъ Минина. «Или «хочешъ ты», возразилъ ему Мининъ, «чтобъ я открылъ православ- «нымъ то, что замышляешъ ты»? Биркинъ не осмѣлился возражать ему, и всѣ приняли мнѣніе Минина. Мининъ давно понялъ Биркина, и называлъ его *сосудомъ діавола* (159:).

На другой день на колокольнѣ Преображенскаго Собора раздался звонъ колокола. Жители удивились—день былъ не праздничный—и съ трепетомъ поспѣшили въ храмъ; кто ожидалъ услышать радостную вѣсть о гибели враговъ, кто думалъ узнать о новыхъ еще бѣдствіяхъ.

По окончаніи литургіи протопопъ Савва сталъ предъ народомъ и сказалъ. «Увы намъ, господіе мои, чада и братіе! увы намъ! Се бо «пріидоша дни конечныя погибели; погибаетъ Московское Государ- «ство, и вѣра гибнетъ. О горе намъ! О лютаго обстоянія! Поль- «скіе и литовскіе люди въ злочестивомъ совѣтѣ своемъ умыслили «Московское Государство раззорити и непорочную Вѣру Христову «въ латинскую многопрелестную ересь обратити! И кто невоспла- «четъ здѣ, братіе, кто же не источитъ источницы слезны отъ очей «своихъ? Грѣховъ ради нашихъ попущаетъ Господь врагомъ на- «шимъ возноситися! Увы намъ, братіе мои и чада!—благокрасный «бо градъ—Москву оные еретики до основанія раззорили, и людей «его всеядному мечу предали; что сотворимъ, братіе, и что возгла- «големъ? Не утвердимся ли въ соединеніи, и нестанемъ ли до смер- «ти стояти за вѣру Христіанскую, чисту и непорочну, и за Святую «Соборную и Апостольскую Церковь честнаго Ея успенія, и за мно- «гоцѣлебныя мощи Московскихъ Чудотворцевъ? Се же и грамата про- «сительная властей Живоначальныя Троицы Сергіева Монастыря». Савва прочиталъ грамату; чтеніе его прерывалось рыданіями и восклицаніями предстоящихъ: «Увы намъ! гибнетъ Москва, гибнетъ го- «сударство (160:)!»

Послѣ того Мининъ вышелъ на площадь, гдѣ собрался народъ, и сказалъ: «буде намъ похотѣть помощи Московскому Государству, и «то намъ не пожалѣти животовъ своихъ; да не только животовъ сво- «ихъ, и дворы свои продавати, и жены и дѣтей закладывать, и бити «челомъ, чтобъ кто вступился за истинную вѣру, и былъ у насъ на- «чальникомъ» (161:).

Нижегородцы единодушно приняли слова его; но Мининъ неограничился словами: онъ принесъ на площадь все свое имѣніе, деньги, украшенія жены, и даже оклады золотые и серебреные съ образовъ; и всѣ нижегородцы послѣдовали его примѣру, богатые и убогіе, старъ и младъ, всѣ несли въ жертву отечеству кто что могъ. «На

«что намъ», говорили они, «наше имѣніе, когда погибнетъ вѣра Христова?»

Потомъ стали избирать военачальника.—Мининъ предложилъ князя Пожарскаго, и всѣ были согласны съ его мнѣніемъ. Къ Пожарскому отправили посольство, но Пожарскій почему-то отказался; нижегородцы же хотѣли именно его видѣть своимъ вождемъ, посылали къ нему посольство за посольствомъ, наконецъ отправили Печерскаго архимандрита Ѳеодосія, съ выборными отъ всѣхъ сословій города; посланные со слезами умоляли князя принять на себя званіе вождя ополченія, и только тогда онъ согласился на ихъ просьбу (162), но въ Нижній все еще неѣхалъ; а между тѣмъ тамъ произошли смуты, явилось много желающихъ управлять дѣлами и казной, возникли подозрѣнія и недовѣрчивость противъ безкорыстія распорядителей, также стали пренебрегать распоряженіями воеводъ. Объ этомъ зналъ уже Пожарскій, и написалъ къ нижегородцамъ, чтобы они выбрали изъ посадскихъ надежнаго человѣка для сбора и храненія казны. Письмо это Пожарскій послалъ съ Ѳеодосіемъ, а содержаніе его объявилъ посольству нижегородскому. Архимандритъ и другіе отвѣчали, что въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣтъ такого человѣка, но князь прямо показалъ имъ на Минина.

Ѳеодосій и прочіе посланные, возвратившись въ Нижній-Новгородъ, объявили желаніе князя. Нижегородцы были довольны такимъ назначеніемъ, и отправились къ Минину въ домъ, просить его, чтобы онъ принялъ на себя званіе *выборнаго человѣка*. Мининъ, также какъ и князь Пожарскій, сначала отказался отъ принятія должности, *для укрѣпленія*, говоритъ лѣтописецъ, но нижегородцы просили его съ *прилежаніемъ*, и онъ согласился, и тутъ же написалъ приговоръ, по которому нижегородцы обязывались не только быть покорными и послушными начальникамъ и давать деньги ратникамъ, но, въ случаѣ, если потребуетъ надобность, то отдать все имѣніе, продать или заложить женъ и дѣтей на содержаніе войска. Нижегородцы приложили руки къ этому приговору; Мининъ боясь, чтобъ они, пораздумавъ о великости обязательства, «*тово приговору назадъ у него не* «*взяли*», отослалъ его къ Пожарскому (163:).

Многіе изъ писавшихъ про это событіе полагаютъ, что Пожарскій и Мининъ видѣлись прежде того и условились между собой о будущихъ своихъ дѣйствіяхъ. Это подтверждаетъ и лѣтопись о мятежахъ: «а съ Кузмою Мининымъ *бысть у нихъ* (т. е. у кн. Пожарскаго) *по слову* и далѣе: «*онъ же* (кн. Пожарскій) *имъ рече:* «*есть у васъ Козма Мининъ, той бывалъ человѣкъ служилой, тому то* «*дѣло за обычай* (164:)».

Мининъ, если допустить его свиданіе съ Пожарскимъ прежде избранія князя въ вожди, является не только человѣкомъ ума необыкновеннаго, но и глубокимъ политикомъ, однимъ словомъ человѣкомъ государственнымъ, который, подкрѣпляясь вѣрой въ Бога, дѣйствовалъ по глубокообдуманнымъ соображеніямъ.

Такъ или иначе, а безспорно, что Пожарскій и Мининъ, прежде чѣмъ приступили къ начатію своего великаго подвига, обдумали всѣ его слѣдствія, предусмотрѣли и обсудили всѣ могущія встрѣтиться затрудненія, и приняли свои мѣры и противъ перемѣны мыслей нижегородцевъ, и противъ алчности главныхъ вождей московскихъ, которые уже явно склонялись на сторону Лжедимитрія.

Скоро явились у нижегородцевъ помощники. Жители Смоленска, послѣ взятія его Сигизмундомъ, не желая подчиняться власти поляковъ, которыхъ ненавидѣли, ушли въ Калугу; тудаже явились дорогобужане и вязмичи, отсюда они пошли подъ Москву, и у стоявшихъ тамъ воеводъ просили себѣ убѣжища. Начальники отослали дорогобужанъ и вязмичей въ Ярополчъ, но Заруцкій написалъ къ своимъ казакамъ, чтобъ они прогнали несчастныхъ пришельцевъ изъ убѣжища ихъ.

Смольяне были счастливѣе: ихъ послали въ Арзамасъ, и нетревожили. Теперь они прислали въ Нижній-Новгородъ своихъ выборныхъ— просить, чтобъ нижегородцы приняли ихъ въ составлявшееся ополченіе. Нижегородцы отослали ихъ къ избранному вождю своему, который все еще жилъ въ Пурехѣ, и вмѣстѣ съ ними отправили еще посольство къ князю съ убѣдительной просьбой о скорѣйшемъ пріѣздѣ въ Нижній. Пожарскій отпустивъ посольство, велѣлъ смольянамъ идти въ Нижній, куда вслѣдъ за ними отправился и самъ (165:).

Изгнанные вязмичи и дорогобужане, шедшіе въ Нижній-Новгородъ, встрѣтили князя на дорогѣ, и присоединились къ нему. Въ сопутствіи ихъ-то вступилъ онъ въ стѣны Кремля нижегородскаго. Нижегородцы встрѣтили его, *и пріяша его съ великою честію* (166:).

Духовенство, свѣтскія власти и посадскіе—всѣ спѣшили на встрѣчу къ своему избраннику—избраннику Божію. Въ тотъ же день явились и смольяне. Всѣмъ ратникамъ было выдано впередъ жалованье изъ казны нижегородской.

Пожарскій и Мининъ стали приготовляться къ походу; слухи о нижегородскомъ ополченіи разнеслись всюду; изъ всѣхъ городовъ спѣшили русскіе стать подъ знамена Пожарскаго. Сначала явились коломенцы, потомъ рязанцы и украинскіе казаки,—Пожарскій всѣхъ принималъ ласково, всѣмъ выдавалъ впередъ жалованье, что еще болѣе привлекало охотниковъ биться съ врагами.

Явились на службу князья Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, Дмитрій Петровичъ Лопата-Пожарскій, правнучатный братъ Дмитрія Михайловича, князья Хованскій (зять Пожарскаго), Прозоровскій, Гагаринъ, Михайла Дмитріевъ, Левашевъ, Плещеевъ, множество дѣтей боярскихъ, семнадцать казацкихъ атамановъ и старшинъ.

Казна нижегородская истощилась, пороху и свинцу также было мало, и потому Пожарскій, Биркинъ и дьякъ Василій Юдинъ писали граматы во всѣ города понизовые и украинскіе, на Вологду и Вычегду, прося у жителей денегъ, людей и выборныхъ для земскаго дѣла (167).

Всѣ города съ готовностію спѣшили помочь нижегородцамъ, или общему дѣлу; только Казань оставалась глухой къ воззваніямъ Нижняго. Шульгинъ составилъ новый планъ измѣны: онъ хотѣлъ самъ властвовать въ Казани подъ протекціею Владислава (168:).

Пожарскій и другіе правители Нижняго-Новгорода рѣшились отправить въ Казань посланца для убѣжденія Шульгина; посланцемъ выбрали Биркина. Мининъ, давно понявшій этого человѣка, несовѣтовалъ посылать его въ мятежный городъ, но совѣтъ Минина не уважили: Биркинъ былъ отправленъ, и, для предупрежденія его измѣны, послали съ нимъ протопопа Савву и другихъ духовныхъ лицъ; но эта мѣра не помогла: Биркинъ тотчасъ же, по пріѣздѣ въ Казань, присталъ къ Шульгину; Савва и прочіе возвратились безъ успѣха.

Пожарскій все еще надѣялся, что казанцы образумятся, и ждалъ отъ нихъ помощи до Февраля 1612 года, потомъ выступилъ изъ Нижняго-Новгорода къ Ярославлю, гдѣ должны были собраться ополченія разныхъ мѣстъ. Впрочемъ, Пожарскій медлилъ не за одними казанцами: и изъ другихъ городовъ, при всемъ ревностномъ желаніи служить отечеству, ратники не могли скоро собраться (169:).

Извѣстіе о сильномъ ополченіи, собравшемся въ Нижнемъ-Новгородѣ, дошло и до Москвы,—поляки ужаснулись.—Гонсевскій рѣшился разрушить предпріятіе Пожарскаго. Чувствуя слабость своихъ силъ и зная, какое вліяніе имѣлъ патріархъ на умы народа, Гонсевскій вздумалъ употребить Гермогена орудіемъ своихъ замысловъ: подослалъ къ нему измѣнниковъ, которые приступили къ святому мужу съ просьбами, чтобы онъ запретилъ Пожарскому идти къ Москвѣ.

Ревностный поборникъ православія, истинный сынъ отчизны, томившійся подъ стражей въ стѣнахъ кириловскаго подворья, твердо отвергъ безумную просьбу враговъ вѣры и отечества. «*Да будутъ благословенни тѣ*», сказалъ онъ, «*которые идутъ на очищеніе Московскаго Государства*, «*а вы окаянные московскіе измѣнники будьте прокляты*» (170:).

Этотъ подвигъ христіанскаго героизма стоилъ жизни Святителю. Поляки стали морить его голодомъ (171), вѣроятно, полагая, что физическія страданія ослабятъ въ мужественномъ старцѣ твердость духа. Но не такимъ былъ Гермогенъ: онъ, какъ пастырь добрый, а не наемникъ, положилъ душу свою за овцы; претерпѣлъ до конца, и принялъ мученическій вѣнецъ 19 Февраля 1612 года.

Не одни поляки опасались новаго народнаго возстанія: честолюбивый Трубецкой, передавшійся самозванцу, разбойникъ Заруцкій, наружно принявшій сторону Исидора, но тайно мечтавшій сдѣлаться правителемъ Россіи отъ имени сына Марины, видѣли въ Пожарскомъ врага. Заруцкій рѣшился дѣйствовать противъ Пожарскаго открыто: онъ послалъ казаковъ въ Ярославль, чтобъ помѣшать соединенію ополченія. Для этой цѣли пошелъ туда и Просовецкій.

Еще ранѣе того Милославскій и Московская Боярская Дума писали, 25 и 26 Января, въ Кострому и Ярославль, вѣроятно, по приказанію

поляковъ, чтобъ эти города признали власть Владислава, не помогали Трубецкому и Заруцкому, а лучше бы прислали къ гетману Хоткевичу выборныхъ людей съ повинною (172). Но вѣрные ярославцы не думали повиноваться боярамъ, находящимся во власти поляковъ; теперь же, узнавъ о намѣреніи Заруцкаго, приготовились къ оборонѣ, и послали къ Пожарскому и Минину, которые были еще въ Нижнемъ-Новгородѣ, просить помощи.

Помощь немедленно была послана подъ начальствомъ князя Дмитрія Петровича Лопаты-Пожарскаго и дьяка Семена Самсонова. Лопата и Самсоновъ предупредили Просовецкаго: занявъ Ярославль, они переловили казаковъ Заруцкаго и посадили въ тюрьму. Просовецкій, узнавъ о томъ, воротился къ Суздалю (173:).

Въ Балахнѣ Пожарскій былъ принятъ съ восторгомъ, и получилъ отъ ея жителей денежное вспоможеніе. Здѣсь присоединились къ нему Матвѣй Плещеевъ и дворяне другихъ городовъ. Такой же пріемъ сдѣлали князю и жители Юрьевца, и дали денегъ и людей. Татары юртовскіе, получившіе отъ юрьевцевъ пособіе, также въ значительномъ числѣ стали подъ знамена нижегородскія.

Въ Решмѣ Пожарскій получилъ чрезъ посланныхъ отъ Артамона Васильевича Измайлова свѣдѣнія о псковскихъ происшествіяхъ (174). Отсюда пошелъ онъ въ Кинешму, гдѣ все ополченіе имѣло роздыхъ. Въ Плесѣ (175) вѣрные изъ жителей Костромы встрѣтили Пожарскаго съ непріятными вѣстями: костромской воевода Иванъ Шереметевъ съ своими единомышленниками, вѣроятно, слѣдуя увѣщаніямъ Милославскаго и прочихъ членовъ Боярской Думы, не хотѣлъ пустить ополченія въ городъ.

Пожарскій поспѣшилъ къ Костромѣ, гдѣ происходило уже сильное волненіе,—жители раздѣлились на двѣ партіи, большая часть была на сторонѣ Пожарскаго, и осилила противниковъ.

Шереметевъ едва не заплатилъ жизнію за свой умыселъ, только одинъ Пожарскій могъ спасти его отъ ярости народной. По просьбѣ костромичей Пожарскій далъ имъ новыхъ начальниковъ—князя Романа Гагарина и дьяка Андрея Подлѣсаго.

Въ Костромѣ явились къ Пожарскому суздальцы съ просьбою о помощи противъ Просовецкаго, который угрожалъ ихъ городу. Пожарскій отправилъ въ Суздаль отрядъ войска съ княземъ Романомъ Лопатой-Пожарскимъ. Казаки, узнавъ объ этомъ, убѣжали изъ подъ Суздаля къ Москвѣ.

Жители Костромы такъ же пожертвовали на земское дѣло не малую сумму денегъ, поставили ратниковъ, и съ благословеніями проводили соединенное ополченіе, которое выступило изъ Костромы на Ярославль (176:).

Ярославцы и собравшіеся изъ другихъ городовъ люди, движимые чувствами истиннаго усердія, поспѣшили на встрѣчу Христолюбивой рати. Они переправились за Волгу, и тамъ поднесли Пожарскому

хлѣбъ и соль и богатые дары; безкорыстный стратигъ принялъ хлѣбъ и соль, поблагодарилъ ярославцевъ, но отъ даровъ отказался.

Пожарскій предполагалъ не долго пробыть въ Ярославлѣ, но непредвидѣнныя важныя обстоятельства задержали его въ этомъ городѣ цѣлые полгода, изъ которыхъ главнымъ было извѣстіе, что Трубецкой и Заруцкій предались самозванцу (177:).

За эту медленность нетерпѣливые патріоты, въ томъ числѣ и Палицынъ, роптали на вождя, и даже обвиняли его, кромѣ бездѣйствія, въ бражничествѣ (178). Но могъ ли этотъ великій человѣкъ, безкорыстно совершившій свои подвиги, унизиться до такой мелочности, могъ ли въ бездѣйствіи и пирахъ забыть свое великое дѣло!

Незадолго до выступленія изъ Ярославля соединенныхъ дружинъ, чуть было не разразился новый ударъ надъ Россіей; едва заря спасенія ея, возсіявшая въ Нижнемъ-Новгородѣ, не померкла въ Ярославлѣ: третій стратигъ Господней рати ополчившійся за вѣру и отчизну едва не палъ отъ руки убійцъ.

Заруцкій, этотъ историческій идеалъ злодѣевъ, выразивши въ граматѣ желаніе скорѣе видѣть Пожарскаго подъ Москвою, въ тоже время задумалъ избавиться отъ грознаго врага всякой лжи и измѣны.

Онъ подослалъ въ Ярославль двухъ казаковъ, Обрама и Стеньку, съ порученіемъ убить Пожарскаго. Казаки передали эту тайну семи такимъ же злодѣямъ, изъ которыхъ одинъ, рязанецъ Семенъ Ждановъ, пользовался милостями и довѣренностію князя, живши въ его домѣ.

Много разъ эти злодѣи покушались убить князя во время сна, или въ дорогѣ, но Богъ хранилъ своего избранника. Наконецъ они выбрали время, когда Пожарскій шелъ изъ съѣзжей избы чрезъ густыя толпы народа, собравшагося смотрѣть пушечный снарядъ: Стенька бросился на князя съ ножемъ, и хотѣлъ распороть ему животъ; но Провидѣніе Божіе и здѣсь бодрствовало надъ вождемъ благословенной рати: злодѣй промахнулся, ранилъ въ ногу казака Романа, который велъ князя подъ руку; раненый застоналъ и упалъ на землю.

Довѣрчивый Пожарскій не думалъ, что здѣсь былъ умыселъ на его жизнь, отнесъ это къ неосторожности, сдѣланной въ тѣснотѣ, и продолжалъ путь; но его остановили и объяснили ему, что ударъ, полученный Романомъ, былъ назначенъ ему. Великодушный князь спасъ убійцъ отъ народнаго ожесточенія, даже и самъ не казнилъ ихъ; одного только сослалъ въ ссылку, а прочихъ взялъ съ собою въ Москву для улики Заруцкаго.

Іюля 28-го 1612 года выступилъ Пожарскій изъ Ярославля. Съ Шопецкаго стана онъ ѣздилъ въ Суздаль помолиться Всемилостивому Спасу и св. Евфимію и поклониться гробамъ своихъ родителей (179:).

Августа 14 Пожарскій и Мининъ были уже въ Троицкой Лаврѣ, гдѣ встрѣтили ихъ Діонисій и Авраамій какъ избранниковъ свыше, шествовавшихъ ратовать за вѣру и отечество.

Чрезъ шесть дней (20 Августа) соединенная рать явилась подъ

Москвой; здѣсь повторились было сцены раздоровъ, какъ и во время Ляпунова, но благоразуміе Пожарскаго, посредничество Діонисія и Авраамія утушили несогласіе; и, кажется, много къ тому содѣйствовало и отсутствіе Заруцкаго, который, услыхавъ, что Пожарскій приближается къ Москвѣ, убѣжалъ въ Коломну съ половиной своихъ казаковъ; другая же половина перешла въ станъ Трубецкаго.

Потомъ послѣдовали битвы съ поляками;—24 Августа Хоткевичъ былъ пораженъ. Въ этотъ день битва продолжалась четырнадцать часовъ; Пожарскій и его ратники выказали необычайное мужество, Трубецкой—всю свою мелочность и недобросовѣстность (180:).

Авраамій и Мининъ такъ же въ этотъ день оказали величайшія услуги отечеству.—Авраамій, въ то время, когда, по недоброжелательности Трубецкаго, неминуемая гибель грозила Пожарскому и его сподвижникамъ, успѣлъ уговорить казаковъ Трубецкаго идти на помощь къ нижегородскимъ ратникамъ.—Мининъ же, передъ вечеромъ, съ пылу самой битвы явился къ Пожарскому и просилъ у него людей. Пожарскій позволилъ ему взять кого хочетъ. Мининъ взялъ ротмистра Хмелевскаго и три сотни дворянъ, перешелъ съ ними за Москву-рѣку, около Крымскаго брода, ударилъ на стоявшія тамъ двѣ роты поляковъ, которые побѣжали въ станъ Хоткевича, и тѣмъ привели въ разстройство главныя его силы.—Пожарскій, воспользовавшись этимъ, вторгнулся въ смѣшанные ряды поляковъ, и произвелъ страшное пораженіе. Поляки бѣжали. Такъ, честь окончательнаго удара врагу въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ прямо Минину.

Два мѣсяца продолжалась еще борьба съ засѣвшими въ Москвѣ поляками,—наконецъ, 22 числа Октября ихъ выгнали изъ Китай-города; 25 Октября были выпущены поляками всѣ русскіе, въ томъ числѣ и будущій царь Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью инокиней Марѳой Ивановной.

На другой день сдались поляки; а 27 числа русскіе, отслушавъ у лобнаго мѣста молебствіе, совершенное архимандритомъ Діонисіемъ, вступили въ Кремль съ крестами и хоругвями. Тамъ встрѣтилъ ихъ архіепископъ Элассонскій Арсеній. Въ Храмѣ Успенія въ тотъ же день отслужили литургію, которая тамъ не была уже совершаема осьмнадцать мѣсяцевъ (181:).

Такъ кончилось это великое событіе,—такъ исполнилась мысль, возникшая въ Нижнемъ-Новгородѣ!

Чрезъ четыре мѣсяца въ освобожденной нижегородцами Россіи былъ уже царь, сынъ ростовскаго митрополита Филарета, страдавшаго въ плѣну въ Варшавѣ. Потомокъ князей нижегородскихъ (182) былъ избранъ единодушно всею Россіею на престолъ московскій.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, отпущенный поляками съ родительницею своею и съ другими боярами, жилъ, послѣ покушенія враговъ на жизнь его, въ Костромскомъ Ипатіевскомъ Монастырѣ. Сюда-то явились послы отъ всѣхъ чиновъ государства, и здѣсь, «*падоша вси на землю, нетокмо что плакаху, но и воплю велію бывшу*»,—они умоляли

Михаила, чтобы шелъ онъ на престолъ московскій (183). Михаилъ и родительница его долго отказывались отъ избранія, но, наконецъ, склонились на слезы и моленія духовенства и синклита. Это случилось 14 Марта 1613 года.

Россія торжествовала, и, чтобы упрочить свое торжество на вѣчныя времена, установила въ тотъ день праздновать явленному образу Өеодоровскія Божія Матери, который находился въ Костромскомъ Успенскомъ Соборѣ (184). Нижегородцы, возвращаясь домой, приносили списки съ этой иконы въ память своего великаго подвига.

Въ избраніи Михаила участвовала вся Россія, участвовали и нижегородцы. Избирательную грамату подписали нижегородскіе выборные: протоіерей Преображенскаго Собора Савва, посадскій Самойла Богомоловъ, стрѣльцы Яковъ Ульяновъ и Өедоръ Княжегородскій,— онъ же приложилъ руку и за брата своего стрѣлецкаго сотника Степана Княжегородскаго. Кромѣ этихъ выборныхъ, грамату подписали, въ числѣ прочихъ лицъ, Феодосій, архимандритъ Печерскаго Монастыря, и князь Пожарскій (185:).

За подвиги свои нижегородцы были щедро награждены признательнымъ царемъ;—Пожарскій, въ день избранія Михаила Өеодоровича, былъ пожалованъ званіемъ боярина; кромѣ того ему были даны помѣстья: въ московскомъ уѣздѣ село Вельяминово, и въ суздальскомъ—Нижній Ландехъ и Холуй. Мининъ получилъ званіе думнаго дворянина, домъ въ Нижнемъ и помѣстье въ Березопольскомъ стану: село Богородское, восемь деревень и три пустоши (186:).

Началники, сидѣвщіе въ осадѣ при нападеніи Москова и Вокардина а, потомъ Вяземскаго и Лазарева, также получили помѣстья. Д. С. Жедринскому, нижегородскому воеводѣ, за московскую осаду дано помѣстье въ Закудемскомъ стану; равно и дьяки Юдинъ и Семеновъ не остались безъ награды,—послѣдній, не смотря на ссору съ Шереметевымъ, родственникомъ Михаила Өеодоровича, былъ сдѣланъ думнымъ дьякомъ въ Нижегородскую Четь. Духовенство также было награждено; тарханная грамата Соборамъ Спасопреображенскому и Михайло-Архангельскому была подтверждена, и послѣдній получилъ еще новую (187:).

Было мнѣніе, что подвиги Пожарскаго и Минина будто бы были не оцѣнены по достоинству и даже забыты тѣми, кого спасли эти два великіе мужа (188:).

Мнѣніе это основывали на томъ, что Пожарскій, въ концѣ 1613 года, былъ выданъ Солтыкову головой, и что Мининъ удалился отъ Двора и жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; но въ послѣднее время обстоятельно доказано, что Пожарскій до конца своей жизни постоянно пользовался милостями Михаила Өеодоровича и родителя его, патріарха Филарета, начальствовалъ войсками, былъ воеводой въ разныхъ мѣстахъ, часто приглашался къ государеву столу, присутствовалъ во время пріема иностранныхъ пословъ, и на обоихъ свадьбахъ Михаила Өеодоровича (1624 и 1626 г.) былъ вторымъ дружкой, а

первая супруга его Парасковья Варфоломѣевна была свахою съ государевой стороны. Даже не разъ царь оставлялъ его въ Москвѣ намѣстникомъ, когда самъ ѣздилъ на богомолье, и давалъ ему нѣсколько разъ въ награду села, деревни и пустоши въ помѣстное и отчинное владѣніе.

Князь Дмитрій Михайловичъ скончался въ 1642 году. Родъ его пресекся въ мужеской линіи въ 1685 году смертію внука его Юрія Ивановича (188:).

Долго благодарные потомки не знали, съ достовѣрностію гдѣ покоится прахъ спасителя отчизны, а только предполагали, что мѣстомъ послѣдняго покоя избранника Божія былъ Спасоевѳиміевъ Монастырь—усыпальница фамиліи Пожарскихъ; наконецъ, пытливая любознательность ученыхъ открыла, что дѣйствительно прахъ Дмитрія Михайловича покоится въ Спасоевѳиміевомъ Монастырѣ.

Послѣ сказаннаго о Пожарскомъ, подтвержденнаго историческими актами, можно завѣрное положить, что и удаленіе Минина изъ Москвы въ Нижній также было не вслѣдствіе неблагодарности и забвенія его услугъ, а, скорѣе, вслѣдствіе желанія самаго Минина—отдохнуть послѣ великихъ и трудныхъ подвиговъ, насладиться плодами ихъ въ кругу своихъ соотчичей и положить кости въ родной землѣ.

Козьма Мининъ скончался между Сентябремъ 1615 и Іюнемъ 1816 года. Потомство его прекратилось въ лицѣ сына его, стряпчаго Нефедья, умершаго около 1632 года (189:).

ГЛАВА VI.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ ОТЪ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА ДО ОТКРЫТІЯ НАМѢСТНИЧЕСТВА.

СЪ 1613 ПО 1779 Г.

Съ восшествіемъ Михаила Ѳеодоровича на престолъ, стала отдыхать Русь, изнуренная осмилѣтними смутами; но не скоро закрылись глубокія раны, нанесенныя ей искусными трудами іезуитовъ (190:); не вдругъ успокоился и Нижній-Новгородъ, долго вокругъ его носились еще смуты и опасности.

Въ 1613 году около Ярославля злодѣйствовали казаки и *лисовчики;* въ Казани было еще много приверженцевъ Шульгина: по Низовью бродили шайки вольницы и Иванъ Заруцкій съ преступной и жестоко наказанной Мариной и сыномъ ея. Мордва нижегородская также была непокойна. Нижегородцы безпрестанно ждали нападенія. Врагамъ царя, врагамъ всякаго порядка ненавистенъ былъ вѣрный Нижній (191:).

По восшествіи своемъ на престолъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ починить обвѣтшавшія отъ времени укрѣпленія Нижняго и набрать для защиты города достаточное число ратныхъ людей.

Присланный на нижегородское воеводство князь Владиміръ Ивановичъ Бахтіяровъ—Ростовскій могъ только исполнить послѣднее повелѣніе,—набралъ ратниковъ изъ русскихъ и изъ обрусѣлыхъ ливон-

цевъ и литовцевъ, жившихъ въ Нижнемъ; на починку же укрѣпленій небыло денегъ.

Въ началѣ 1614 года былъ еще произведенъ другой наборъ ратниковъ въ Нижнемъ и его области бояриномъ княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ-Оболенскимъ для похода подъ Тихвинъ, который осаждали шведы.

Зиму 1613—1614 г. нижегородцы прожили подъ охраненіемъ собраннаго обоими князьями войска, но весной лишились этой защиты. Бояринъ князь Иванъ Никитичъ Одоевскій, сдѣланный отъ царя начальникомъ всего поволжья, и помощники его, окольничій Семенъ Ивановичъ Головинъ и бывшій нижегородскій дьякъ Василій Юдинъ, усмиряя Низовье, имѣли крайнюю нужду въ подкрѣпленіи; почему Михаилъ Θеодоровичъ повелѣлъ послать къ нимъ со всѣхъ поволжскихъ мѣстъ ратныхъ людей, въ томъ числѣ и набранныхъ Бахтіяровымъ (192:).

Немедленно по вскрытіи Волги (11 Апрѣля, во вторникъ, на шестой недѣлѣ великаго поста) четыреста стрѣльцовъ нижегородскихъ, подъ начальствомъ Ивана Острѣнева, сто арзамасскихъ, съ своимъ сотникомъ, и двѣсти ливонцевъ и литовцевъ, съ своимъ головой Харламовымъ, сѣли въ лодки и отправились къ Одоевскому; Лыковъ—Оболенскій также увелъ своихъ ратниковъ; Нижній остался безъ защиты, а опасность была ближе, чѣмъ предполагали.

Казаки, бродившіе за Ярославлемъ, разграбивъ г. Любимъ, собрались около Пошехонья и Черемовца въ числѣ тысячи пяти сотъ человѣкъ, и стали строить суда на Шекснѣ, имѣя намѣреніе спуститься по Волгѣ въ Астрахань къ Ивану Заруцкому, по пути же ограбить Кострому и Нижній.

Эту вѣсть сообщилъ Бахтіярову костромской воевода Колычевъ. Гонецъ его прискакалъ въ Нижній въ самый праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Ужасъ поразилъ нижегородцевъ, смятеніе распространилось по городу; но Бахтіяровъ благоразумными мѣрами успокоилъ жителей, возстановилъ порядокъ и немедленно увѣдомилъ Одоевскаго. Начальникъ поволжья приказалъ разставить засады по берегамъ Волги отъ Услона до Костромы (193:).

Въ Маѣ пришли въ Нижній другія вѣсти, еще страшнѣе первыхъ:—двадцать тысячь ногайцевъ вторгнулись въ русскія владѣнія. Въ началѣ Марта они перешли чрезъ Сарпу, перебили множество казаковъ, вѣрныхъ царю, и 13 Мая явились около Алатыря.

У воеводы алатырскаго было мало войска, чтобъ выгнать ногаевъ изъ алатырской области, но онъ сдѣлалъ все, что могъ: храбро бился съ врагами, и защитилъ городъ.

Михаилъ Θеодоровичъ, узнавъ о нашествіи ногаевъ, отправилъ войско для защиты Нижняго и Алатыря; но князья Сулетевъ и Борятинскій, начальники этого войска, почему-то медлили, и только уже по настоятельнымъ требованіямъ правительства пошли къ мѣсту

своего назначенія; но сдѣлали очень не много: въ Іюнѣ они побили отдѣльныя шайки ногаевъ; главнымъ же силамъ ихъ не нанесли вреда.

Ногайцы, дѣйствовавшіе доселѣ отдѣльными отрядами, совокупились вмѣстѣ и устрѣмились къ Нижнему-Новгороду. Мордва, свѣдавъ о приближеніи ихъ, возстала открыто. Нижній-Новгородъ ждалъ неминуемой гибели: казаки грозили нахлынуть съ верховья Волги, ногаи и мордва—съ юга; жители начали покидать городъ (194:).

Между тѣмъ, слухъ о восшествіи на престолъ Михаила Өеодоровича донесся въ улусы ногайскіе. Истерекъ, или Иштерякъ, владѣтель ногайской орды, и мирзы его почему-то перемѣнили свои враждебныя мысли, воротили войска и отправили въ Москву пословъ *бить челомъ о винахъ своихъ* и просить государя, чтобъ онъ велѣлъ принять ихъ *подъ высокую государеву руку*, объясняя при томъ, что *ногайскіе люди ходили воевать Московское Государство безъ ихъ вѣдома*. Государь остался доволенъ такимъ объясненіемъ, оставилъ ногаевъ безъ наказанія (195:). Между тѣмъ, и Одоевскій въ Низовьѣ дѣйствовалъ успѣшно: очистивъ Астрахань отъ скопищъ злодѣевъ, онъ захватилъ на Яикѣ—нынѣшнемъ Уралѣ—и самаго Заруцкаго, вмѣстѣ съ Мариной и ея сыномъ, и отправилъ ихъ въ Москву, гдѣ казнь земная и небесная была достойнымъ воздаяніемъ неистовому злодѣйству Заруцкаго и безумному честолюбію гордой панны Мнишекъ (196:).

Нижній избавился опасности съ юга и низовья Волги, но казаки, предводительствуемые Захаріемъ Заруцкимъ и товарищемъ его Яцкимъ, все еще грозили ему сверху.

Они, узнавъ о казни Заруцкаго, оставили намѣреніе свое идти въ Астрахань, соединились съ юртовскими и романовскими татарами, ограбили области ярославскую и костромскую, пошли было на Галичъ, но вдругъ повернули на Нижній-Новгородъ. Это было въ концѣ Декабря 1614 года.

Января 4 дня 1615 года они достигли Василевской слободы и расположились станомъ, готовясь сдѣлать нападеніе на Нижній-Новгородъ въ самый день праздника Крещенія Господня, 6 Января.

Слыша это, Нижній трепеталъ, ожидая погибели; но Богъ хранилъ его за вѣрность къ законнымъ царямъ своимъ. Князь Лыковъ-Оболенскій, стоявшій съ войскомъ у Ярославля, узнавъ о движеніи Заруцкаго и Яцкаго, поспѣшилъ за ними и въ тотъ же день, когда они пришли къ Василевской слободѣ, догналъ ихъ и сдѣлалъ нападеніе (197:).

Казаки защищались отчаянно; но ратники Лыкова одолѣли ихъ, обратили въ бѣгство, *гнали и топтали* на пятнадцати верстахъ, при чемъ также взяли много въ плѣнъ. Заруцкій и Яцкій, съ остатками своихъ единомышленниковъ, успѣли убѣжать къ Унжѣ, но не избѣгли гибели. Лыковъ послалъ за ними дворянъ и дѣтей боярскихъ, да тѣхъ изъ татаръ юртовскихъ и романовскихъ, которые

уже были вѣрны государю. Скопища Заруцкаго были окончательно истреблены.

Очистивъ область нижегородскую, Лыковъ пошелъ на Волгу, гдѣ еще злодѣйствовали шайки враговъ. Такъ Нижній-Новгородъ былъ спасенъ, и спокойствіе въ немъ водворилось, и въ томъ же году нижегородцы уже ходили на шведовъ подъ Псковъ (198:).

Смутныя времена истощили казну государственную; богатства царскія, которымъ нѣкогда дивились Европа и Азія, были разграблены, а война съ внѣшними врагами еще не стихала. Польша и Швеція спорили съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ о престолѣ. Требовались деньги на содержаніе ратниковъ.—Царь и боярская дума не видѣли другаго средства для покрытія расходовъ, необходимыхъ для войны, какъ учрежденіе новаго налога, и опредѣлили, въ 1616 г., взять со всего имущества русскихъ *пятую деньгу* (199:), какъ сдѣлалъ то Пожарскій въ Нижнемъ въ 1611 году.

Воеводы нижегородскіе, Бахтіяровъ и Борисъ Ивановичъ Нащекинъ, исполнивъ въ скорости приговоръ думы, собрали еще со строгоновскихъ прикащиковъ, жившихъ въ Нижнемъ по солянымъ дѣламъ, 13,810 рублей (200:).

Въ 1619 году Лыковъ опять былъ въ Нижнемъ, для разбора и верстанія дворянъ и дѣтей боярскихъ, раздавалъ жалованье ратникамъ за прежнюю службу, и увелъ ихъ противъ поляковъ.

Во время проживанія своего въ Нижнемъ, онъ построилъ новый острогъ, обвелъ его рвомъ и чрезъ р. Почайну построилъ мостъ, который по немъ назывался *Лыковымъ* (201:).

Въ томъ году въ Нижнемъ весна стояла холодная и продолжительная: 6 Мая, въ день Вознесенія Господня, шелъ такой сильный снѣгъ, что *городскихъ людей къ молебнамъ небыло* (202:) въ Печерскомъ Монастырѣ, куда, обыкновенно, въ этотъ праздникъ—престольный въ монастырѣ—нижегородцы ходятъ помолиться и погулять.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, борясь съ внѣшними врагами, для утвержденія себя на престолѣ московскомъ и для блага Россіи, въ то же время долженъ былъ исправлять и внутренніе безпорядки, порожденные въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ частыми перемѣнами правительства.

Самымъ величайшимъ зломъ внутреннимъ, въ началѣ правленія Михаила Ѳеодоровича, была неопредѣленность правъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній. Василій Ивановичъ Шуйскій раздавалъ помѣстья своимъ вѣрнымъ слугамъ; тоже самое сдѣлалъ и тушинскій самозванецъ, не признавая законными распоряженій Шуйскаго; Сигизмундъ, въ свою очередь, не признавалъ правъ ни того ни другаго, и давалъ такъ же помѣстья своимъ приверженцамъ. Отъ этого вышло, что однѣ и тѣ же имѣнія принадлежали двумъ, тремъ владѣльцамъ, каждый изъ нихъ обстаивалъ права свои, и всѣ вмѣстѣ раззоряли крестьянъ. Кромѣ того, въ смутное время цѣлыя слободы записались за помѣщиковъ, чтобъ не платить государственныхъ податей.

Михаилъ Өеодоровичъ, вступилъ на престолъ, призналъ только законными распоряженія Шуйскаго; но, за всѣмъ тѣмъ, онъ не могъ лишить чиновъ и помѣстьевъ тѣхъ лицъ, которые, воспользовавшись наградами въ смутное время, теперь были его вѣрными слугами.

Зло было въ такой степени, что ни царь, ни дума не знали, какъ прекратить его. Только мудрый Филаретъ, достойный родитель государя, возвратившійся въ 1619 г. изъ плѣна, нашелъ выходъ изъ этого труднаго положенія. Онъ предложилъ описать Россію, какъ она есть, и по новымъ описямъ утвердить права владѣльцевъ и установить государственныя подати.

Вслѣдствіе этого, земскій совѣтъ назначилъ изъ высшихъ сановниковъ въ области раззоренныя *дозорщиковъ* (слѣдователей), а въ нераззоренныя писцовъ. Эти чиновники подробно описали государственныя земли, также жителей всѣхъ вѣдомствъ, ихъ угодья, доходы и прочее. Это пресѣкло всѣ тяжбы и неустройства, утвердило права помѣщиковъ, а правительству дало средства установить правильные налоги. Описи, составленныя писцами, называются писцовыми книгами (203:).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ перепись производилась въ теченіи 1621 и 1622 г. писцами Дмитріемъ Васильевичемъ Лодыгинымъ, Васильемъ Ивановичемъ Полтевымъ да дьякомъ Дементьемъ Образцовымъ. Они нашли въ Нижнемъ *1,300 дворовъ, а сошнаго оклада положили три сохи безъ четверти, и въ уѣздѣ пять сохъ съ третью и осмою четвертью и съ третникомъ*. Въ тоже время бояринъ князь Афонасій Васильевичъ Лобановъ-Ростовскій и дьякъ Трескинъ разбирали и верстали, какъ въ 1619 г. Лыковъ и Колтовскій, дворянъ и дѣтей боярскихъ (204:).

По окончаніи переписи, Лодыгинъ и товарищи составили сотную грамату, которая и по нынѣ хранится въ нижегородской городской думѣ. Изъ этой граматы видно, что Нижній-Новгородъ въ 1622 г. укрѣпленъ былъ, кромѣ Кремля, валомъ и двумя острогами. Въ немъ было два каменныхъ Собора, Спасо-Преображенскій и Михайло-Архангельскій, двадцать семь церквей, а имено: св. Георгія, св. Архідіакона Стефана, св. Дмитрія Солунскаго, Казанской Божіей Матери, св. Великомуч. Варвары, св. Николая Чудотворца, Покрова Пресвятыя Богородицы, св. Женъ Мѵроносицъ, св. Пророка Иліи, Успенія Божія Матери, Рождества Христова, Вознесенія Господня, Рождества Іоанна Предтечи, Рождества Пресвятыя Богородицы, св. Козмы и Доміана, св. Іоанна Богослова, Живоначальныя Троицы, св. Николая Чудотворца,—на нижнемъ посадѣ, св. Іоанна Предтечи, св. Бориса и Глѣба, св. Параскевы Пятницы, св. Апостоловъ Петра и Павла, св. Афанасія и Кирилла, Владимірскія Божія Матери, Успенія Божія Матери, Воздвиженія Честнаго Креста Господня, Зачатія Пророка и Крестителя Господня Іоанна.—Изъ четырехъ послѣднихъ церквей Владимірская и Успенская находились за Окой, въ нынѣшней Кунавинской слободѣ,

а Воздвиженская и Предтеченская стояли въ Кремлѣ на Подворьяхъ, Монастырей,—первая—Печерскаго, вторая—Дудина.

Монастырей въ Нижнемъ-Новгородѣ было восемь, изъ нихъ пять мужескихъ и три женскихъ.—Мужескіе: Вознесенскій—Печерскій, Благовѣщенскій,—за городомъ, Духовъ, Сѵмеоновскій,—въ Кремлѣ, Сергіевскій,—на Петушковѣ. Женскіе:—Воскресенскій,—въ Кремлѣ, Происхожденскій, между Георгіевской башней и церковію св. Великомученика Георгія, и Зачатіевскій, на берегу Волги, близь зданія нынѣшнихъ казармъ.

Домовъ, принадлежавшихъ духовенству 61; боярамъ, окольничимъ, приказнымъ людямъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, монастырямъ, подъячимъ и городскимъ ключникамъ 208; прочимъ людямъ 1,009; для осаднаго времени 20; богадѣленъ при церквахъ 60, и домы воеводскій и дьячій,—а всего 1300 дворовъ. Изъ этаго числа 500 помѣщались въ Кремлѣ, а прочіе—на посадѣ и въ острогахъ.

Жителей въ Нижнемъ-Новгородѣ было до 5000, они состояли изъ русскихъ, литовцевъ, нѣмцевъ и казаковъ; русскіе дѣлились на шесть сословій:—дворянъ, житныхъ людей, гостей, людей служилыхъ, посадскихъ и ямщиковъ.

Дома дворянъ были, большею частію, въ Кремлѣ; житные и служилые люди жили въ разныхъ концахъ города, посадскіе—на посадахъ, верхнемъ и нижнемъ, и за Окой, въ нынѣшней Купавинской слободѣ.—Слобода Ямская находилась въ верхней части нынѣшней Ильинской улицы. Нѣмцы и литовцы жили частію около ямщиковъ, частію на берегу Оки; но главная слобода ихъ, въ послѣдствіи названная Панской улицей, была подъ нынѣшнимъ волжскимъ откосомъ, тамъ было и нѣмецкое кладбище (205:).

Въ 1629 году въ Москвѣ составилась шайка зажигателей, подъ начальствомъ какихъ-то черкасовъ *Пежегора да Юрія Редрикова*, разсылавшихъ своихъ единомышленниковъ для поджеговъ въ разные города. Въ Арзамасъ и Нижній-Новгородъ были ими посланы *Митька Даниловъ сынъ Торопченковъ, послуживецъ Ивана Веревкина*, съ товарищами, которые всѣ были холопы разныхъ господъ. Имъ удалось поджечь Арзамасъ; но Митька былъ пойманъ тамошнимъ воеводой княземъ Венедиктомъ Оболенскимъ и подъячимъ Макаріемъ Чукаринымъ, признался въ своихъ замыслахъ и объявилъ имена своихъ товарищей, успѣвшихъ скрыться. Оболенскій препроводилъ списокъ именъ и примѣты злоумышленниковъ къ нижегородскому воеводѣ Ивану Никифоровичу Трахоніатову, который принялъ мѣры къ отвращенію поджеговъ и поимкѣ зажигателей, для чего разослалъ вездѣ наказныя граматы (206:).

Въ 1631 году, по повелѣнію государя и патріарха, поправляли Архангельскій Соборъ и, какъ надо полагать, окончили въ чернѣ новый, Преображенскій. Работами управлялъ царскій подмастерье Лаврентій Возоулинъ да пасынокъ его Антипъ. Работали же сорокъ человѣкъ нижегородскихъ каменщиковъ, которыхъ потомъ просилъ у государя

и патріарха печерскій архимандритъ Рафаилъ для постройки въ монастырѣ Вознесенскаго Собора, въ чемъ ему было отказано, потомучто по государеву указу назначались въ томъ же лѣтѣ *многія государевы дѣла.* Постройкой собора велѣно было остановиться, но Рафаилъ, вопреки этого повелѣнія, удержавъ каменщиковъ, началъ работы; почему въ 1632 г. граматой царской, отъ 14 Мая, на имя нижегородскаго воеводы Ивана Прохоровича Воейкова, строжайше было повелѣно выслать тѣхъ каменщиковъ въ Москву за карауломъ, въ кандалахъ, съ тѣмъ, что если это повелѣніе не выполнится тотчасъ, то пришлютъ *нарочно дворянина добра на многихъ подводахъ изъ прогонъ,* и что прогоны будутъ взысканы вдвое съ воеводы, который, какъ видно, также содѣйствовалъ архимандриту Рафаилу. Эти каменщики были нужны для постройки крѣпости въ Вязьмѣ; невысылка ихъ учинила тамъ *мотчаніе и поруху великую* (207:).

Въ 1632 году скончалась въ Нижнемъ-Новгородѣ бывшая невѣста Михаила Ѳеодоровича, Марья Ивановна Хлопова. Судьба ея достойна сожалѣнія.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, по благословенію родителей своихъ, патріарха Филарета и инокини Мароы Ивановны, въ 1617 году вознамѣрился вступить въ бракъ (ему исполнилось тогда 20 лѣтъ), и выбралъ себѣ въ невѣсты Марью Ивановну Хлопову.

Изъ дома отца своего, не богатаго дворянина, Марья Ивановна была переведена во дворецъ, на верхъ, въ особыя комнаты, и получила новое имя Анастасіи, данное ей едва ли не въ воспоминаніе добродѣтельной супруги Іоанна IV, по которой Романовы получили права на престолъ (208:).

Отецъ будущей царицы Иванъ и дядя Гаврило Хлоповы, мать и бабка (по фамиліи Желубятинская) были приняты ко Двору и осыпаны царскими милостями.

Начались приготовленія къ свадьбѣ; царь съѣздилъ къ Троицѣ въ Лавру помолиться Богу, въ сопутствіи будущаго тестя и брата его Гавріила. Оставалось нѣсколько дней до брака, какъ вдругъ Марья Ивановна занемогла, у ней появились припадки рвоты.

Начались изслѣдованія, объясненія причинъ и свойствъ болѣзни, и наконецъ царю донесли, что болѣзнь его невѣсты опасна, что отъ Марьи Ивановны нельзя ожидать дѣтей. Назначили соборъ, и, по его приговору, несчастную Хлопову лишили титула царицы и отослали на житье въ Тобольскъ; также изгнаны были изъ столицы и всѣ ея родные.

Болѣзнью и заточеніемъ своимъ Марья Ивановна была обязана злости Михаила Солтыкова, съ которымъ поссорился дядя ея Гаврила Хлоповъ. Солтыковъ, чтобы отмстить Хлопову, посредствомъ матери своей опоилъ Марью Ивановну какимъ-то вреднымъ зельемъ, и потомъ употребилъ всѣ мѣры къ расторженію предположеннаго брака ея съ царемъ.

До 1619 г. Марья Ивановна жила въ Тобольскѣ; потомъ, по указу

царскому, въ Августѣ того года ее, съ бабкой и дядями Иваномъ и Александромъ Желубятинскими, перевели въ Верхотурье (209:); наконецъ въ 1621 году, по ходатайству патріарха, ее, вмѣстѣ съ родственниками, царь повелѣлъ перевести въ Нижній-Новгородъ.

Во время этого послѣдняго переѣзда, ей назначено было приличное содержаніе и особый приставъ для сопровожденія. Петръ Петровичъ Головинъ, воевода нижегородскій, помѣстилъ ее въ старомъ домѣ Минина,—домъ этотъ послѣ смерти незабвеннаго Козмы принадлежалъ уже казнѣ.

Въ 1623 г. царю исполнилось 27 лѣтъ, а онъ еще не былъ женатъ. Необходимость имѣть наслѣдника понуждала его къ вступленію въ бракъ; но онъ не забылъ несчастной Марьи Ивановны, патріархъ также желалъ видѣть ее своей невѣсткой, почему о болѣзни ея царь повелѣлъ произвести новое изслѣдованіе.

Дядя Михаила Өеодоровича, Иванъ Никитичъ Романовъ, и Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ, князь Черкасскій, также родственники царскіе, при посредствѣ патріарха, произвели слѣдствіе, къ которому были вызваны изъ Нижняго Иванъ и Гаврило Хлоповы, и открыли истину.

Солтыковыхъ, Бориса и Михаила, лишивъ имѣнія, сослали въ Галичь и Вологду, мать ихъ, старицу Евникію, заточили въ монастырь въ Суздалѣ. Шереметевъ, архимандритъ Симоновскаго Монастыря Іосифъ и отецъ Марьи Ивановны были посланы въ Нижній-Новгородъ. Тамъ узнали они отъ родныхъ и духовника опальной невѣсты, предтеченскаго священника Димитрія, что она совершенно здорова и можетъ быть супругой царя. Съ этой радостной вѣстью Шереметевъ отправилъ къ Михаилу Өеодоровичу и патріарху архимандрита Іосифа (210:).

Никто не сомнѣвался, что Марья Ивановна, покинувъ заточеніе, явится въ царскихъ чертогахъ; но судьба рѣшила иначе:—несчастной жертвѣ злобы и зависти не суждено было носить вѣнцовъ брачнаго и царскаго.

Въ началѣ 1623 г. Шереметевъ получилъ повелѣніе возвратиться въ Москву. Десять мѣсяцевъ была еще Марья Ивановна въ неизвѣстности о своей участи. Въ Сентябрѣ слѣдующаго года объяснилось все:—Михаилъ Өеодоровичъ сочетался бракомъ съ дочерью князя Владиміра Тимоөеевича Долгорукова, Марьей Владиміровной; она вскорѣ послѣ замужства захворала, и скончалась 6 Января 1625 года. Но участь Хлоповой не перемѣнилась отъ того: Долгорукова изгладила изъ памяти царя первую его невѣсту. Марья Ивановна скончалась въ одиночествѣ.—Гдѣ погребено тѣло ея, въ точности неизвѣстно; думаютъ, что оно покоится близь церкви Іоанна Предтечи, въ Благовещенской слободѣ (211:).

Въ 1634, 1635 и 1636 годахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ строился корабль балахнинскими плотниками, подъ надзоромъ голстинцевъ.

Голстинцамъ хотѣлось вести торговлю съ Персіею чрезъ Россію; для полученія на то позволенія, въ 1634 г. Герцогъ Голстинскій

Фридрихъ 1-й прислалъ къ Михаилу Өеодоровичу пословъ. Царь не далъ имъ рѣшительнаго отвѣта, но позволилъ въ Нижнемъ построить корабль для проѣзда голстинцевъ въ Персію.

Получивъ это позволеніе, послы отправили въ Нижній кораблестроителя своего Кордеса и еще шесть нѣмцевъ, подъ надзоромъ которыхъ балахнинскими судостроителями сооруженъ былъ корабль, названный Фридрихомъ. Онъ имѣлъ въ длину 17 саженъ и 1 футъ, а осадки въ водѣ одну сажень; на немъ были 3 мачты и 24 весла.

Разбои на Волгѣ въ то время были во всей силѣ, потому Фридриха вооружили нѣсколькими пушками и множествомъ огнестрѣльнаго оружія.

Въ 1636 году въ Москву прибыло второе голстинское посольство, главными лицами котораго были два ловкіе купца-спекулянта, Крюзіусъ и Брюгельманъ, и при нихъ ученый секретарь Адамъ Олеарій, который своимъ сочиненіемъ: Viel Vermehrte Moscowische Und Persianische Reisebeschreiberung, познакомилъ Европу съ Московіей, извѣстной въ то время на Западѣ по неяснымъ, смутнымъ догадкамъ, а намъ оставилъ вѣрную картину тогдашняго состоянія Россіи.

Это посольство имѣло успѣхъ. Ловкій Брюгельманъ наобѣщалъ множество выгодъ, какими будто-бы могла воспользоваться Россія отъ ихъ предпріятія, получилъ позволеніе на проѣздъ голстинцевъ въ Персію чрезъ русскія владѣнія и даже занялъ у нашего правительства, на имя своего герцога, значительную сумму денегъ.

Іюля 11-го 1636 г. голстинцы явились въ Нижній-Новгородъ; они приплыли по Окѣ и остановились близъ того мѣста, гдѣ строился Фридрихъ (212:).

Послы посѣтили нижегородскаго воеводу Василья Петровича Шереметева и, въ знакъ благодарности за оказанное имъ доброе расположеніе и помощь кораблестроителямъ, находившимся въ Нижнемъ-Новгородѣ болѣе года, поднесли ему подарокъ во сто талеровъ.

Шереметевъ принялъ пословъ съ приличною церемоніею, угощалъ ихъ роскошнымъ столомъ, за которымъ пили тосты за здравье царя Михаила Өеодоровича и герцога голстинскаго.

Шереметевъ разсказывалъ посламъ о предстоявшемъ пути, о волжскихъ разбойникахъ, но успокоивалъ голстинцевъ тѣмъ, что разбойники боятся нѣмцевъ, потому-что нѣмцы, находившіеся въ царской службѣ, хорошо ихъ поколотили.

Изъ разсказа Олеарія видно, что нѣмцевъ, лютеранскаго исповѣданія, въ то время въ Нижнемъ-Новгородѣ было до ста человѣкъ; большая часть изъ нихъ служила въ царскомъ войскѣ, а прочіе занимались винокуреніемъ и пивоварствомъ. Продажа этихъ питій была предоставлена имъ по особой царской милости. Голстинцы пробыли въ Нижнемъ-Новгородѣ до 30 Іюля, и отправились на своемъ кораблѣ внизъ по Волгѣ (213:).

Кромѣ этихъ событій, въ благополучное царствованіе Михаила

Өеодоровича больше ничего замѣчательнаго въ Нижнемъ-Новгородѣ не случилось.

Въ 1646 году князь Иванъ Өеодоровичъ Шаховской и подъячій Прокопій Симоновъ дѣлали перепись въ Нижнемъ-Новгородѣ и его уѣздѣ крестьянамъ, бобылямъ и дворамъ ихъ; послѣднихъ оказалось въ городѣ и уѣздѣ 38,466 (214:).

Въ 1652 году совершенно былъ оконченъ Преображенскій Соборъ, а въ слѣдующемъ, 1653, была произведена починка Кремля, на что взято денегъ изъ суммъ Печерскаго Монастыря 33 руб. 10 алтынъ и 3 деньги (215:).

Въ 1655 году въ Нижнемъ-Новгородѣ усилились воровства и убійства; для открытія преступленій и наказанія виновныхъ былъ присланъ Борисъ Григорьевичъ Теряевъ, человѣкъ недобросовѣстный: онъ бралъ посулы, оправдывалъ преступниковъ, а невинныхъ казнилъ.—Но это не прошло ему даромъ: кто-то сдѣлалъ на него доносъ, явился изъ Москвы слѣдователь Романъ Воейковъ, открылъ злоупотребленія,—и Теряеву отсѣкли голову; на мѣсто его *къ розыскнымъ дѣламъ* былъ присланъ другой чиновникъ, Борисъ Петровичъ (216:).

Въ 1658 г. моровая язва, свирѣпствовавшая въ Россіи, опустошила и Нижній-Новгородъ, а въ 1659, вѣроятно, по случаю войны со Швеціею, былъ наборъ въ рекруты,—въ Нижнемъ-Новгородѣ взяли съ 25 дворовъ по человѣку; такой же наборъ былъ и въ 1661 году, и въ тотъ же годъ сбирали еще въ солдаты *со вдовъ и недорослей* (217:).

Въ 1665 году сгорѣлъ нижегородскій гостинный дворъ, множество анбаровъ и все строеніе по набережной, начиная отъ Рождественскаго ручья до церкви Параскевы Пятницы (218:).

Разбои, свирѣпствовавшіе по Волгѣ и Каспійскому морю, много вредили торговлѣ русскихъ съ Востокомъ. Царь Алексѣй Михайловичъ вздумалъ, для обеспеченія ея, построить морскія суда, и первое изъ нихъ, называемое Орелъ, было сооружено подъ надзоромъ голландскихъ мастеровъ, на Окѣ, близь села Деднова (219:).

Этотъ корабль, подъ начальствомъ голландскаго полковника Старка, прибылъ въ Нижній-Новгородъ 8 числа Іюля 1669 года, а 12 числа того же мѣсяца отправился въ Астрахань. Находившійся въ числѣ офицеровъ Орла поручикъ Старкъ оставался въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣсколько времени и дѣлалъ закупку снастей для корабля (220:).

Въ 1671 году Стенька Разинъ, донской казакъ, собравъ шайки удальцовъ, злодѣйствовалъ въ Низовьѣ Волги,—взялъ Астрахань, Саратовъ, и придвинулся къ Симбирску, а его единомышленники, овладѣвъ Курмышомъ и Цивильскомъ, появились въ уѣздахъ нижегородскомъ и арзамасскомъ. Ими предводительствовалъ какой-то Максимъ Іоасафовъ, который, какъ говоритъ повѣсть о самозванцахъ, принялъ на себя *великое имя* и, называясь какимъ-то царевичемъ, думалъ во-

зобновить въ Россіи смуты и бѣдствія, *прелестныя своя разнощаше писанія* и вездѣ стараясь возмутить крестьянъ и *холопей.*

Главные притоны бунтовщиковъ около Нижняго были:—село Богородское, Лысенковскій и Вѣтчакавскій перевозы, первый на Окѣ, второй на Кудьмѣ.

Городъ Мурашкинъ (221), принадлежавшій Борису Ивановичу Морозову, былъ разграбленъ, и тамошняя соборная церковь Рождества Христова сожжена, хранившіяся въ немъ 13 пищалей и 1174 ядра достались въ руки разбойниковъ.—Лысковцы соединились съ разинцами и ходили вмѣстѣ съ ними осаждать Макарьевскій Желтоводскій Монастырь; но монахи и служки отразили нападеніе, стрѣляя изъ пушекъ, мушкетовъ, и бросая каменья въ осаждающихъ (222:).

Еще ранѣе того воевода нижегородскій Василій Яковлевичъ Голохвастовъ писалъ къ царю Алексѣю Михайловичу объ угрожавшей опасности Нижнему-Новгороду и его области, и царь повелѣлъ починить обветшавшія стѣны Кремля нижегородскаго и принять всѣ мѣры предосторожности.

Наконецъ, сообщники Разина проникли и въ Нижній-Новгородъ: два казака явились въ немъ съ возмутительными письмами, и уговаривали нижегородцевъ сдать городъ Разину и его соумышленникамъ. Но нижегородцы, всегда вѣрные царю и отечесту, *тоя прелести непослушали,* схватили казаковъ и представили воеводѣ.

Голохвастовъ приказалъ повѣсить лазутчиковъ, потомъ, собравъ дворянъ нижегородскихъ, онъ послалъ ихъ на сообщниковъ Разина, укрѣпившихся въ селѣ Богородскомъ. Дворяне взяли Богородское, побили множество казаковъ, очистили перевозы Вѣтчаковскій и Лысенковскій, и усмирили все Березополье.

Между тѣмъ, шайка казаковъ, овладѣвшая Мурашкиномъ, двинулась къ Арзамасу, но была разбита подъ городомъ арзамасскими дворянами и ратниками, которыми предводительствовалъ храбрый воевода арзамасскій князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ. Арзамасцы преслѣдовали разбойниковъ и еще разбили ихъ подъ Мурашкиномъ, а потомъ взяли Лысково, чѣмъ совершенно избавили Макарьевскій Монастырь отъ опасности. Послѣ того вскорѣ во всемъ нижегородскомъ поволжьѣ волненіе было подавлено.

Но Нижній не былъ еще въ безопасности: въ области его появились новые враги законной власти—раскольники. Они своими лжеученіями соблазняли маловѣрныхъ крестьянъ, такъ-что во многихъ селахъ и деревняхъ жители *въ церкви Божіи не приходили и пѣнія церковнаго и таинствъ не принимали... и многіе съ женами и дѣтьми на овинахъ пожигались.* У этихъ-то изувѣровъ, всегда готовыхъ на сокрытіе разврата и преступленія, сообщники Разина нашли себѣ прибѣжище:—Мурашкино, Работки, Безводное и Боръ были притономъ злодѣевъ.—Но поимка Разина и казнь его значительно ослабили бунтовщиковъ, которыхъ вскорѣ и усмирили (223:).

Въ тотъ же годъ былъ обмѣрянъ Кремль нижегородскій и сдѣлана ему опись Нелюбомъ Морневымъ (224:).

Въ слѣдующемъ году былъ неурожай хлѣба, по случаю шедшихъ проливныхъ дождей; цѣна на него возвысилась до рубля за четверть.—Неурожай продолжался три года (225:).

Нижній-Новгородъ, какъ сказано выше, не имѣлъ своего епископа. Сначала основанія онъ зависѣлъ, по дѣламъ Церкви, отъ епископовъ владимірскихъ, потомъ суздальскихъ, а отъ нихъ перешелъ въ вѣдѣніе митрополитовъ московскихъ. Съ учрежденіемъ патріаршества назначалась было въ Землѣ Низовской архіепископская каѳедра, но это назначеніе почему-то ни при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, ни при Годуновѣ не было приведено въ исполненіе.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ 1625 г., вся Земля Низовская, уже, стала принадлежать къ патріаршей области. Между тѣмъ, расколы, давно терзавшіе Россію, усиливались болѣе и болѣе; невѣжественные и своекорыстные расчеты людей не благонамѣренныхъ выставляли исправленіе перевода церковныхъ книгъ дѣломъ богопротивнымъ (226:).

Изувѣры сначала скрывались въ скитахъ и непроходимыхъ лѣсахъ, потомъ стали являться по селеніямъ и городамъ и вездѣ распространять свое нелѣпое ученіе.—Это бѣдствіе для православія сильно развилось въ Землѣ Низовской и самомъ Нижнемъ-Новгородѣ.

Благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ, для пресѣченія зла, опредѣлилъ непремѣнно быть въ Нижнемъ особой епархіи.

Въ 1667 году, для суда патріарха Никона, былъ въ Москвѣ Соборъ, на который, кромѣ представителей Россійской Церкви, прибыли и восточные патріархи—Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій. Всѣмъ собравшимся святителямъ предложено было на судъ благочестивое желаніе государя и представлена была грамата, утвержденная при царѣ Ѳеодорѣ, о назначеніи въ Землю Низовскую архіерея. Святители занимались разсматриваніемъ этого дѣла, но почему-то рѣшительнаго утвержденія не послѣдовало.

Прошло еще пять лѣтъ, расколы въ Землѣ Низовской усилились еще болѣе. Наконецъ, въ незабвенный для Россіи годъ рожденія Великаго Преобразователя, былъ собранъ въ Москвѣ новый Соборъ, и имъ опредѣлено: *въ великомъ княженіи Низовскія Земли архіерею быти* съ достоинствомъ митрополита, именоваться нижегородскимъ и алатырскимъ. Къ митрополіи нижегородской причислены еще были города—Курмышъ и Ядринъ, а въ степеняхъ епархій она поставлена послѣ рязанской и выше бѣлогородской.

Въ санъ новаго митрополита былъ избранъ, извѣстный по уму и благочестію, нижегородскій урожденецъ, архимандритъ Владимірскаго Рожественскаго Монастыря, Филаретъ. Рукоположеніе его совершено 2 Іюня, въ день крещенія трехдневнаго младенца Петра (Ве-

ликаго); при этомъ крещеніи присутствовалъ и вновь хиротонисанный митрополитъ.

При отъѣздѣ Филарета на нижегородскую каѳедру, ему дана въ благословеніе икона Иверскія Божія Матери, которая нынѣ стоитъ у самыхъ царскихъ вратъ въ Нижегородскомъ Спасопреображенскомъ Соборѣ.

По пріѣздѣ своемъ въ Нижній-Новгородъ, Филаретъ, на память учрежденія нижегородской епархіи и избранія своего въ санъ митрополита, приказалъ устроить въ новомъ Преображенскомъ Соборѣ архіерейское мѣсто. Также по его распоряженію были перенесены изъ стараго Собора, грозившаго уже паденіемъ, въ новый всѣ гробницы князей и княгинь; туда же перенесъ онъ изъ Городецкаго Михайловскаго Собора прахъ несчастнаго Бориса Константиновича (227:).

Въ благополучное царствованіе Алексѣя Михайловича въ Нижнемъ-Новгородѣ, кромѣ Преображенскаго Собора, выстроены еще восемь каменныхъ церквей,—а именно: 1, въ честь обновленія Храма Господня, въ Воскресенскомъ Монастырѣ; 2, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, въ Благовѣщенскомъ Монастырѣ; 3, Знаменскій Соборъ, или Женъ Мvроносицъ, въ Пушкарской слободѣ; 4, Рождества Пресвятыя Богородицы, на бечевѣ; 5, св. Пророка Иліи; 6, св. Николая Чудотворца, близь гостиннаго двора, у таможни; 7, Живоначальныя Троицы и 8, Успенія Божія Матери (228:).

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, въ 1677 и 1678 годахъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и его уѣздѣ была опять перепись, которую производили: въ городѣ—Данило Ивановичъ Сатинъ, а въ станахъ—закудемскомъ—Петръ Свѣчинъ, въ Березопольскомъ—князь Юрій Михайловичъ Солнцевъ-Засѣкинъ. По этой описи, какъ въ городѣ, такъ и уѣздѣ, оказалось уменьшеніе домовъ противъ описи 1621 и 1631 годовъ, а именно было: въ городѣ 1274 двора, а въ уѣздѣ 24,966 дворовъ (229:).

Въ 1683 г., 26 Августа, нижній посадъ города былъ опустошенъ пожаромъ: сгорѣло четыре церкви, солодовенный рядъ и множество судовъ на Окѣ, при чемъ погибло и много народу; въ слѣдующій годъ это бѣдствіе повторилось 29 Іюня; до чиста выгорѣли Монастырь Зачатіевскій, церковь Параскевы Пятницы и окружавшіе ихъ дворы (230:).

Въ 1685 году въ Нижнемъ-Новгородѣ прожилъ двѣ недѣли имеретинскій царь Арчилъ съ царицею и дѣтьми своими. Онъ въ 1683 году принятъ былъ подъ покровительство Россіи, жилъ сначала съ своимъ семействомъ на Теркѣ, потомъ получилъ позволеніе переѣхать въ Москву; путь его лежалъ чрезъ Нижній-Новгородъ, потому-то сюда и высланы были, для проѣзда Арчила до Москвы, три царскія кареты, а для встрѣчи и сопровожденія его—дворяне, дѣти боярскіе, копѣйщики и рейторы.

Граматой царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, данной нижегородскому митрополиту Филарету 14 Сентября, повелѣно

было, для проѣзда Арчилла отъ Нижняго-Новгорода до Мурома, отпустить подъ кареты лошадей и *возниковъ самыхъ добрыхъ* изъ Монастырей Нижегородскаго Печерскаго и Макарьевскаго Желтоводскаго.

Арчиллъ съ женою и дѣтьми прибылъ въ Нижній изъ Астрахани въ Ноябрѣ 1685 года, въ сопровожденіи думнаго дворянина Степана Богдановича Ловчикова. Встрѣча ему сдѣлана великолѣпная,—*всѣмъ городомъ*, какъ говоритъ лѣтописецъ (231:).

Въ 1695 году Нижній-Новгородъ имѣлъ счастіе въ первый разъ видѣть въ стѣнахъ своего Кремля великаго преобразователя Россіи, во время похода его подъ Азовъ.

Послѣ двухъ неудачныхъ походовъ въ Крымъ, въ 1687 и 1689 годахъ, боярина князя Голицына, произведенныхъ правительницею Софіею Алексѣевною въ исполненіе договора, заключеннаго съ Яномъ III Собіесскимъ, королемъ польскимъ, Петръ какъ будто вовсе не заботился объ исполненіи этого договора: проводилъ время съ потѣшными, катался по Переяславскому озеру, Бѣлому морю,—и вдругъ, послѣ *Кожуховскаго похода,* онъ рѣшился воевать съ турками, чтобъ обезопасить южныя области Россіи отъ набѣговъ крымцевъ, бывшихъ подъ властію султана.

Въ Январѣ 1695 г. походъ былъ объявленъ, а войско двинулось весною. Старый строй и казаки, въ числѣ 120 т. человѣкъ, подъ начальствомъ Бориса Петровича Шереметева, пошли къ устьямъ Днѣпра, а полки потѣшные, солдатскіе, приказы стрѣлецкіе, люди комнатные и царедворцы, всего 31,000 челов., должны были отправиться къ Азову, подъ начальствомъ Гордона и Лефорта; при этомъ войскѣ находился и преображенскій полкъ, бомбандирскою ротою котораго командовалъ самъ государь, называвшійся тогда *бомбандиромъ Петромъ Алексѣевымъ*.

Гордонъ отправился сухимъ путемъ на Тамбовъ и Усть—Хоперскъ; остальное войско 30 Апрѣля сѣло на струги въ Москвѣ. Оно состояло изъ двухъ отдѣленій,—первое, подъ командой Головина, заключало въ себѣ полки: Преображенскій, Семеновскій и стрѣлецкіе—Сухаревъ, Дементьевъ, Озеровъ, Готовцевъ, Макшеевъ и Батуринъ; во второмъ, находившемся подъ командою Лефорта, былъ полкъ его имени, отряды царедворцевъ и нѣкоторые стрѣлецкіе полки (232:).

Первое отдѣленіе занимало 77 струговъ; вѣроятно, и другое—столько же. Сорокъ струговъ были заняты артиллеріею, состоявшею изъ 104 мортиръ и 44 пищалей голландскихъ, 14,000 бомбъ, 9,100 ядеръ, 1,000 гранатъ и 16,600 пудовъ пороха.

Мая 16-го государь и все войско достигли Нижняго-Новгорода, гдѣ въ то время были воеводами стольники—Павелъ Өедоровичъ Леонтьевъ и сынъ его Өедоръ Павловичъ, а дьякомъ—Өедоръ Чередѣевъ; митрополитомъ же былъ Павелъ, вступившій на митрополію нижегородскую на мѣсто Филарета, изъ его домовыхъ казначеевъ, и хиротонисанный прямо изъ іеромонаховъ.

Плаваніе войска отъ Москвы до Нижняго-Новгорода по рѣкамъ Мо-

сквѣ и Окѣ было не очень благополучно, отъ вѣтровъ и ненастья, Волга была въ разливѣ,—по этому государь счелъ опаснымъ продолженіе похода на мелкихъ судахъ, и рѣшился перегрузить артиллерію изъ 40 коломенокъ на 9 нижегородскихъ паузковъ, изъ которыхъ каждый поднималъ отъ 9 до 10 т. пудовъ.

Это задержало государя въ Нижнемъ-Новгородѣ недѣлю, въ продолженіе которой онъ постоянно занятъ былъ перегрузкою артиллеріи и дѣлами, относящимися къ крымскому походу.

Отсюда государь писалъ въ Москву къ механику Крафту, приказывая ему заказать въ Швеціи готовальню, съ разными осадными инструментами, такую, которую бы можно было носить при себѣ на поясѣ. Письмо это государь подписалъ: *его пресвѣтлѣйшества, генералиссимуса князя Ѳедора Юрьевича* (Ромадановскаго) *бомбандиръ Питеръ.*

Въ этотъ проѣздъ государь останавливался въ Почайновской улицѣ, въ каменномъ домѣ Чатыгина, принадлежащемъ нынѣ Г. Польцъ.

Мая 23 государь оставилъ Нижній-Новгородъ; 24 проплылъ Казань, 26—Симбирскъ; 7 Іюня присталъ къ Царицыну. Отсюда войско пошло сухимъ путемъ къ Дону, въ казачій городокъ Паншинъ, до котораго достигло въ трои сутки, и отправилось Дономъ къ Азову. Въ день тезоименитства своего государь присталъ къ устью Койсу, гдѣ назначена была высадка войска (233:).

Въ слѣдующемъ году скончался митрополитъ Павелъ. Во время его управленія епархіею былъ построенъ Благовѣщенскій Соборъ нижегородскимъ урожденцемъ Тихономъ, митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ, а въ послѣдствіи—казанскимъ. Мѣсто Павла заступилъ Трифиллій, который въ 1699 г. былъ переведенъ на кафедру сарскую и подонскую; за нимъ слѣдовалъ Ісаія, удаленный въ 1707 г., за потворство раскольникамъ, въ Кириловъ Бѣлозерскій Монастырь. Онъ основалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ обитель Живоноснаго источника, и при немъ построена, въ нынѣшнемъ видѣ, церковь св. Георгія, замѣчательная по своей архитектурѣ.

Преемникъ Ісаія Сильвестръ, правилъ нижегородской епархіей до 1719 года; при немъ построено шесть каменныхъ церквей, а именно: Вознесенская, Покровская, Сергіевская, Николаевская, на гребешкѣ, Рождественская, въ нынѣшнемъ ея видѣ, и колокольня Преображенскаго Собора. Такъ же имъ основанъ Нижегородскій Ивановскій Монастырь (234:).

Въ 1710 г. были присланы въ Нижній-Новгородъ плѣнные шведы (235:).

Въ 1711 году Нижній опять пострадалъ отъ пожара:—выгорѣла внутренность кремля. Въ 1715 году несчастіе повторилось еще сильнѣе; при этомъ погорѣли и Монастыри Зачатіевскій и Происхожденскій (236:).

Въ 1718 году Петръ Великій, устроивая санктпетербургское адмиральтейство, учредилъ при немъ канатный, или прядильный дворъ,

и желая имѣть въ немъ достаточное число прядильщиковъ, писалъ повелѣнія къ начальникамъ тѣхъ губерній, въ которыхъ жители занимались пряденіемъ канатовъ; въ числѣ этихъ повелѣній послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, на имя нижегородскаго вице-губернатора князя Степана Ивановича Путятина, о высылкѣ въ Санктпетербургъ изъ Нижняго-Новгорода и другихъ городовъ губерніи 50 человѣкъ прядильщиковъ, на 2 года. На дорогу повелѣвалось дать имъ *подможныя деньги, почему пристойно* (237:).

Въ слѣдующемъ году митрополитъ Сильвестръ былъ переведенъ въ Смоленскъ. Онъ заключилъ собой рядъ нижегородскихъ митрополитовъ, и епархія нижегородская послѣ него стала епископіей. На мѣсто Сильвестра поступилъ, извѣстный по обращенію раскольниковъ, Питиримъ, бывшій архимандритомъ Керженбельмашскаго Монастыря (238), уже съ 1707 года ниспровергавшій лжеученіе въ землѣ Низовской и кроткимъ словомъ Евангелія обратившій уже тысячи заблудшихъ на путь истинный (239:).

Въ 1721 году написаны имъ отвѣты на 240 раскольническихъ вопросовъ, которые напечатаны подъ названіемъ *пращицы,* и, по Высочайшей волѣ, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Питирима, были разосланы для руководства по всѣмъ епархіямъ. Въ тотъ же годъ Питиримъ основалъ двѣ школы, еллино-греческую и славяно-русскую; въ началѣ четвертаго года своего правленія нижегородской епархіею, онъ имѣлъ счастіе встрѣчать въ Нижнемъ-Новгородѣ императора Петра, когда онъ шелъ въ Персію, гдѣ слабое правленіе Гуссейна, послѣдняго шаха изъ династіи Софіевъ, дало средства усилиться вельможамъ персидскимъ.—Даудъ-Бекъ, одинъ изъ возставшихъ противъ законной власти, взялъ Шемаху и умертвилъ, по свидѣтельству Котифора, до 300 русскихъ, находившихся въ этомъ городѣ.

Кровь русскихъ, оскорбленія народнаго права—требовали справедливаго отмщенія; къ тому же просьбы Гуссейна, союзника Россіи, утѣсненнаго крамольными вельможами, и мысль—присоединить къ Россіи Кавказъ, представлявшій богатыя выгоды для торговли, побудили Петра обратить свое вниманіе на Югъ имперіи и вступить въ войну съ бунтовщиками.

Немедленно, послѣ заключенія славнаго нейшдадскаго мира, государь началъ готовиться къ походу. Интендантъ Потемкинъ и генералъ-маіоръ Матюшкинъ были посланы въ Нижній-Новгородъ, первый для заготовленія судовъ, потребныхъ къ переправѣ войска, а второй для принятія надъ ними начальства.

Мая 15-го 1722 года императоръ и императрица, отслушавъ литургію и напутственный молебенъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, сѣли въ струги на Москвѣ рѣкѣ, а 26 тогоже мѣсяца достигли Нижняго-Новгорода, гдѣ встрѣтили ихъ безчисленныя толпы народа и всѣ власти города, духовныя и свѣтскія. Епископъ Питиримъ, вице-губернаторъ Ржевскій и интендантъ Потемкинъ выѣхали на встрѣчу императора въ шлюбкѣ. Петръ принялъ ихъ очень благосклонно,

особливо Питирима, который, по словамъ лѣтописца, *получилъ въ галерѣ великаго государя всерадостную превысокую милость* (240:).

Въ то время въ Нижнемъ-Новгородѣ были слѣдующія присутственныя мѣста: 1) губернская канцелярія, въ которой предсѣдательствовалъ вице-губернаторъ, имѣвшій чинъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручика; подъ его вѣдѣніемъ были: 1 секретарь, 4 канцеляриста, 8 копіистовъ и 3 сторожа; 2) камерирская контора для сбора доходовъ; ею управлялъ камериръ, при которомъ находились писарь и 4 копіиста; 3) надворный судъ, для суда и расправы; президентомъ въ немъ былъ также вице-губернаторъ, а вице-президентомъ—князь Василій Гагаринъ, при нихъ 2 ассесора, 2 секретаря, 4 канцеляриста, 8 копіистовъ и 2 сторожа; 4) крѣпостная контора, для письма крѣпостей и сбору съ нихъ пошлинъ; въ ней были: надсмотрщикъ и 5 писцовъ; 5) магистратъ, въ которомъ было 2 бургомистра и 3 ратмана; 6) таможня, 7) кабацкая контора и 8) конская изба; тремя послѣдними управляли особые бургомистры, при которыхъ находились цѣловальники. Мѣсто провинціалъ-фискала (нынѣшняго губернскаго прокурора) занималъ тогда Дмитрій Пироговъ. При всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ было розсыльщиковъ 100 человѣкъ (241:).

На этотъ разъ императоръ и императрица остановились въ домѣ именитаго человѣка Строгонова, который пользовался особеннымъ благоволеніемъ государя, и даже удостоивался переписки съ нимъ и его супругой.

Первымъ дѣломъ императора, по пріѣздѣ, былъ осмотръ флотиліи, назначенной для похода въ Персію. Послѣ этого государь обозрѣвалъ городъ, выстроенный по горамъ неправильно, но живописно; обратилъ особенное вниманіе на древній Кремль,—защиту города противъ казанскихъ татаръ,—потерявшій, впрочемъ, свое прежнее значеніе.

Въ это время все вооруженіе Нижегородскаго Кремля состояло изъ 3 мѣдныхъ и 10 чугунныхъ пушекъ и 60 затинныхъ пищалей; при нихъ было артиллерійскихъ служителей, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, 6 человѣкъ (242:).

На другой день, въ воскресенье, государь слушалъ въ Спасопреображенскомъ Соборѣ литургію, совершаемую протопопомъ Алексѣемъ Васильковымъ; послѣ литургіи удостоилъ своего посѣщенія Питирима въ его келліяхъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ паствы, потомъ осматривалъ губернскую канцелярію, гдѣ спросилъ вѣдомость о дѣлахъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ, и кушалъ въ этотъ день у Строгоновыхъ.

На слѣдующій день государь удостоилъ этой чести вице-губернатора. Во время стола Петръ обратилъ разговоръ на спасителя Отечества—Минина, расправшивалъ о преданіяхъ, сохранившихся о немъ и жалѣлъ, что потомство его прекратилось. Послѣ обѣда государь осматривалъ пристань, гдѣ найдя купеческія суда, построенныя по старинному, неудобно для морской навигаціи, сдѣлалъ вы-

7.

Bayerische Staatsbibliothek München

говоръ Ржевскому, и указомъ повелѣлъ строить суда такъ, чтобъ онѣ могли ходить въ морѣ. Государь также приказалъ учредить въ Нижнемъ верфь для дѣланія мачтъ, парусовъ и вообще всего такелажа, а мастеровъ прислать изъ Санктпетербурга. Главный надзоръ за верфію порученъ былъ вице-губернатору и интенданту.

Мая 30 Петръ Великій праздновалъ день своего рожденія по всѣмъ церквамъ нижегородскимъ по *храмовой главѣ* Ісаакію Далматскому. Наканунѣ слушалъ всенощную въ церкви Собора Богородицы, что близь дома Строгоновыхъ, а 30 числа, вмѣстѣ съ императрицею, былъ у литургіи въ Спасопреображенскомъ Соборѣ, гдѣ самъ съ пѣвчими пѣлъ на клиросѣ и читалъ Апостолъ. Священнодѣйствовали: епископъ Питиримъ, архимандритъ Макарьевскаго Монастыря Филаретъ и ключарь соборный, священникъ Іоаннъ, да придворный протодіаконъ. Въ этотъ день государю исполнилось 50 лѣтъ.

Отслушавъ обѣдню, онъ спросилъ, гдѣ могила Минина, и увидѣвъ ее, поклонился до земли, и сказалъ: *вотъ истинный спаситель отечества!* Потомъ государь, вмѣстѣ съ государыней, посѣтилъ епископа и пригласилъ его къ обѣденному столу, къ которому приглашены были вице-губернаторъ съ другими знатными особами, также архимандриты и игумены. Послѣ стола государь былъ въ ратушѣ и въ гостяхъ у бургомистра Якова Пушникова, а въ два часа ночи, простясь съ епископомъ и вице-губернаторомъ, отправился въ дальнѣйшій путь на тѣхъ же судахъ, на коихъ прибылъ изъ Москвы.

Этотъ годъ втораго прибытія Петра Великаго въ Нижній-Новгородъ,—годъ пятидесятилѣтняго юбилея жизни государя, былъ годомъ пятисотлѣтняго юбилея существованія самаго города, и замѣчателенъ еще пожаромъ, опустошившимъ 17 Сентября Благовѣщенскій Монастырь, часть посада по Окѣ и нѣсколько церквей (243:).

Царствованіе Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны было ознаменовано въ Нижнемъ-Новгородѣ и во всей Землѣ Низовской продолженіемъ подвиговъ Питирима, которые подробно описаны въ III главѣ второй части этой книги.

Въ управленіе Питирима нижегородской епархіей, въ Нижнемъ-Новгородѣ построены каменныя церкви св. Іоанна Предтечи и Владимірскія Божія Матери, первая въ Благовѣщенской слободѣ, а вторая въ слободѣ Кунавинской.

Послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны, правленіе Іоанна Антоновича и годъ вступленія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны были памятными годами въ исторіи просвѣщенія нижегородскихъ иновѣрцевъ. Въ 1740 году, по имянному указу, для просвѣщенія мордвы, чувашей и черемисъ выбраны были въ казанской губерніи тридцать молодыхъ людей изъ разныхъ сословій, знающіе языки тѣхъ племенъ, приготовлены въ священно-служители, и посланы просвѣщать идолопоклонниковъ нижегородской и казанской губерній.

Кромѣ этихъ просвѣтителей, приготовленныхъ заботливымъ прави-

тельствомъ, были еще поборники православія по призванію, которые своимъ примѣромъ и трудами принесли много пользы въ дѣлѣ обращенія язычниковъ въ Христіанство. Таковъ былъ Θедоръ Догада, мордвинъ арзамасскаго уѣзда, дворцовой ясашной волости, деревни Камкинской.

Въ 1731 году Догада принялъ св. крещеніе въ Московскомъ Богоявленскомъ Монастырѣ, и чрезъ 9 лѣтъ, при нижегородскомъ епископѣ Іоаннѣ, онъ, какъ просвѣтитель мордвы, былъ посланъ мордовскимъ камкинскимъ обществомъ къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ *«всенижайше просить о томъ, чтобы повелѣно было по желанію ихъ просвѣтить свѣтомъ св. крещенія»*.

Нужно ли говорить, какъ было принято это прошеніе?—Императрица, кромѣ другихъ милостей, оказанныхъ новообращающимся, повелѣла на казенную сумму построить въ Камкинѣ церковь, снабдить ее утварью и серебряными сосудами, а также отлить для нея въ Москвѣ, изъ казенной мѣди, три колокола въ 10 пуд. 5 пуд., и 3 пуда.

Епископы нижегородскіе—Іоаннъ, Веніаминъ, Θеофанъ и особенно знаменитый ораторъ и мужъ государственный Димитрій Сѣченовъ были ревностными дѣятелями въ дѣлѣ обращенія нижегородскихъ иновѣрцевъ.

Вслѣдствіе указа 16 Января 1751 года, при епископѣ Θеофанѣ, стали поступать въ нижегородскую семинарію для обученія принявшіе крещеніе татары, мордва, черемисы и чуваши. Нѣкоторые изъ нихъ оставались въ духовномъ званіи, и впослѣдствіи проповѣдывали Слово Божіе между своими единоплеменниками (244:).

Великая Екатерина, обожаемая Россіей, въ пятый годъ своего царствованія, вознамѣрилась, для блага своихъ подданныхъ, обозрѣть лично внутреннія губерніи своего безконечнаго царства.—

Въ Маѣ 1767 г. государыня изволила сухопутно прибыть, въ сопровожденіи многочисленной свиты и дипломатическаго корпуса, въ Тверь, гдѣ приготовлены были для путешествія Ея Величества галеры, транспортныя, экипажныя, лазаретныя и провіантскія суда. Въ свитѣ императрицы находились: фрейлины—Авдотья Полянская и Елизавета Шакелзбергъ; Графы Чернышевы, Орловы, Шуваловъ и другія приближенныя особы; посланники—австрійскій,—кн. Лобковичъ, прускій—гр. Сольмсъ, испанскій—викомтъ Де-ла-Герерхъ, датскій—Ассебургъ и шведскій—Баронъ Рибенгъ (245:).

Мая 9 императрица прибыла въ Ярославль, 14 въ Кострому; въ Нижній-Новгородъ ожидали ее 20 числа. Задолго еще до этого дня, въ Нижній-Новгородъ ѣхали и шли, даже изъ отдаленныхъ концовъ губерніи, люди всѣхъ сословій, чтобъ имѣть счастіе, хотя разъ въ жизни, взглянуть на славную Монархиню.

Въ городѣ стало тѣсно,—дома всѣ уже, какъ говорится, были биткомъ набиты народомъ, а множество опоздавшихъ пришлецовъ, по недостатку квартиръ, день и ночь жили на улицахъ.

Мая 20, съ утренней зари, улицы Нижняго-Новгорода кипѣли на-

родомъ, одѣтымъ въ праздничное платье; тутъ были люди всѣхъ сословій, состояній, всякаго возраста, и всѣ стрѣмились на берега Оки и Волги, на нижній базаръ, или нынѣшнюю Рождественскую улицу, и въ Кремль.

Въ восемь часовъ раздался сигнальный выстрѣлъ со стѣны Кремля. Галеры императорскія были въ виду,—въ народѣ пронесся радостный гулъ. Еще прошло нѣсколько минутъ—и громъ пушекъ, съ Кремля и судовъ, стоявшихъ у берега, колокольный звонъ и незаглушимое русское ура—возвѣстили, что царственная путешественница достигла устья Оки.

Императрица съ галеры пересѣла въ шлюпку, и на ней уже прибыла къ пристани, нарочно устроенной на берегу, противъ солянаго двора (246:). Тутъ ожидали ее нижегородскій губернаторъ Яковъ Степановичъ Аршеневскій, вице-губернаторъ Максимъ Ивановичъ Макшеевъ, дворянство и почетное купечество. Государыня удостоила ихъ своего милостиваго слова, привѣтствовала народъ, и оглушительное ура снова потрясало воздухъ.

Императрица, сѣвъ въ приготовленную для нея карету, отправилась въ Спасопреображенскій Соборъ; Аршеневскій, Макшеевъ и множество штабъ и оберъ-офицеровъ сопровождали ее верхами.

По обѣимъ сторонамъ дороги разставлено было пять ротъ гренадерскаго полка, которыя отдали императрицѣ салютъ барабаннымъ боемъ и преклоненіемъ знаменъ. Народъ бѣжалъ за экипажемъ государыни, потрясая воздухъ радостнымъ ура, кидалъ вверхъ шапки и хватался за карету, чтобъ везти ее на себѣ.

Императрица въѣхала въ Кремль чрезъ Ивановскіе ворота, которые были украшены картинами, представлявшими разныя событія славныхъ ея подвиговъ. Тутъ же на воротахъ поставлены были музыканты, привѣтствовавшіе вѣнценосную путешественницу торжественнымъ кантомъ.

Карета императрицы остановилась на кремлевскомъ съѣздѣ, у лѣстницы, которая шла отъ него къ колокольнѣ Спасопреображенскаго Собора. Императрица, вышедши изъ экипажа, поднялась по лѣстницѣ и шествовала между густыми толпами народа, отдѣленнаго отъ пути ея протянутыми веревками. Во время этого шествія вѣтромъ подняло край краснаго сукна, которымъ была устлана лѣсница и все разстояніе отъ нея до собора; видя это, одна мѣщанка сорвала съ головы красный шелковый платокъ и разослала его на обнаженномъ мѣстѣ, за что удостоилась высочайшей улыбки, а потомъ и подарка.

Епископъ нижегородскій Ѳеофанъ Чарнуцкій, въ полномъ облаченіи, съ Животворящимъ Крестомъ, окруженный архимандритами и священниками, вышелъ изъ собора на встрѣчу государынѣ.

Императрица въ соборѣ изволила слушать литургію, отправляемую епископомъ, при окончаніи которой протоіерей Григорій Хатунцевскій говорилъ слово; потомъ императрица приложилась къ св. ико-

намъ и отправилась въ назначенный для пребыванія ея архіерейскій домъ.—

Тамъ принимала она и допустила къ рукѣ—губернатора съ членами канцеляріи, дворянство, подъ предводительствомъ вице-губернатора, коменданта съ штабъ и оберъ-офицерами, епископа и знатнѣйшее духовенство, женъ и дочерей дворянскихъ и почетнѣйшее нижегородское купечество.

Епископъ, губернаторъ съ супругою и еще нѣсколько знатныхъ лицъ удостоились въ тотъ день приглашенія къ обѣденному столу императрицы, который былъ въ ея компатахъ. Послѣ обѣда, до самаго почти вечера, императрица бесѣдовала съ губернаторомъ о состояніи нижегородской губерніи и о ходѣ макарьевской ярмарки, причемъ давала ему различныя наставленія, относящіяся къ управленію губерніею.

На другой день (21 ч.) императрица все утро занималась составленіемъ инструкціи для находившагося въ свитѣ ея лейбъ-гвардіи капитана Бахметева, котораго отправляла въ Ярославль для разобранія ссоръ, возникшихъ тамъ между первостатейными гражданами.

Въ этотъ день императрица кушала въ большомъ залѣ архіерейскаго дома, а въ шесть часовъ пополудни ѣздила обозрѣвать городъ, причемъ удостоила своимъ посѣщеніемъ Аршеневскаго. Отъ него она проѣхала, по Покровкѣ и Ильинкѣ, къ пристани, гдѣ сѣла въ шлюбку, и отправилась къ соляпымъ анбарамъ.

Екатерина давно уже обращала особенное вниманіе на соляную торговлю,—и здѣсь, на самомъ мѣстѣ ея средоточія, хотѣла вникнуть во всѣ ея подробности.

Рѣка вся покрыта была лодками, наполненными горожанами разныхъ сословій, и лишь только императрица сѣла въ лодку, какъ вдругъ раздалось знакомое—торжественное—ура, а на галерахъ заиграла музыка и загремѣли барабаны.

Кажется, въ этотъ же день нижегородскій механикъ—*самоучка*, въ послѣдствіи извѣстный въ ученомъ мірѣ, Иванъ Петровичъ Кулибинъ имѣлъ счастіе быть представленнымъ Ея Величеству графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Кулибинъ поднесъ на разсмотрѣніе императрицы электрическую машину, телескопъ и микроскопъ своей работы, неоконченные свои знаменитые яйцеобразные часы и кантату своего сочиненія.

Великая, понявъ геніальнаго художника, приняла благосклонно его стихи, разсматривала инструменты и внимательно слушала объясненіе его о механизмѣ часовъ, и потомъ допустила къ рукѣ.

Утромъ 22 числа императрица занималась дѣлами во внутреннихъ компатахъ, а въ 12 часу вышла въ залъ, гдѣ собрались въ то время всѣ значительныя особы, находившіяся въ Нижнемъ, и тутъ архимандритъ Оранскаго Монастыря съ братіею, купцы и ихъ жены, изъ которыхъ многіе пріѣхали верстъ за 50 и болѣе, чтобъ только

взглянуть на государыню, имѣли счастіе облобызать руку державной путешественницы.

Въ этотъ день назначенъ былъ отъѣздъ императрицы. Послѣ обѣда снова наполнился залъ и прочія пріемныя комнаты многочисленнымъ собраніемъ духовенства, дворянства и должностныхъ лицъ, для отданія всеподданнѣйшаго поклона государынѣ. Она, допустивъ къ рукѣ епископа и большую часть находившихся въ залѣ, отправилась въ путь.

Государыня ѣхала въ каретѣ до пристани, гдѣ сѣла въ шлюбку, въ которой достигла галеры Тверь. Народъ провожалъ ее громогласнымъ ура, толпясь около кареты, то же ура раздавалось и на Волгѣ съ лодокъ, слѣдовавшихъ за императорскою шлюбкою. Громъ пушекъ и колокольный звонъ неумолкали, покуда галера императрицы не скрылась изъ вида. И долго, долго помнили въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ гостила въ стѣнахъ его Кремля Великая императрица, окруженная блестящимъ дворомъ, иностранными послами и знаменитыми путешественниками (247:).

Не прошло и четырехъ лѣтъ отъ этого радостнаго событія, какъ Нижній-Новгородъ пострадалъ отъ чумы, а потомъ, чрезъ годъ, чуть было не испыталъ нашествія скопищъ самозванца новѣйшихъ временъ, созданнаго не хитрыми іезуитами, какъ было то въ началѣ XVII столѣтія, а невѣжественными русскими раскольниками, постоянными, какъ и послѣдователи Лойлы, врагами всякаго законнаго порядка и покровителями пороковъ и преступленій.

Между казаками, поселившимися въ XV столѣтіи на Яикѣ (Уралѣ) и отдавшимися подъ покровительство Россіи при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, со времени Петра Великаго, господствовалъ духъ мятежа: они, зараженные расколомъ, нехотѣли покориться той системѣ управленія, которую нарочно назначилъ для нихъ Великій Преобразователь. Непокорность ихъ не разъ заставляла Правительство употреблять строгія мѣры. Екатерина Великая, желая положить конецъ этимъ безпорядкамъ, обратила особое вниманіе на Яикъ; но не всѣ лица, которымъ было ввѣрено исполненіе монаршей воли, дѣйствовали добросовѣстно, и потому благія предначертанія, превратно исполняемыя, только усилили зло. Въ 1771 году вспыхнулъ мятежъ, однако рѣшительныя дѣйствія правительства подавили его,—но только подавили, а не истребили. Съ небольшимъ черезъ годъ онъ вспыхнулъ съ новой силой, и на этотъ разъ мятежники повторили продѣлку іезуитовъ, хотѣвшихъ поколебать въ началѣ XVII столѣтія престолъ Мономаха:—мятежники нашли человѣка, который дерзко принялъ на себя священное имя царя русскаго. Несмотря на ничтожность личности самыхъ зачинщиковъ и пошлость самозванца, выдумка имѣла огромный успѣхъ.

Подъ знамена Пугачева, провозглашеннаго мятежниками Петромъ III, устрѣмились племена, враждебныя Россіи. Башкирцы, калмыки, чуваши, черемисы, мордва и недовольные правительствомъ

русскіе, преимущественно раскольники. Успѣхи мятежниковъ въ Оренбургскомъ краѣ и въ пограничныхъ съ нимъ губерніяхъ заставили императрицу принять сильныя мѣры. Въ Декабрѣ 1773 года, для усмиренія мятежниковъ, она назначила главнымъ начальникомъ войска генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова, который, проѣздомъ изъ Санктпетербурга въ Казань, прибылъ въ Нижній-Новгородъ 21-го числа этого же мѣсяца. Въ то время нижегородской губерніею управлялъ губернаторъ генералъ поручикъ Алексѣй Алексѣевичъ Ступишинъ, а епархіей—епископъ Антоній Зыбелинъ.

Бибиковъ, предъявивъ Ступишину свое полномочіе, вручилъ ему 100 экземпляровъ манифеста о Пугачевѣ, даннаго въ Санктпетербургѣ 29-го Ноября 1773 года. Ступишинъ 22-го числа препроводилъ къ Антонію копію съ указа, даннаго Бибикову, и 30 экзепляровъ манифеста, при отношеніи своемъ, которымъ просилъ епископа, чтобы онъ велѣлъ читать манифесттъ по церквамъ въ воскресные и праздничные дни. Антоній разослалъ списки съ манифеста по всѣмъ церквамъ своей епархіи, приказавъ священникамъ, сверхъ чтенія, вразумлять народъ словесными поученіями, что Пугачевъ есть ничто иное, какъ дерзкій обманщикъ. Не смотря на всѣ эти благоразумныя мѣры, около Нижняго-Новгорода стало проявляться волненіе.

Взятіе Пугачевымъ Казани навело ужасъ на Нижній. Опасность еще болѣе усилилась, когда Пугачевъ, разбитый Мехельсономъ и преслѣдуемый графомъ Мелинымъ и Харинымъ, перебрался на правый берегъ Волги, провозгласилъ истребленіе дворянства, а народу вольность, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли. Иновѣрцы, новокрещеные и крестьяне господскіе возстали противъ духовенства, лицъ правительственныхъ и помѣщиковъ. Воеводы, покидая города, дворяне—помѣстья,—старались пробраться въ безопасныя убѣжища; но чернь ловила ихъ, убивала или отводила къ Пугачеву, который предавалъ всѣхъ, вѣрныхъ законной власти, мучительной смерти.

Пугачевъ взялъ Цивильскъ и раздѣливъ свою шайку на двѣ части, послалъ одну по алатырской дорогѣ, другую по нижегородской. Въ Нижнемъ, узнавъ о движеніи мятежниковъ, готовились къ участи, постигшей Казань. Ступишинъ писалъ о томъ къ московскому градоначальнику князю Волконскому, объявляя, что даже не отвѣчаетъ за безопасность самой Москвы, куда, какъ полагали, намѣренъ былъ идти Пугачевъ.

Іюля 20-го дерзкій смѣльчакъ взялъ Курмышъ, потомъ—Ядринъ. Волненіе около Нижняго усилилось еще болѣе: крестьяне явно противились правительству, не хотѣли платить положенныхъ повинностей (248:).

Между тѣмъ, войска отвсюду стремились на Пугачева, а главные сообщники этаго пришлеца—орудія изувѣровъ-раскольниковъ (249), предвидя конецъ дерзкаго своего предпріятія, стали торговаться съ правительствомъ о головѣ своего предводителя. Пугачевъ, узнавъ о

замыслахъ ихъ, и тѣснимый войсками, бѣжалъ: его цѣль была уже не нашествіе на Москву, а спасеніе головы своей; онъ уже думалъ только какъ бы ему пробраться за Кубань или въ Персію. Но бѣгство его не ослабило мятежа, а развило во всей силѣ *пугачевщину*, какъ звалъ этотъ бунтъ простой народъ. Мятежъ, какъ зараза, переходилъ изъ селенія въ селеніе, отъ провинціи къ провинціи. Появлялись два—три злодѣя и нелѣпыми разсказами увлекали за собой тысячи людей. Возникли отдѣльныя шайки бунтовщиковъ-грабителей, и каждая имѣла въ своемъ предводителѣ своего Пугачева.

Въ концѣ Іюля, когда Пугачевъ стрѣмился съ необыкновенной быстротою по пути къ Пензѣ, единомышленники его явились около села Богородскаго, гдѣ прежде у изувѣровъ-раскольниковъ сообщники Разина или Максима самозванца нашли себѣ сочувствіе; но, къ чести березопольцевъ, на этотъ разъ, духъ преданности къ законной власти поборолъ искушеніе мятежниковъ. Три злодѣя, соблазнявшіе березопольцевъ, были пойманы крестьянами Демидова (250), и, связанные ими, представлены въ Нижній къ Ступишину. Губернаторъ велѣлъ повѣсить мятежниковъ на баркахъ и пустить ихъ внизъ по Волгѣ, мимо приволжскихъ бунтовщиковъ.

Благоразуміе, твердость и дѣятельность Ступишина и религіозныя назиданія Антонія спасли Нижній отъ гибели и укротили волненіе въ его окрестностяхъ.

Признательное правительство, отдавая справедливость ревностнымъ защитникамъ престола и отечества, Антонію и Ступишину, возложило на нихъ лестный трудъ—наблюденіе за духовными и свѣтскими лицами, не только подвѣдомственными имъ, но даже находящимися и подъ начальствомъ другихъ. Это видно изъ имяннаго указа, хранящагося въ нижегородской консисторіи, присланнаго изъ Св. Сvнода, по донесенію Ступишина на священника села Покровскаго, находящагося въ арзамасскомъ уѣздѣ, который принадлежалъ тогда къ владимірской епархіи. Этотъ священникъ, по имени Максимъ Петровъ, былъ сужденъ и лишенъ своего сана за то, что подпавши малодушному страху и увлеченный корыстолюбіемъ, призналъ Пугачева императоромъ, поминалъ его на литургіи и служилъ благодарственный молебенъ по случаю будто бы восшествія его на престолъ (251:).

ГЛАВА VII.

ОТЪ ОТКРЫТІЯ НАМѢСТНИЧЕСТВА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

СЪ 1779 ПО 1856 Г.

Мудрая Екатерина II, внѣшней политикой и блистательными успѣхами оружія прославляя въ Европѣ Россію, въ то же время неусыпно заботилась о внутреннемъ ея устройствѣ. Видя безпорядки, проистекавшія отъ воеводскаго управленія, государыня испытывала различныя мѣры для отвращенія ихъ, и наконецъ признала за нужное дать новое образованіе всему внутреннему устройству имперіи.

Въ 1775 г., 7 Ноября, было издано учрежденіе для управленія губерніями. По этому учрежденію каждая губернія должна была заключать въ себѣ отъ 300 до 400 тысячь жителей и раздѣляться на уѣзды въ 20 и 30 тысячь душъ; двѣ и три губерніи должны были составлять намѣстничество, съ тѣмъ, чтобъ каждой губерніей завѣдывалъ губернаторъ, а намѣстничествами—намѣстники государевы или генералъ-губернаторы.

Вслѣдствіе новаго уложенія, разграниченіе областей, передача дѣлъ и суммъ изъ города въ городъ и другія обстоятельства представляли множество затрудненій, потому образованіе губерній шло постепенно и продолжалось двадцать лѣтъ.

Указъ объ открытіи нижегородскаго намѣстничества состоялся 9 Сентября 1779 г. Нижегородскій губернаторъ Алексѣй Алексѣевичъ Ступишинъ, получивъ этотъ указъ, дѣятельно занялся выполненіемъ монаршей воли, въ чемъ много содѣйствовалъ ему епископъ Антоній.

Кромѣ городовъ Арзамаса, Балахны и Василя, вошедшихъ въ составъ нижегородской губерніи, были еще учреждены девять новыхъ городовъ, а именно:—Ардатовъ, Лукояновъ, Починки, Сергачъ, Перевозъ, Княгининъ, Макарьевъ, Семеновъ и Горбатовъ (252:).

Для новыхъ присутственныхъ мѣстъ, образовавшихся въ городахъ, согласно учрежденію о губерніяхъ, требовалось много людей, способныхъ къ канцелярскимъ занятіямъ. Ступишинъ обратился къ Антонію, и просилъ его выбрать годныхъ для этого рода службы изъ воспитанниковъ семинаріи. Антоній представилъ ему двѣсти человѣкъ дѣтей священно-церковно-служительскихъ, умѣвшихъ писать: изъ нихъ Ступишинъ отобралъ и помѣстилъ по разнымъ канцеляріямъ сто пятьдесятъ пять (253:).

Декабря 15 приступлено было къ начальному распоряженію для открытія намѣстничества. Въ этотъ день Ступишинъ и всѣ должностныя лица, также дворянство и купечество, при стеченіи многочисленнаго народа, слушали въ Преображенскомъ Соборѣ божественную литургію, совершенную преосвященнымъ Антоніемъ съ высшимъ городскимъ духовенствомъ, въ концѣ которой достойный архипастырь—высокій витія, въ краснорѣчивомъ словѣ указалъ на мудрое попеченіе императрицы о благѣ подданныхъ и на всѣ благодѣтельныя слѣдствія, которыя должны произойти отъ новой системы управленія; за тѣмъ послѣдовало молебствіе о подаціи успѣховъ благому начинанію.

Торжественное же открытіе намѣстничества происходило 22 Декабря; въ этотъ день всѣ упомянутыя лица собрались въ Преображенскій Соборъ, гдѣ также, какъ и 15 числа, литургисалъ Антоній и говорилъ слово на текстъ: «Мое бо брашно есть, да сотворю волю пославшаго Мя, и совершу дѣло Его» (Іоанна гл. IV ст. 34:).

Послѣ благодарственнаго молебствія епископъ, Ступишинъ и всѣ высшія городскія лица отправились въ домъ намѣстничества, гдѣ снова было совершено молебствіе съ водоосвященіемъ, по окончаніи котораго Антоній, окропивъ святой водой присутствіе намѣстническаго правленія, сказалъ Ступишину и прочимъ начальственнымъ лицамъ рѣчь, въ которой, на основаніи словъ евангелія, дѣяній и посланій апостольскихъ и псалмопѣвца, живо изобразилъ значеніе судей и ихъ обязанности. Вотъ какъ заключилъ это слово Антоній, обращаясь къ

Ступишину: «паче же твое многоименитый предъ прочими мужъ сер«дце, благость Вышняго да исполнитъ крѣпости, къ прохожденію «возложенныя на тебя многотрудныя должности, и вразумитъ ко «исполненію премудрыхъ постановленій августѣйшія законодательни«цы, ввѣрившія въ главное твое попеченіе сію часть отечества! Бу«ди якоже свѣтильникъ, горяй и не угасаяй во дни и нощи! Твое «бодрствованіе въ подвигахъ подастъ другимъ неотрицаемый примѣръ «къ трудолюбію и ревностному должностей исполненію! Симъ обра«зомъ всякъ отъ васъ предъ Богомъ и престоломъ Помазанницы Его «не постыдно можетъ рѣщи тако: «дѣло совершихъ, еже дала еси «мнѣ да сотворю» (Іоан. гл. XVII ст. 4:) (254:).

Весело праздновали нижегородцы 22-го Декабря 1779 г. Отъ имени всего благороднаго общества было сочинено и произнесено похвальное слово Екатеринѣ Великой. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, а предъ домомъ намѣстника, въ которомъ былъ великолѣпный балъ, горѣлъ щитъ, украшенный разными аллегорическими картинами и надписями, сильно выражавшими благодарность подданныхъ къ своей монархинѣ—благодѣтельницѣ. На первомъ планѣ щита была изображена высокая гора, на ней множество различныхъ растеній, а на вершинѣ стоялъ храмъ благополучія Россіи, съ растворенными воротами, чрезъ которые виденъ былъ престолъ съ лежащею на немъ книгою закона. Налѣво отъ храма изображенъ Нижній-Новгородъ; одна изъ башень его Кремля украшена была гербомъ губерніи. Предъ самымъ храмомъ, на открытомъ мѣстѣ, виденъ обелискъ съ вензелевымъ именемъ государыни. Внизу обелиска, въ лѣвой сторонѣ, изображена Россія, сыплющая фиміамъ на жертвенникъ, въ знакъ своей благодарности. Въ приличномъ мѣстѣ была поставлена слѣдующая надпись:

На высотѣ горы, плодами утучненной,
Воздвигнутъ свѣтлый храмъ предъ взоромъ всей вселенной,
И Русскому на вѣкъ блаженству посвященъ;
Въ немъ сладкій намъ покой закономъ укрѣпленъ,
Въ немъ сила царствуетъ божественныя власти,
Защита въ немъ отъ бѣдъ, спасенье отъ напасти.
Тебѣ, Монархиня, мы даромъ симъ должны,
Во храмъ обилія и счастья введены
Благотворящею Твоею се рукою.
Какой же мы алтарь воздвигнемъ предъ Тобою?
Какой соорудимъ Тебѣ, Богиня, храмъ?
Россія ревности вжигаетъ ѳиміамъ;
Но граду Нижнему Рифейски Горы низки,
Дабы достойные воздвигнуть обелиски.

Далѣе, по правую сторону описаннаго аллегорическаго изображенія представлены были: въ видѣ Минервы премудрость, поражающая, копьемъ дракона; Мужество въ видѣ воина въ латахъ; Милосердіе, въ

видѣ женщины, держащей въ одной рукѣ лавровую, а въ другой масличную вѣтви, а подъ этими изображеніями надписи:

подъ 1-ю) Въ войнахъ и въ тишинѣ храня премудры средства,
Копьемъ враговъ разитъ, хранитъ своихъ отъ бѣдства.
2-ю) Металломъ крыта грудь, души есть твердо свойство
Зримъ въ видѣ мужество, и бодрость, и геройство.
3-ю) И лавръ и маслина, побѣды и щедроты,
Се милосердія пристойныя доброты.

На лѣвой сторонѣ были изображены статуи: Правосудія въ видѣ Ѳемиды; Прозорливости и изобилія, а подъ ними были также надписи:

подъ 1-ю) На мѣрилахъ дѣла кладетъ, не зря судимаго лица,
Достойнымъ судъ даетъ; мечемъ караетъ злы сердца.
2-ю) Прошедшее все окомъ зритъ.
И все грядущее объемлетъ,
Въ дѣлахъ разсудокъ здравый чтитъ,
Правдивы мѣры предпріемлетъ.
3-ю) Что къ удовольствію течетъ изъ нѣдръ природы,
Все щедрою рукой Богиня льетъ въ народы.

Между всѣми этими аллегорическими изображеніями были представлены лавровые деревья. Посрединѣ стволовъ ихъ висѣли щиты съ изображеніемъ вензелевыхъ именъ наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича и супруги его, великой княгини Маріи Ѳеодоровны.

По сторонамъ всей группы аллегорическихъ изображеній стояли по двѣ пирамиды, а между ними—нѣсколько колоннъ, обвитыхъ лаврами; и на каждой колоннѣ вензелевыя изображенія имени государыни подъ коронами.

Вверху всей группы иллюминованныхъ аллегорій видна была парящая слава съ трубой и разпущеннымъ свиткомъ, съ надписью, означавшею мѣсяцъ, число и годъ открытія нижегородскаго намѣстничества (255:).

На другой день праздника Рождества Христова (26-го Декабря) епископъ Антоній давалъ обѣдъ для намѣстника Ступишина, членовъ намѣстническаго правленія и другихъ почетныхъ лицъ города; во время этаго обѣда, при питьѣ тостовъ за высочайшихъ особъ, производилась пушечная пальба. Вечеромъ архіерейскій домъ былъ иллюминованъ: пирамиды, украшенныя зеленью и горящими плошками, были поставлены предъ домомъ въ длину всего двора, который шелъ тогда между садовъ на Тихоновскую улицу; такія же пирамиды стояли въ саду; нѣкоторыя изъ нихъ были соединены гирляндами изъ зелени. Вокругъ дому—по балюстрадѣ, въ саду и прочихъ мѣстахъ, гдѣ только можно было поставить, горѣли плошки.

Въ самомъ же домѣ былъ устроенъ транспорантъ съ слѣдующими изображеніями: верхъ картины занимало сіяющее Всевидящее Око, въ срединѣ картины орелъ съ распростертыми крыльями, держащій

въ правой ногѣ скипетръ и книгу закона, въ лѣвой державу и вѣсы. Подъ орломъ стихи:

Судъ, правда и законъ хранятъ и высятъ царство,
Тамъ свержены лежатъ порокъ, злость, страсть, коварство.

Въ срединѣ вензелевое имя императрицы; надъ нимъ два ангела, держащіе корону. Отъ имени раскидывались лучи, озарявшіе города нижегородскаго намѣстничества, представленные по краямъ картины. Вокругъ орла стихи:

Какъ свѣтлый солнца лучъ земный шаръ освѣщаетъ,
Екатерины всѣхъ такъ благость согрѣваетъ.

Съ правой стороны орла народъ, стоящій на колѣняхъ, держитъ пылающее сердце; изъ него къ вензелю слѣдующія слова:

Твои труды для насъ превыше человѣка.

Близь народа сосудъ съ горящимъ фиміамомъ, который восходитъ къ имени императрицы.

Съ лѣвой стороны орла также изображенъ народъ съ пылающимъ сердцемъ, отъ котораго проходитъ надпись къ Всевидящему Оку:

О Боже! продли ей, молимъ, жизнь до вѣка.

Отъ Всевидящаго Ока къ имени императрицы надпись:

Россіи царство Я любя,
Возвелъ, и сохраню тебя.

Ниже орла гербъ нижегородской губерніи—красный олень въ лаврахъ и подъ нимъ свитокъ со стихами:

Превознесла надъ всѣмъ меня Екатерина,
Жизнь новую и вамъ дала сія Богиня.

Между двѣнадцатью городами, изображенными по краямъ картины, были слѣдующіе стихи, какъ будтобы разговоръ городовъ между собою:

1) Гдѣ были села, тамъ я вижу грады!
2) Сей сладкой не лишенъ и я отрады!
3) Покой здѣсь, тишина, ни гдѣ нѣтъ слезъ!
4) Обидчикъ, клеветникъ какъ дымъ изчезъ!
5) Златый вѣкъ провождати начинаемъ!
6) Тоже благосчастіе и мы вкушаемъ!
7) Здѣсь житель новы сладости піетъ!
8) Царица сей источникъ намъ ліетъ!
9) Россіи Мать щедроты намъ явила!
10) Она и съ нами милость удѣлила!
11) Серпомъ и плугомъ пищи не ищу!
12) Торговлею питатися хощу!

Нижній-Новгородъ и всѣ города губерніи перевязаны, въ знакъ согласія, цѣпью, и близь нея стихи:

Не узы, но любовь спрягаетъ ихъ сердца!
Златаго всѣмъ дѣламъ надѣемся конца.

Внизу картины представлены: Волга и Ока, съ стоящими на берегахъ ихъ городами нижегородскаго намѣстничества, и стихи:

Скорѣе прежняго мы потечемъ!
И всюду радость вашу пронесемъ!

По обѣимъ сторонамъ картины были представлены пирамидальныя фигуры: правая изображала оканчивающійся 1779 годъ, а лѣвая—наступающій 1780-й; подъ ними, на тумбахъ, стихи,—

подъ 1-мъ: Отличнымъ счастіемъ кончается сей годъ!
Законы новы принялъ въ немъ народъ.
подъ 2-мъ: Они стократный принесутъ намъ плодъ!
За симъ въ послѣдующій новый годъ.

На слѣдующій день (27 чис.) нижегородская семинарія праздновала открытіе намѣстничества диспутомъ, изъ нравственной философіи о законахъ. Кромѣ епископа Антонія и духовенства, на этомъ праздникѣ присутствовали: генералъ-губернаторъ Ступишинъ, члены намѣстническаго правленія, а также дворянство и почетное купечество. Епископъ, духовныя и другія лица учавствовали въ разсужденіяхъ учениковъ, и подавали свои мнѣнія. Въ началѣ, срединѣ и при концѣ состязаній, студенты семинаріи говорили рѣчи и пѣли канты, сочиненные нарочно для этого праздника (256:).

Въ слѣдъ за тѣмъ были отправлены намѣстникомъ высшія должностныя лица въ уѣздныя города для открытія тамъ присутственныхъ мѣстъ, которыя и были открыты: 28-го Декабря въ Арзамасѣ, Макарьевѣ, Княгининѣ, 29-го—въ Горбатовѣ, 30-го—въ Ардатовѣ, Василѣ, Балахнѣ, Перевозѣ, 31-го—въ Сергачѣ и Семеновѣ, 2-го Января 1780 г. въ Лукояновѣ и 4—въ Починкахъ (257:).

Во время открытія намѣстничества въ Нижнемъ-Новгородѣ были слѣдующія начальственныя лица: генералъ-губернаторъ сенаторъ генералъ-поручикъ и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго и св. Анны 1-й степени Алексѣй Алексѣевичъ Ступишинъ, губернаторъ генералъ-маіоръ Ѳедоръ Васильевичъ Обуховъ, вице-губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Іустиновичъ Запольскій, губернскій предводитель дворянства лейбъ-гвардіи капитанъ Николай Николаевичъ Бахметевъ.

Императрица была чрезвычайно довольна быстрыми распоряженіями Ступишина и содѣйствіемъ епископа Антонія. Ступишинъ, вслѣдствіе донесенія своего, сдѣланнаго въ Декабрѣ, о томъ, что намѣстничество непремѣнно откроется къ 1 Января 1780 г., удостоился получить высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Алексѣй Алексѣевичъ! Я съ удовольствіемъ получаю первое увѣ«домленіе ваше о открытіи намѣстничества нижегородскаго въ пол«номъ его образѣ. Воздавая справедливость вашимъ ревностнымъ «трудамъ въ исполненіи воли моей, возлагаю на васъ изъявить бла«говоленіе мое всему тамошнему обществу, за ихъ признаніе къ мо«имъ попеченіямъ о благѣ ихъ. Отъ усерднаго ихъ содѣйствія ожи«даю Я наилучшихъ и совершеннѣйшихъ въ томъ успѣховъ, пребы-

«вая впрочемъ вамъ доброжелательная Екатерина. Въ Санктпетер-«бургѣ. Декабря 24 дня.

Антоній былъ награжденъ драгоцѣнной панагіей съ бралліантами и изумрудами, которую цѣнятъ въ 50,000 рублей (258:).

Съ открытія намѣстничества Нижній-Новгородъ сталъ улучшаться и украшаться новыми зданіями. Въ 1782 г. были выстроены въ Кремлѣ дома для присутственныхъ мѣстъ, а на нижнемъ базарѣ—каменный гостинный дворъ (259:).

Екатерина Великая, заботясь о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, съ 1781 г. занялась устройствомъ народныхъ училищъ, повелѣвъ составить и печатать необходимыя для преподаванія книги, сообразныя съ правленіемъ и духомъ православія, а также хотѣла имѣть у себя словари языковъ иноплеменныхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи; съ этою цѣлію извѣщала она о своемъ намѣреніи нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ—въ томъ числѣ и нижегородскій епископъ Дамаскинъ, извѣстный своею ученостію (260:), въ 1784 г. получилъ рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Преосвященный епископъ нижегородскій! Считая, что въ ниже-«городской семинаріи преподается ученіе языковъ разныхъ народовъ, въ епархіи вашей обитающихъ, Я желаю, чтобы ваше прео-«священство доставили Мнѣ словари тѣхъ языковъ съ россійскимъ «переводомъ, разположа оный по алфавиту россійскихъ словъ, и «сверхъ писменъ оныхъ народовъ написавъ по русски каждое слово, «какъ произносится. Пребываю впрочемъ къ Вамъ доброжелатель-«ная Екатерина».

Вслѣдствіе этого, подъ надзоромъ Дамаскина, былъ составленъ словарь татарскій, мордовскій, чувашскій и черемисскій, въ 2 томахъ,—содержащій въ себѣ болѣе 1000 листовъ (261:). Въ томъ же году въ нижегородскомъ Кремлѣ былъ пожаръ, при которомъ сгорѣлъ и деревянный домъ намѣстниковъ (262:).

Въ 1787 г. было открыто главное нижегородское народное училище.

Въ 1794 г., Іюля 20 числа, въ первый разъ памяти незабвеннаго Минина были посвящены стихи, сочиненные въ Нижнемъ-Новгородѣ. Н. Ильинскій, пріѣзжавшій изъ Санктпетербурга по какому-то казенному дѣлу, написалъ ихъ вотъ по какому случаю, какъ самъ онъ говоритъ въ заключеніи описанія жизни и подвиговъ Козмы Минина: «Въ бытность мою въ прошломъ 1794 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ «по порученной мнѣ коммисіи, узналъ я, что сей славный мужъ Коз-«ма Мининъ погребенъ въ тамошнемъ Соборѣ, на лѣвой сторонѣ, за первымъ столбомъ. Но воображая знаменитый его подвигъ, прискор-«бно мнѣ было, что нѣтъ на томъ мѣстѣ ни памятника, ни надписи, «и потому разсудилъ возобновить сію память слѣдующими стихами, «которые напечатаны и поставлены надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ «погребенъ» (263:).

Г. Ильинскій препроводилъ при отношеніяхъ къ нижегородскому епископу Павлу и въ главное народное училище по 50 экземпляровъ своего стихотворенія, и въ городскую думу—150; епископа онъ просилъ поставить стихи надъ могилой Минина, училище—раздать ихъ учащимся, а городской думѣ писалъ, между прочимъ:» внося при «семъ въ оную думу 150 экземпляровъ (стихотворенія:), смѣю себя «ласкать, что градское общество, для сохраненія памяти сего «великодушнаго къ спасенію отечества поступка, и для возбуж-«денія въ сердцахъ подобныхъ чувствованій, за долгъ себѣ поставить «соорудить ему памятникъ, почему я первый споспѣшествовать истин-«нымъ счастіемъ себѣ поставилъ.» Воззваніе это, какъ видно, не произвело тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ желаннаго дѣйствія, однако отозвались въ Москвѣ: къ епископу Павлу были присланы московскими купцами 200 р. на украшеніе гробницы Минина (264:).

Въ 1797 г. императоръ Павелъ Петровичъ, съ великими князьями, Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ, два раза удостоилъ посѣщеніемъ своимъ Нижній-Новгородъ: въ первый разъ въ Маѣ, второй 3 Іюля. Они изволили останавливаться въ домѣ, занимаемомъ намѣстникомъ (265:).

Въ томъ же году епископы нижегородскіе стали именоваться нижегородскими и арзамасскими, а епархія получила почти нынѣшнія границы.

Въ 1800 г. послѣдовало закрытіе нижегородскаго намѣстничества; въ продолженіе его существованія были три намѣстника: А. А. Ступишинъ управлялъ до 1783 г., Иванъ Максимовичъ Фонъ-Ребиндеръ, генералъ-поручикъ, съ 1783 до 1796 г., а потомъ князь Андрей Ивановичъ Вяземскій, генералъ-поручикъ. Нижегородскими губернаторами при намѣстникахъ были: въ 1779 году Ѳ. В. Обуховъ, не долгое время, на его мѣсто поступилъ Иванъ Савичъ Бѣлавинъ, генералъ-маіоръ, который и былъ до 1796 г., а за нимъ Андрей Лаврентьевичъ Львовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ (266:).

Въ послѣдней четверти XVIII столѣтія въ Нижнемъ-Новгородѣ проявилась литературная дѣятельность. Въ немъ переводили повѣсти съ нѣмецкаго, драмы Шекспира и Кальдерона съ французскаго перевода; писались и печатались оригинальныя сочиненія. Изъ нижегородскихъ переводчиковъ того времени извѣстенъ протоіерей Савва Сергіевскій, а изъ сочинителей—Яковъ Васильевичъ Орловъ, издавшій въ 1799 г. свои сочиненія подъ названіемъ: «Мое отдохновеніе для отдыху другихъ.» Въ тоже время онъ занимался составленіемъ» Памятника событій въ Церкви и Отечествѣ» и «Всеобщимъ памятникомъ». Въ этой же четверти XVIII столѣтія въ Нижнемъ-Новгородѣ образовался театръ, сперва любителей, а потомъ и публичный (267:).

Въ 1801 по именному указу велѣно раскольникамъ въ нижегородской епархіи имѣть церковь и особыхъ священниковъ, рукоположенныхъ отъ епархіальнаго архіерея, для отправленія службы

Божіей по старопечатнымъ книгамъ, согласно съ представленіемъ епископа Веніамина (268:).

Въ 1806 году Императоръ Александръ Благословенный выразилъ свое благоволеніе нижегородскому дворянству за патріотизмъ его, рескриптомъ, даннымъ 4 Декабря, на имя губернскаго предводителя дворянства, князя Трубецкаго. Эта Высочайшая милость повторилась въ 1808 году, 31 Декабря: дворянство получило рескриптъ Благословеннаго за сформированіе милиціи (269:). Въ томъ же году нижегородское главное народное училище было преобразовано въ губернскую гимназію.

Въ 1809 и 1811 годахъ были въ Нижнемъ-Новгородѣ большіе пожары, отъ которыхъ пострадала и внутренность Кремля.

Въ тяжкій и славный для Россіи 1812 годъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ и въ другихъ городахъ Россіи, дѣлались пожертвованія всѣми сословіями и формировалось ополченіе, состоявшее изъ 13 дружинъ, начальникомъ котораго былъ избранъ дѣйствительный камергеръ князь Георгій Александровичъ Грузинскій, потомокъ царя Вахтанга. Здѣсь же нашли пристанище жители московскіе, въ числѣ которыхъ были: незабвенный исторіографъ Карамзинъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій начальникъ московскаго архива, А. Ѳ. Малиновскій, сенаторъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, В. Л. Пушкинъ, К. Ѳ. Батюшковъ и первый ратникъ московскаго ополченія С. Н. Глинка. Всѣ они часто собирались у Карамзина, бесѣдовали о несчастіяхъ отечества, и когда кому нибудь западало сомнѣніе о благополучномъ окончаніи тогдашнихъ бѣдствій Россіи, Карамзинъ показывалъ на нижегородскій Кремль, который былъ виденъ изъ окна его кабинета, и говорилъ, что русскіе каковы были въ 1612 г., таковы же будутъ и въ 1812 году. Малиновскій, какъ полагаютъ, началъ писать здѣсь біографическія свѣдѣнія о князѣ Пожарскомъ, исторіографъ собиралъ матеріалы и писалъ XII томъ своей исторіи, Батюшковъ и Пушкинъ написали по нѣскольку стихотвореній.

Малиновскій, Батюшковъ и другіе литераторы убѣждали Глинку издавать въ Нижнемъ-Новгородѣ ежедневные листки о дѣйствіяхъ арміи и народа, но Глинка отказался: «тоска сердечная о бѣдствіи отчизны» отбила тогда у него охоту къ перьямъ и черниламъ (270:).

Послѣ опустошенія Москвы носились слухи, что Нижній-Новгородъ замѣнитъ центральную столицу Россіи (271:).

Въ 1813 г. императоромъ Александромъ Благословеннымъ были присланы знамена нижегородскаго ополченія на гробъ Минина.

Въ 1816 году сгорѣла Макарьевская Ярмарка, вслѣдствіе чего, по Высочайшему повелѣнію, она переведена въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и открыта во временныхъ помѣщеніяхъ 20 Іюля 1817 г. Съ этаго времени Нижній-Новгородъ началъ болѣе и болѣе процвѣтать и украшаться зданіями (272). Этотъ годъ еще памятенъ нижегородцамъ тѣмъ, что они удостоились видѣть въ стѣнахъ своего города великаго князя Михаила Павловича.

Въ 1818 году умеръ въ Нижнемъ-Новгородѣ извѣстный механикъ Иванъ Петровичъ Кулибинъ, и въ томъ же году происходило открытіе нижегородскаго библейскаго общества.

Въ 1822 г. открытъ каменный ярмарочный гостинный дворъ, а въ слѣдующемъ—совершенно оконченъ новый Крестовоздвиженскій Монастырь, перенесенный отъ Георгіевской башни за старую Московскую заставу.

Въ 1820 и 1821 г. нижегородскій купецъ Киръ Бронниковъ, бывшій въ то время крестьяниномъ графа Шереметева, путешествовалъ ко святымъ мѣстамъ, находящимся въ Европѣ, Азіи и Африкѣ; описаніе которыхъ издано имъ въ 1824 г. въ Москвѣ.

Въ 1824 г. составленъ новый планъ города, а въ 1825 г. назначено быть въ Нижнемъ-Новгородѣ, кромѣ губернаторовъ, генералъ-губернаторамъ, которые завѣдывали губерніями нижегородской, казанской, симбирской, пензенской и саратовской. Въ томъ же году скончался нижегородскій епископъ Моисей, погребеніе котораго было чрезвычайно великолѣпно и тѣмъ еще замѣчательно, что его совершалъ, съ духовенствомъ нижегородскимъ, греческій митрополитъ Агаѳангелъ, пріѣхавшій случайно въ Нижній-Новгородъ вмѣсто Нѣжина (273:).

Въ 1811 году императоръ Александръ Благословенный соизволилъ утвердить открытіе монумента князю Пожарскому и гражданину Минину, назначавшагося для Кремля Нижегородскаго Памятникъ былъ отлитъ изъ бронзы художникомъ Якимовымъ по проэкту знаменитаго Мартоса, но поставленъ, въ 1817 г., вмѣсто Нижняго-Новгорода, въ обновленной Москвѣ, на Красной площади, а въ замѣнъ его въ Кремлѣ Нижегородскомъ, въ 1826 г., воздвигнутъ обелискъ изъ гранита (274:).

Въ слѣдующемъ году присланъ въ Нижній-Новгородъ списокъ съ знамени князя Пожарскаго и былъ поставленъ въ Преображенскомъ Соборѣ надъ гробомъ Минина. Въ томъ же году открыто нижегородское соляное правленіе: оно образовалось изъ бывшихъ солевозной коммиссіи и конторы нижегородскихъ соляныхъ запасовъ.

Въ началѣ 1828 года Нижній-Новгородъ опять видѣлъ великолѣпное погребеніе святителя церкви, знаменитаго царственнымъ происхожденіемъ, грузинскаго католикоса Антонія, жившаго въ Нижнемъ-Новгородѣ съ 1824 г. (275). Въ этомъ же году упразднено нижегородское генералъ-губернаторство, которое существовало около трехъ лѣтъ, подъ управленіемъ генералъ-губернатора Бахметева (276:).

Въ 1830 году Нижній-Новгородъ пострадалъ, какъ почти и вся Россія, отъ холеры. Въ этомъ же году здѣсь недолго жилъ А. С. Пушкинъ. Въ слѣдующемъ году холера повторилась и свирѣпствовала также ужасно, какъ и въ первый разъ.

1834 годъ особенно памятенъ нижегородцамъ: въ Августѣ Нижній-Новгородъ удостоился посѣщенія принца Петра Ольденбургскаго; въ Сентябрѣ былъ освященъ новый Спасопреображенскій Соборъ, возд-

вигнутый вмѣсто прежняго, разобраннаго за ветхостію, и, наконецъ, въ Октябрѣ нижегородцы торжествовали, видя въ стѣнахъ своего Кремля Того, Котораго ожидали съ нетерпѣніемъ цѣлые восемь лѣтъ.

Еще въ 1826 г. нижегородскій городской голова Ѳ. П. Переплетчиковъ, имѣвшій счастіе присутствовать при священномъ коронованіи въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича, привезъ нижегородцамъ радостное извѣстіе, что Государь обѣщался удостоить своимъ Высочайшимъ посѣщеніемъ Нижній-Новгородъ (277:). Съ той поры нижегородцы ежегодно ожидали видѣть въ стѣнахъ своего Кремля великаго потомка князей нижегородскихъ (278:). Наконецъ въ 1834 г. оффиціально сдѣлалось извѣстно, что Государь, какъ и Великая бабка Его, вознамѣрился, для блага подданныхъ Своихъ, обозрѣть внутреннія губерніи Россіи, въ томъ числѣ и Нижній-Новгородъ.

По полученіи этаго извѣстія, дворянство нижегородской губерніи спѣшило въ Нижній. Всѣ сословія, какъ истинно преданныя престолу и отечеству, горѣли нетерпѣніемъ видѣть Великаго Монарха.

Октября 10, въ четвертомъ часу послѣ полуночи, Государь изволилъ прибыть въ Нижній-Новгородъ. Вѣсть, что царь пріѣхалъ, съ быстротою электрическаго тока пронеслась по Нижнему. Не смотря на ранній часъ дня, густыя толпы народа спѣшили со всѣхъ концовъ города на Большую Покровку, къ дому, занимаемому военнымъ губернаторомъ, гдѣ изволилъ остановиться Высокій Путешественникъ. Въ этихъ толпахъ народа были, также какъ и при встрѣчѣ Екатерины Великой, пріѣхавшіе и пришедшіе издалека.

Въ тотъ же день Его Величество изволилъ принимать должностныхъ лицъ города, дворянство и купечество, а потомъ посѣтилъ Преображенскій Соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ нижегородскимъ и арзамасскимъ (279:), и всѣмъ нижегородскимъ духовенствомъ. Николай I, какъ и Великій прадѣдъ Его, первый Императоръ Россіи, удостоилъ поклоненіемъ прахъ Минина, для чего изволилъ спускаться въ склепъ подъ Преображенскій Соборъ, гдѣ нынѣ устроенъ трехъ-престольный храмъ, а тогда былъ едва отдѣланный подвалъ. Изъ собора Государь отправился, чрезъ нижній базаръ, на ярмарку (280:). На паперти ярмарочнаго Происхожденскаго Собора Его Величество встрѣтили протоіерей И. Ф. Филиповъ и директоръ ярмарки дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Н. Зубовъ. Поклонясь въ соборѣ св. иконамъ, Государь изволилъ обозрѣвать какъ самый соборъ, такъ армянскую церковь, мечеть, главный домъ и прочія зданія ярмарки.

На другой день Государь посѣтилъ древнѣйшій изъ храмовъ нижегородскихъ—Соборъ Архангельскій; произвелъ смотръ 4 учебному карабинерному полку, только что сформированному изъ нижегородскаго отдѣленія малолѣтнихъ кантонистовъ; обозрѣвалъ казармы этого полка и часть стѣны Кремля, а потомъ—гимназію, училище дѣтей канцелярскихъ служителей, мартыновскую больницу и тюрем-

ный замокъ. Въ день отбытія своего, 12 числа, Государь осчастливилъ своимъ присутствіемъ балъ, данный въ домѣ дворянскаго собранія, послѣ котораго, заѣхавъ на короткое время въ домъ военнаго губернатора, изволилъ отправиться въ Москву.

По вечерамъ во всѣ три дня пребыванія Государя въ Нижнемъ-Новгородѣ, городъ великолѣпно былъ иллюминованъ; но особенно замѣчательно было освѣщеніе дома дворянскаго собранія, тріумфальныхъ воротъ, нарочно устроенныхъ близь нынѣшней покровской дамбы, и обелиска, также нарочно устроеннаго противъ дома консисторіи.

Не прошло двухъ лѣтъ, какъ радостное событіе—пріѣздъ Государя—повторилось,—Августа 15, 1836 г. Нижній-Новгородъ опять увидѣлъ Державнаго Отца своего. Государь прибылъ съ московскаго тракта (281:), часу во второмъ по полудни, и остановился въ главномъ ярмарочномъ домѣ. На другой день изволилъ слушать литургію въ ярмарочномъ соборѣ, которую совершалъ Іоаннъ, епископъ нижегородскій и арзамасскій соборнѣ (282:); послѣ того удостоилъ принять должностныхъ лицъ города, дворянство и депутатовъ отъ купеческихъ обществъ знатнѣйшихъ городовъ имперіи. При пріемѣ послѣднихъ, прежде всѣхъ благоволилъ обратиться къ нижегородскому городскому головѣ Переплетчикову, какъ представителю купцовъ, мѣстныхъ хозяевъ ярмарки, *и согражданъ знаменитѣйшаго изъ этаго сословія Козмы Минина* (283:). Потомъ изволилъ обозрѣвать ярмарку и, какъ Державный Хозяинъ, бесѣдовалъ съ купцами о ходѣ ея и улучшеніяхъ; также обозрѣвалъ городъ, и произвелъ смотръ собраннымъ въ Нижнемъ безсрочно-отпускнымъ воинамъ. Августа 17 Государь отправился на пароходѣ въ Казань.

Нужно ли говорить о восторгѣ народа, съ которымъ встрѣчали въ Нижнемъ-Новгородѣ Государя въ оба пріѣзда? Каждое появленіе Державнаго на городскихъ улицахъ и на ярмаркѣ, сторожили тысячи народа, покинувшаго всѣ обычныя дѣла свои; всякій нижегородецъ горѣлъ желаніемъ какъ можно болѣе насмотрѣться на Царя своего, запечатлѣть въ памяти и сердцѣ черты Помазанника Божія. Торжественное ура, которымъ люди русскіе выражаютъ радость, восторгъ и благоговѣніе предъ своими вѣнценосцами, гремѣвшее нѣкогда, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Петру 1, Екатеринѣ II и Павлу 1, раздавалось въ бывшей столицѣ великихъ князей нижегородскихъ и въ 1834 и 1836 годахъ.

Государь изволилъ обратить особенное вниманіе на престольный городъ Своихъ предковъ. Въ первый пріѣздъ Свой предположилъ украсить Нижній-Новгородъ разными сооруженіями и зданіями. Для того онъ отдалъ множество повелѣній, которыя въ послѣдствіи были приводимы въ исполненіе. При этомъ случаѣ нижегородскій городской голова Переплетчиковъ заслужилъ милостивое вниманіе Государя. Его Величеству было угодно объявить Переплетчикову свои намѣренія, относительно устройства Нижняго-Новгорода. Но чтобъ привести въ

исполненіе желанія Государя, нужно было, чтобъ граждане, владѣвшіе мѣстами, пролегающими къ Волгѣ, отъ бывшаго Боровскаго перевоза, внизъ по теченію рѣки, согласились уступить ихъ для открытія набережной. Переплетчиковъ немедленно сообщилъ о томъ владѣцамъ этихъ мѣстъ. Нижегородцы, изстари готовые на все для царей своихъ, съ радостію изъявили желаніе быть исполнителями предначертаній Государя. Его Величеству было пріятно это усердіе горожанъ, а представитель ихъ, Переплетчиковъ, удостоился еще болѣе Монаршаго вниманія. Государь сказалъ ему, что предполагаетъ построить на берегу Волги, подъ Кремлемъ, казармы, а достойный нижегородецъ представилъ Государю, что эти постройки можно произвести безъ участія казенныхъ суммъ—на проценты съ оцѣночной суммы городскихъ домовъ, за что Переплетчиковъ удостоился Монаршаго милостиваго слова (284:).

Въ 1834 г., немедленно по отъѣздѣ Государя изъ Нижняго-Новгорода, составился здѣсь комитетъ для устройства города. Планъ 1824 г. оказался неудобоисполнимымъ и потому въ немъ сдѣланы разныя измѣненія; потомъ, въ 1837 году, составленъ, согласно Высочайшей волѣ, новый, который и утвержденъ 3 Апрѣля 1838 года.

Между тѣмъ, началось, такъ сказать, преобразованіе города. Въ Кремлѣ были уничтожены винные подвалы, давно уже, за ветхостію, стоявшіе пустыми; разобранъ старый архіерейскій домъ, въ которомъ помѣщались временно городская и холерная больницы, а также сломаны всѣ обывательскіе дома; за Каѳедральнымъ Соборомъ построенъ военно-губернаторскій домъ съ Императорской квартирой, гаубтвахта и арсеналъ; отдѣланы корпуса, принадлежащіе 4 карабинерному полку; разведенъ садъ около сѣверной стѣны Кремля, отъ Георгіевской башни до Ивановскихъ воротъ; единовѣрческая церковь св. Духа обращена въ домовую военнаго губернатора, а единовѣрцамъ отдана для служенія церковь св. Симеона Столпника, принадлежавшая до того нижегородскому гарнизонному баталіону, который переведенъ къ церкви Успенія Божія Матери, что въ Кремлѣ, бывшей до того въ видѣ приписной къ Спасопреображенскому Собору. Деревянныя лавки, находившіяся около Дмитровскихъ воротъ, снаружи Кремля, близь самыхъ стѣнъ, уничтожены, и вмѣсто нихъ построенъ верхнебазарный общественный домъ изящной архитектуры, расположенный по Большой Покровкѣ, Верхнебазарной площади и Алексѣевской улицѣ; остатки старинныхъ рвовъ засыпаны и понимъ проведенъ бульваръ, который опоясываетъ почти двѣ трети Кремля. Изчезли улицы Панскія, расположенныя на самомъ берегу Волги, отъ Боровскаго перевоза внизъ по теченію рѣки, и группы домиковъ, раскиданныхъ по горѣ подъ западной частью кремлевской стѣны, извѣстныя подъ названіемъ Зелени (285); устроены нижняя и верхняя набережныя, съѣзды—Похвалинскій, Зеленскій, Георгіевскій и Печерскій, дамбы—Лыковская, Варварская, Покровская, Острожная и др.; разведенъ англійскій садъ, соединяющій верхнюю на-

бережную съ нижней; построены два корпуса казармъ близь церкви Живоноснаго Источника и двѣ часовни,—одна у Ивановскихъ воротъ, другая—близъ Благовѣщенскаго Монастыря.

Также возникло много общественныхъ и частныхъ каменныхъ зданій большихъ размѣровъ изящной архитектуры, а изъ вновь построенныхъ деревянныхъ домовъ образовались цѣлыя улицы (286:).

Для поощренія жителей къ постройкамъ имъ даны были разныя льготы, какъ-то: купцы, строившіе дома и фабрики, пользовались гильдейскими правами безплатно въ теченіи десяти лѣтъ (287); для нуждающихся же въ вспоможеніи, отъ щедротъ Монарха учрежденъ былъ ссудный капиталъ, которымъ можетъ пользоваться и нынѣ всякій нижегородецъ, на одно лицо до десяти тысячъ рублей ассигнаціями.

Въ 1837 г. Нижній былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Наслѣдника престола, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича. Его Величество изволилъ прибыть 12 Августа, и также имѣлъ квартиру въ главномъ ярмарочномъ домѣ; Онъ, какъ и Державный Родитель Его, удостоилъ Своимъ вниманіемъ все, что было замѣчательнаго какъ въ городѣ, равно и на ярмаркѣ, гдѣ въ то время была устроена выставка мѣстныхъ произведеній, и осчастливилъ Своимъ высокимъ посѣщеніемъ народный праздникъ, данный на островѣ р. Волги. Тамъ, для принятія Высокаго Гостя, была построена обширная бесѣдка, изящно убранная снаружи сосновыми и елевыми вѣтвями, а внутри берестою; надъ окнами ея были поставлены гербы городовъ нижегородской губерніи, увитые гирляндами изъ натуральныхъ цвѣтовъ. Самый же островъ былъ превращенъ въ англійскій садъ, гдѣ, между природныхъ кустарниковъ, зеленѣли лимонныя и померанцовыя деревья и благоухало безчисленное множество цвѣтовъ южныхъ странъ.

Праздникъ этотъ былъ чрезвычайно многолюденъ: въ немъ, кромѣ нижегородцевъ, участвовали жители почти всѣхъ концовъ Россіи и гости восточные, бывшіе на нижегородской ярмаркѣ, а также представители всѣхъ иноплеменныхъ народовъ, обитающихъ въ нижегородской губерніи, эти послѣдніе, были тутъ въ своихъ національныхъ праздничныхъ костюмахъ (288:).

Дворянство нижегородской губерніи, желая навсегда сохранить воспоминаніе о высокомъ посѣтителѣ, положило основать въ Нижнемъ-Новгородѣ дворянскій банкъ и назвать его Александровскимъ; проценты съ суммъ этаго банка употреблять на содержаніе отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, поступающихъ на службу изъ крестьянъ, принадлежащихъ помѣщикамъ нижегородской губерніи. За это дворянство имѣло счастіе получить Высочайшую грамату, отъ 1 Октября 1837 года (289:); въ томъ же году, при гимназіи, былъ открытъ благородный пансіонъ на счетъ дворянства для 22 воспитанниковъ.

Въ 1839 г. былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ принцъ прусскій Альбертъ.

Въ 1843 году открытъ Нижегородскій Губернскій Александровскій Банкъ, а въ слѣдующемъ—благородный пансіонъ преобразованъ въ Александровскій Дворянскій Институтъ.

Въ 1845 году Нижній-Новгородъ два раза удостоился посѣщенія Его Высочества герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго.

Въ 1846 году, 1 Іюля, заложены водопроводъ и фонтанъ для снабженія верхней части Нижняго-Новгорода чистой водою, а построеніе ихъ кончилось чрезъ пятнадцать мѣсяцевъ: фонтанъ былъ открытъ 1 Октября слѣдующаго года.

Въ 1848 г. открыла свои дѣйствія нижегородская контора Высочайше утвержденнаго Волжскаго Пароходнаго Общества, а въ слѣдующемъ году такія же двѣ конторы пароходствъ: Камско-Волжскаго и Общества, подъ фирмою Меркурій. Всѣ эти конторы нынѣ имѣютъ буксирныхъ, кобестанныхъ и завозенныхъ пароходовъ до 30, различныхъ силъ, начиная отъ 38 до 460. Пароходы Камско-Волжскаго Общества дѣлаютъ рейсы въ низовье Волги, и по Камѣ—до Перми; пароходы же Волжскаго Общества и Общества Меркурій—только по Волгѣ, до самой Астрахани; къ верху Волги пароходы всѣхъ трехъ обществъ ходятъ до Рыбинска. Самые сильные пароходы, какъ-то: Самсонъ, Геркулесъ (:въ 460 силъ:), Кама, Волга (:въ 300 силъ:) принадлежатъ Волжскому Обществу, и исключительно возятъ тяжести; пароходы же прочихъ двухъ обществъ возятъ, кромѣ кладей, и пассажировъ.

Въ 1849 же году, 15 Августа, была открыта на ярмаркѣ выставка, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19 Марта 1845 г., распубликованнаго въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 4 Апрѣля, для поощренія и усовершенствованія сельскаго хозяйства и разныхъ его отраслей, а также крестьянскихъ ремеслъ въ губерніяхъ нижегородской, вятской, симбирской, пензенской и казанской. На нее представили болѣе 300 производителей до 2000 произведеній; негромоздкія издѣлія были размѣщены въ залахъ главнаго ярмарочнаго дома, а канаты, телѣги, скотъ и прочіе громоздкіе предметы въ особомъ балаганѣ. На этой выставкѣ особаго вниманія заслуживали: войлочные набивные ковры, дѣланные въ арзамасскомъ уѣздѣ, у Г. Евреинова,—прежде такіе ковры дѣлались только во Флоренціи, Манчестерѣ и Берлинѣ;—вывезенная въ 1846 г. изъ Пекина кормовая трава му-сун-цао-изы, замѣняющая для скота зерновый хлѣбъ, разведенная въ васильскомъ уѣздѣ Г. Каратаевымъ: сыръ Г-жи Карамзиной (ардатовскаго уѣзда нижегородской губерніи), вѣсы и другія издѣлія нижегородскаго цеховаго Вѣсовщикова, стальныя издѣлія Завьялова, Горшкова, Колякина, Коротцева, Воротилова и др., замки Вырыпаева (горбатовскаго уѣзда), валеная обувь и поярковыя шляпы Макаровскаго, Шилова и Киселева (семеновскаго уѣзда), токарныя вещи Ерыкалова (изъ Семенова), косы Гг. Шепелевыхъ (ардатовскаго уѣзда), кожевенныя издѣлія села Кату-

нокъ (балахнинскаго уѣзда), канаты нижегородскіе и горбатовскіе, сталь нижегородскаго купца Пятова, желѣзные шкафъ, сундукъ—его же, колеса деревни Муравихи (нижегородскаго уѣзда), изразцы московскаго мѣщанина Тиханова, проживавшаго въ Нижнемъ, пожарные инструменты братьевъ Лысковцевыхъ (изъ Арзамаса), картина, рисованная перомъ, казанскаго художника Гуцмана, рѣзная изъ дерева корова (изъ села Богородскаго горбатовскаго уѣзда), издѣлія нижегородскаго рабочаго дома, мерлушки и овчины села Мурашкина (княгининскаго уѣзда), рѣзная и золоченая работа для царскихъ дверей арзамаскаго мѣщанина Филипа Крылова. Первая золотая медаль этой выставки присуждена была нижегородскому цеховому Вѣсовщикову за вѣсы, купорную машину, имъ усовершенствованную, и за модель вертела его изобрѣтенія; большія серебряныя медали даны: Г-жѣ Карамзиной за сыры и Г. Евреинову за набивные войлоки; малыя серебряныя медали:—нижегородскому купцу почетному гражданину С. С. Пятову, за усовершенствованія въ канатномъ производствѣ и за представленныя на выставку канаты, сталь, желѣзный сундукъ и такой же шкафъ; нижегородскому купцу А. Г. Горбачеву за усовершенствованіе пряденія канатовъ; крестьянину балахнинскаго уѣзда села Катунокъ Самарину, за изобрѣтенный имъ способъ дубленія овчинъ; арзамасскому купеческому сыну Лысковцеву, за отлично изготовленныя пожарныя трубы и за обученіе крестьянскихъ мальчиковъ, какъ обращаться съ пожарными инструментами и дѣлать деревянныя трубы. Десять производителей получили почетные отзывы, въ томъ числѣ нижегородскій купецъ мануфактуръ совѣтникъ М. Г. Рукавишниковъ, за сталь; осьмнадцать—похвальные листы и шестьдесятъ-четыре—денежныя преміи (290:).

Въ 1850 г. Нижній-Новгородъ опять удостоился видѣть въ стѣнахъ своихъ членовъ Августѣйшаго семейства Царскаго. Великіе Князья, Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, изволили прибыть въ Нижній-Новгородъ 11 числа Августа и остановились въ кремлевскомъ военно-губернаторскомъ домѣ. Немедленно по прибытіи Они отправились въ Преображенскій Соборъ, гдѣ были встрѣчены преосвященнымъ Іустиномъ, епископомъ владимірскимъ и суздальскимъ (291:), со всѣмъ нижегородскимъ духовенствомъ. Высокіе Путешественники, во время четырехдневнаго пребыванія своего въ Нижнемъ, не оставили безъ вниманія ни чего замѣчательнаго, какъ въ самомъ городѣ, равно и на ярмаркѣ (292:); также удостоли Своимъ присутствіемъ спектакль въ ярмарочномъ театрѣ, балъ, данный начальникомъ губерніи въ кремлевскомъ домѣ, и гулянье, устроенное въ англійскомъ саду, на волжскомъ откосѣ. Нижній-Новгородъ невидалъ, до той поры, ничего подобнаго этому гулянью. Кромѣ безчисленнаго множества народа обоего пола, между которымъ были жители всѣхъ концовъ имперіи и торговые гости Востока, садъ вмѣщалъ въ себѣ нѣсколько оркестровъ музыки, нѣсколько хоровъ пѣсенниковъ, русскихъ и цыганскихъ, акробатовъ, фокусниковъ, и,

сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ его, подгородные жители обоего пола, въ праздничномъ національномъ нарядѣ, играли хороводами.

Предъ закатомъ солнца Великіе Князья, въ сопровожденіи своей свиты и начальника губерніи, изволили кататься по Волгѣ на пароходѣ, гдѣ было избранное общество Нижняго-Новгорода.

Въ сумерки, когда пароходъ возвратился къ городу, садъ весь горѣлъ тысячами разноцвѣтныхъ огней, освѣщавшихъ густыя толпы гулявшихъ по его извилистымъ аллеямъ.

Въ память посѣщенія Нижняго-Новгорода Великими Князьями, Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ, нижегородское дворянство пожертвовало сумму для содержанія, въ честь Ихъ Высочествъ, двухъ воспитанниковъ въ Александровскомъ Дворянскомъ Институтѣ (293:).

Пройдутъ годы, и многіе изъ нихъ затмятся въ памяти народной; но годы 1834, 1836, 1837, 1845 и 1850, ознаменованные въ Нижнемъ-Новгородѣ посѣщеніемъ Высочайшихъ Особъ, останутся навсегда незабвенными для него; современное поколѣніе нижегородцевъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ будетъ передавать о нихъ свои воспоминанія внукамъ, и тѣмъ развивать и укоренять въ новомъ поколѣніи врожденныя въ русскихъ безграничную преданность и любовь къ благословенному Дому Романовыхъ, почти два съ половиной столѣтія украшающему царственными доблестями престолъ Мономаха, поставившему Россію, между государствами всего свѣта, на высшую степень славы и могущества.

Въ 1851 г. открытъ второй Нижегородскій Дѣтскій Пріютъ, а въ слѣдующемъ—Маріинскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ; и въ томъ же году, въ ознаменованіе совершившагося двадцати-пяти лѣтняго юбилея благополучнаго царствованія въ Бозѣ почивающаго Императора Николая І-го, нижегородское дворянство опредѣлило сумму на содержаніе двухъ воспитанниковъ въ Александровскомъ Институтѣ, которые именуются питомцами князя Пожарскаго и Минина (294:).

Въ 1853 г., во время ярмарки, была опять выставка сельскихъ произведеній, какъ и въ 1849 году.

Раздались громы войны, направленные защитниками луны на Святый Крестъ и Россію,—и въ Нижнемъ-Новгородѣ заговорили сердца, преданныя Вѣрѣ, Престолу и Отечеству. Въ Сентябрѣ 1853 г., по первому Высочайшему повелѣнію о призывѣ на службу безсрочно-отпускныхъ армейскихъ нижнихъ чиновъ, гг. губернскіе и уѣздные предводители дворянства нижегородской губерніи, благоговѣя предъ Всемилостивѣйшимъ вниманіемъ и отеческою заботливостію Великаго Поборника Креста, Государя Императора Николая Павловича, о призрѣніи семействъ нижнихъ военныхъ чиновъ, опредѣлили изъ доходовъ капитала, образовавшагося въ дворянскомъ банкѣ, отчислить 7,000 руб. для единовременнаго пособія семействамъ нижнихъ чиновъ, проживавшихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Это пожертвованіе, по докладу его высокопревосходительства г. ми-

нистра внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ соизволилъ принять съ изъявленіемъ нижегородскому дворянству Своего Высочайшаго благоволенія. Ассигнованныя деньги были разосланы къ гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства для выдачи по принадлежности (295:).

Въ Ноябрѣ того же года выступили изъ Нижняго-Новгорода въ Орелъ 2-й и 4-й баталіоны Тарутинскаго Егерскаго Полка, а въ слѣдующемъ году, въ Мартѣ,—2-я бригада Гренадерской Дивизіи и 4-й Карабинерный Полкъ. Нижегородское дворянство и купечество радушно угощали выступавшихъ воиновъ хлѣбомъ и солью, а управлявшій акцизно-откупнымъ коммисіонерствомъ І. И. Куренковъ— водкой. Кромѣ того, Куренковъ роздалъ по 25 коп. на человѣка всѣмъ нижнимъ чинамъ 4 баталіона Тарутинскаго Полка, занимавшаго караулы въ городѣ; мануфактуръ совѣтникъ нижегородскій 1-й гильдіи купецъ М. Г. Рукавишниковъ выдалъ по 20 коп. на человѣка на всѣхъ нижнихъ чиновъ бригады; городской голова, почетный гражданинъ В. К. Мичуринъ поднесъ иконы: бригадѣ—Воскресенія Христова, въ серебряномъ окладѣ, съ надписью: «Господь нашъ! Избавитель нашъ! Кого «убоимся! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!» а Карабинерному Полку—Михаила Архангела, въ серебряной ризѣ, съ надписью: «Господи спаси Царя и услыши ны! Небесныхъ воинствъ Ар«хистратиже Михаиле, молимъ Тя присно мы недостойніи, да Твоими «молитвами оградиши Благочестивѣйшаго Императора нашего и Воин«ство Его кровомъ крилъ невещественныя Твоея славы, сохраняюще «ны, припадающія и вопіющія: отъ бѣдъ избави насъ, яко чинона«чальникъ вышнихъ силъ».

Отъ всего же купечества Нижняго Новгорода было пожертвовано для обоза и ротныхъ артелей бригады 200 лошадей. Государь Императоръ Николай Павловичъ, по всеподданнѣйшему о томъ Его Величеству докладу, Высочайше повелѣть соизволилъ: «принять оныя «и благодарить купечество за похвальное стремленіе къ пользамъ об«щимъ» (296).

Мая 25-го того же 1854 г. нижегородское дворянство имѣло чрезвычайный съѣздъ, на которомъ опредѣлило приносить къ стопамъ Государя Императора изъ своего достоянія ежегодно, во все время борьбы съ врагами за Святый Крестъ Христовъ, по пятидесяти тысячъ рублей и, независимо оттого, изъ процентовъ дворянскаго капитала отдѣлять ежегодно по семи тысячь рублей на обезпеченіе содержанія семействъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ арміи и флота, призванныхъ на службу,—также во все время войны; раненымъ же и увѣчнымъ нижнимъ чинамъ, которые будутъ возвращаться на родину, давать особенное денежное пособіе изъ суммъ дворянскаго банка, согласно его положенію.

При этомъ пожертвованіи рвеніе нижегородскаго дворянства было такъ сильно, что многія лица изъ числа его, не ожидая общаго совѣщанія, присылали, чрезъ уѣздныхъ предводителей, и прямо доставляли исправлявшему должность губернскаго предводителя г. стат-

скому совѣтнику Петру Михайловичу Андрееву по 50 коп. за каждую числившуюся за ними душу. Еще до отъѣзда г. Андреева въ Петербургъ, для исходатайствованія дозволенія на чрезвычайный съѣздъ дворянства, въ Нижегородскомъ Дворянскомъ Собраніи было уже этой суммы до 5,000 рублей.

Государь Императоръ за такое усердіе нижегородскаго дворянства изволилъ даровать ему грамату отъ 10 Іюня 1854 года (297:).

Іюля 1 числа, въ день рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ девять часовъ утра, предводители, депутаты и дворянство, бывшіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, собрались въ домъ Дворянскаго Собранія, гдѣ, въ главной залѣ, предъ портретомъ Государя Императора Николая Павловича, на столѣ, на бархатной подушкѣ лежала Высочайшая грамата. Исправлявшій должность губернскаго предводителя дворянства съ благоговѣніемъ взявъ ее, съ ассистентами и уѣздными предводителями, въ сопровожденіи всѣхъ бывшихъ тутъ дворянъ, отправился въ Преображенскій Соборъ, тамъ положилъ ее на особо приготовленный аналой, а когда кончилась литургія, совершенная преосвященнымъ Іереміею епископомъ нижегородскимъ и арзамасскимъ, прочиталъ грамату предъ всѣми присутствовавшими въ соборѣ; отслушавъ молебствіе о здравіи и долгоденствіи Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Августѣйшаго Дома, возвратился прежнимъ порядкомъ въ залу Дворянскаго Собранія. По прибытіи же туда преосвященнаго Іереміи и начальника губерніи князя М. А. Урусова и прочихъ лицъ, грамата была положена въ тотъ же ковчегъ, въ которомъ хранятся Высочайшія граматы 1808 и 1837 годовъ.

За завтракомъ, даннымъ въ этотъ день дворянствомъ, гдѣ находились преосвященный Іеремія и начальникъ губерніи князь М. А. Урусовъ, П. М. Андреевъ предложилъ тосты за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и всего Царственнаго Дома; потомъ послѣдовали тосты въ честь храбрыхъ воиновъ арміи и флота, начальниковъ ихъ, преосвященнаго Іереміи, князя Урусова, предводителей и всего дворянства (298:).

Въ это же время у дворянъ нижегородскихъ проявлялась мысль, что если только повелитъ Державный Монархъ, то, вѣрные искони Его Престолу, нижегородцы, съ тѣмъ же пламеннымъ чувствомъ, которое нѣкогда одушевляло согражданина ихъ Минина, воздвигнутъ въ рядахъ своихъ святое знамя князя Пожарскаго (299). Мысль эта развилась вполнѣ послѣ того чрезъ семь съ половиною мѣсяцевъ. Декабря 20-го дворянство нижегородское въ губернскомъ собраніи своемъ, съ благоговѣніемъ выслушавъ манифестъ 14-го Декабря, явило новый примѣръ своей преданности къ Престолу и Отечеству: оно единодушно положило: «испросить у Его Величества, какъ милости «для нижегородцевъ, издревлѣ готовыхъ приносить на алтарь Оте-«чества и жизнь и достояніе свое, разрѣшенія на составленіе изъ среды

«себя и содержаніе на свой счетъ Ополченія, по примѣру 1812 года, «или на основаніяхъ, какія Его Императорскому Величеству благо«угодно будетъ оказать, и дозволенія стать на защиту Отечества подъ «знаменемъ князя Пожарскаго, показавшаго собою примѣръ самоотвер«женія въ тяжкую годину испытанія любезнаго нашего Отечества.»

Это опредѣленіе подписали предводители дворянства и дворяне нижегородской губерніи (300:).

Но патріотическое желаніе нижегородскаго дворянства было уже предупреждено созрѣвшею мыслію въ умѣ Державнаго Защитника Креста, Государя Императора Николая Павловича: въ 29-й день Января 1855 года послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ о приступленіи ко всеобщему Государственному Ополченію,—и дворянство нижегородской губерніи спѣшило исполнить священную волю Государя— пламенное желаніе сердецъ своихъ, безгранично преданныхъ Вѣрѣ, Царю и Отечеству.

Городское общество также выразило свое патріотическое усердіе въ пользу ополченія: купцы всѣхъ трехъ гильдій пожертвовали по 2 процента съ объявленнаго ими капитала,—а мѣщане по 10 копѣекъ съ души.

Высочайшимъ приказомъ, въ 13-й день Марта 1855 г., былъ назначенъ начальникомъ Ополченія нижегородской губерніи сенаторъ генералъ-адъютантъ генералъ отъ кавалеріи графъ Строгановъ 1-й, но случаю увольненія (за болѣзнію) начальника Ополченія московской губерніи, генералъ отъ артиллеріи Ермолова I-го, дополненіемъ къ Высочайшему приказу, Мая 19-го, Графу Строганову ввѣрено начальство надъ Московскимъ Ополченіемъ, а начальникомъ Нижегородскаго назначенъ отставной генералъ-маіоръ графъ Александръ Петровичъ Толстой.

Начальниками Дружинъ, по выбору дворянства, назначены: Нижегородской № 154, гвардіи полковникъ Владиміръ Павловичъ Козловъ; Балахнинской № 155, подполковникъ Михаилъ Яковлевичъ Масальской; Горбатовской № 166, (исправлявшимъ должность) штабсъ-капитанъ Петръ Николаевичъ Вонлярлярскій; Семеновской № 157, маіоръ графъ Николай Сергѣевичъ Толстой; Макарьевской № 158, подполковникъ Николай Васильевичъ Шипиловъ; Васильской № 159, маіоръ Михаилъ Николаевичъ Сущевъ; Княгининской № 160, маіоръ Сергѣй Александровичъ Шебуевъ; Арзамасской № 161, маіоръ Александръ Александровичъ Мессингъ; Ардатовской № 162, графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ; Лукояновской № 163, маіоръ Максимъ Ивановичъ Русиновъ; Сергачской № 164, маіоръ Николай Петровичъ Болтинъ (301:).

При рвеніи въ исполненіи Монаршей воли лицъ начальствующихъ и вообще всѣхъ нижегородцевъ, формированіе нижегородской дружины произошло чрезвычайно успѣшно (302:) обученіе также: ратники нижегородскіе такъ скоро поняли маршировку, построеніе и ружейные пріемы, что заслужили похвалу отъ начальства и удивленіе всѣхъ

лицъ, опытныхъ въ этомъ дѣлѣ. Быстрое обученіе Нижегородской Дружины еще тѣмъ замѣчательнѣе, что большая часть ея офицеровъ (въ томъ числѣ и нѣкоторые ротные командиры) прежде служили въ гражданской службѣ. Не прошло мѣсяца съ начала ихъ опредѣленія въ новыя должности, какъ они, до того времени скромно занимавшіеся составленіемъ и перепиской бумагъ въ своихъ канцеляріяхъ, или чтеніемъ лекцій въ учебныхъ заведеніяхъ, преобразились въ ловкихъ офицеровъ—истинныхъ сыновъ Марса. Таковъ русскій человѣкъ! для него нѣтъ ничего непреоборимаго; да и мудреноли, когда имъ двигаютъ только три слова—три идеи:

«Богъ, Отечество и Царь!»

А чего съ этимъ священнымъ девизомъ, запечатлѣннымъ въ глубинѣ сердца, нельзя сдѣлать!

Нижегородцы обоего пола, всѣхъ сословій и возрастовъ, съ начала весны до половины Іюля, ежедневно ѣздили и ходили любоваться на бодрыхъ, веселыхъ новыхъ крестоносцевъ, занимавшихся ученьемъ на подгородныхъ поляхъ (303:).

Наконецъ Нижегородской Дружинѣ назначено было выступить 19 Іюля.

Въ этотъ день, утромъ, Нижегородская Дружина съ своими офицерами, въ полной походной аммуниціи, собралась въ Кремлѣ; часть ея помѣстилась въ Спасопреображенскомъ Соборѣ и часть, на площади, у арсенала, гдѣ, противъ южныхъ дверей собора, поставленъ былъ амвонъ и два аналоя для совершенія молебствія. По окончаніи литургіи, совершенной преосвященнымъ Іереміею, въ присутствіи начальника губерніи, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора Ѳедора Васильевича Анненкова 5-го (304), начальника ополченія графа Толстаго, начальника дружины полковника Козлова и почетныхъ лицъ города, при стеченіи многочисленнаго народа, духовная процессія вышла изъ собора въ преднесеніи святыхъ иконъ, хоругвей и списка со знамени князя Пожарскаго, сдѣланнаго по списку, стоящему надъ гробомъ Минина; въ тоже время крестоносное знамя было вынесено изъ арсенала, гдѣ хранилось до той поры. Умилительно было зрѣлище въ эту минуту: пѣніе духовнаго клира и почесть военная произвели на ратниковъ и толпы народа благоговѣйное ощущеніе, у—многихъ были на глазахъ слезы..... Необыкновенно тихи и торжественны были тѣ минуты, когда ратники и весь народъ, покрывавшій кремлевскую площадь, преклонивъ колѣна, внимали молитвамъ преосвященнаго. По совершеніи молебствія, преосвященный окропилъ знамя святой водою и освятилъ списокъ съ хоругви, кторый поднесенъ ополченію собственно отъ его преосвященства. По прочтеніи аудиторомъ статей изъ свода военныхъ постановленій, о значеніи знамени и о долгѣ и обязанностяхъ къ нему офицеровъ и рядовыхъ, началась присяга, по окончаніи которой достойный архипастырь нижегородскій сказалъ ратникамъ назидательное слово, исполненное высокой простоты и мудрости евангель-

ской, и передалъ знамя начальнику дружины, а списокъ съ хоругви начальнику ополченія. Городское общество поднесло дружинѣ икону Казанскія Божія Матери съ предстоящими святыми Сергіемъ Радонежскимъ и Козмой Безсребренникомъ.

Ратники, приложась къ святому кресту, двинулись въ походъ, сопровождаемые частію нижегородскаго духовенства и толпами народа. У Крестовоздвиженскаго Монастыря ихъ встрѣтили настоятельница и сестры этой обители и поднесли икону св. Николая Чудотворца.

Въ лагерѣ 4 Карабинернаго Полка отъ нижегородскаго купечества былъ приготовленъ обѣдъ для ратниковъ нижнихъ чиновъ, передъ которымъ, войдя въ средину дружины, выпили по чаркѣ вина: начальникъ нижегородской губерніи, за здоровье Государя Императора, начальникъ ополченія—Государя Наслѣдника, начальникъ дружины за здоровье ополченія, славу отечества и за русское оружіе. Громкое ура раздавалось за каждымъ тостомъ и шапки ратниковъ летѣли къ верху. Потомъ отъ купечества же предложенъ былъ обѣдъ начальникамъ ополченія и дружинъ и всѣмъ офицерамъ, къ которому, какъ почетный гость, былъ приглашенъ и начальникъ губерніи, а также были приглашены дворяне и нѣкоторыя должностныя лица.

Мануфактуръ совѣтникъ Рукавишниковъ пожертвовалъ по 20 коп, серебромъ на каждаго ратника, нижегородское купечество—по 1 руб. на ратника изъ мѣщанъ, а почетный гражданинъ Ненюковъ—100 руб. серебомъ на всю дружину. Въ 8 часовъ пополудни дружина выступила изъ лагеря (305).

На другой день проходила чрезъ Нижній-Новгородъ Семеновская Дружина, а на слѣдующій Балахнинская. Радушные нижегородцы и ихъ проводили также, какъ и своихъ ополченцевъ, съ хлѣбомъ и солью.

Такъ выразился въ наше время патріотизмъ нижегородцевъ, наслѣдованный ими отъ предковъ ихъ, современниковъ Минина.

Въ Февралѣ 1855 года чрезъ Нижній-Новгородъ проходилъ полкъ оренбургскихъ казаковъ по тракту къ Москвѣ. Нижегородцы спѣшили принять храбрыхъ уральцевъ, шедшихъ на защиту отечества, и отогрѣть ихъ сначала водкой. Офицерамъ отведены были особыя квартиры, въ которыхъ, по распоряженію городскаго головы почетнаго гражданина Д. И. Климова, во все ихъ пребываніе въ Нижнемъ-Новгородѣ, былъ приготовляемъ обильный столъ, къ которому подавались вино и водка; утромъ же и вечеромъ предлагался чай. Также 23 числа командиръ и офицеры казачьяго полка были приглашены на балъ, данный дворянствомъ и купечествомъ по случаю отъѣзда бывшаго начальника губерніи князя М. А. Урусова, перемѣщеннаго въ должность витебскаго, смоленскаго и могилевскаго генералъ-губернатора. На слѣдующій день казаки выступили въ дальнѣйшій путь. Радушіе нижегородцевъ и здѣсь выразилось къ защитникамъ Креста: управляющій акцизно-откупнымъ коммисіонерствомъ предложилъ на каждаго казака по два стакана вина, а купецъ А. М. Коп-

тевъ далъ на дорогу каждому по булкѣ и калачу. Кромѣ того, многіе изъ гражданъ давали своимъ постояльцамъ на дорогу по 15 и 20 коп. сер.

Еще зимой 1854 года граждане нижегородскіе, по предложенію городскаго головы, роздали проходившимъ чрезъ Нижній-Новгородъ воинскимъ командамъ теплой валеной обуви до 3,000 паръ; казакамъ также Д. И. Климовъ, вмѣстѣ съ купечествомъ, предложилъ по парѣ валяныхъ сапоговъ а офицерамъ такіе же лучшей работы съ колошами (306:).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, также какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, чувства народныя изливались въ патріотическихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ были нѣкоторыя напечатаны въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (307:).

Незабвенный Карамзинъ говорилъ друзьямъ своимъ, указывая на Кремль Нижегородскій: «русскіе 1812 года будутъ таковы же, какими были они въ 1612 году» (308:),—и великій исторіографъ неошибся:—въ нашествіе двадцати народовъ, предполагавшихъ поработить Россію, русскіе доказали всему свѣту, что два столѣтія не измѣнили ихъ преданности Вѣрѣ, Престолу и Отечеству. Да позволено будетъ и мнѣ, оканчивая краткій очеркъ исторіи Нижняго-Новгорода, сказать, что нижегородцы, да и всѣ русскіе, таковы же и нынѣ, какими были они въ 1612 и 1812 годахъ:—они также безусловно вѣрятъ въ Провидѣніе,—также безгранично преданы Царю и также горячо любятъ Отчизну, и готовы, по слову Державнаго Отца своего, для защиты Святаго Креста, для славы Престола Мономахова и блага родины,— на всѣ жертвы. Не посрамятъ они имени Русскаго, и, если будетъ нужно, не только повергнутъ все достояніе свое къ стопамъ Царя, въ которомъ видятъ они образъ Бога—на землѣ, но, для сокрушенія враговъ Креста и Отечества, лягутъ костями.—Русскіе неизмѣнны (309:)!

КОНЕЦЪ I ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ 1-Й ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ 1-й ЧАСТИ.

(1). Городецъ—нынѣ село въ Балахнинскомъ Уѣздѣ, на лѣвомъ берегу Волги, въ 17 верст. отъ Балахны и 50—отъ Нижняго-Новгорода.

(2). Сура беретъ начало свое въ Пензенской Губерніи; въ Нижегородской же течетъ по Васильскому Уѣзду и впадаетъ въ Волгу при самомъ г. Василѣ, въ 162 вер. отъ Нижняго-Новгорода; Ворона (Воронежъ) и Цна вытекаютъ въ Тамбовской Губерніи; первая впадаетъ въ Донъ (въ Воронеж. Губ.), послѣдняя въ Оку, близь г. Елатмы.

(3). Кудьма течетъ въ Нижегородскомъ Уѣздѣ и впадаетъ въ Волгу при селѣ Кадницахъ, въ 40 вер. ниже Нижняго-Новгорода; Теша, вытекая близь г. Лукоянова, течетъ по Уѣздамъ: Лукояновскому, Арзамасскому и Ардатовскому; она впадаетъ въ Оку ниже Мурома. Алатырь течетъ по Лукояновскому Уѣзду и впадаетъ въ Суру близь г. Алатыря (Симб. губ.). Пьяна имѣетъ начало и конецъ въ Симбирской Губерніи, въ Нижегородской же течетъ по Уѣздамъ: Сергачскому, Княгининскому и Ардатовскому.

(4). Арзамасъ—лучшій городъ Нижегородской Губерніи, разстояніемъ отъ Нижняго-Новгорода въ $111^1/_2$ вер.

(5). Нынѣ село и при немъ монастырь, Владимірск. Губерніи и Уѣзда, въ 11 верст. отъ губернскаго города, по тракту къ Нижнему-Новгороду.

(6). См. Лаврент. Лѣт.

(7). См. Истор. Татищева и Записки Императрицы Екатерины II, касательно Россійской Исторіи.

(8). Нынѣ Новая деревня принадлежитъ гг. Тулубѣевымъ.

(9). Березопольемъ называлась южная часть Нижегородскаго Уѣзда и Уѣздъ Горбатовскій.

(10). Легенда эта сообщена однимъ любителемъ старины и владѣтелемъ множества старинныхъ книгъ и манускриптовъ.

(11). Городъ Глядѣнь находился въ пяти верстахъ отъ нынѣшняго Устюга-Великаго; онъ стоялъ на высокой горѣ, съ которой можно было *глядѣть* на всѣ его окрестности. См. Ист. Гос. Росс., Т. III, прим. 187.

(12). См. Лаврент. Лѣтоп.

(13). Въ Книгѣ Большому Чертежу также говорится, что Нижній-Новгородъ стоитъ на Дятловыхъ горахъ. Приведенная легенда оты-

скана г. Мельниковымъ въ одномъ сборникѣ XVII столѣтія и помѣщена въ Ниж. Губ. Вѣдомостяхъ 1845 г., № 3, и 1847 г., № 7.

(14). См. Нижег. Лѣтоп.

(15). Въ Нижег. Лѣтоп.: «6735 г. Великій Князь Юрій Всеволодо«вичъ въ Новѣгородѣ Нижнемъ заложилъ церковь каменную Архи«стратига Михаила»; въ Лаврент.: «въ лѣто 6733 г. заложи Великій «Князь Гюрги камену церковь, на усть Окы Новѣгородѣ, Спаса свя«таго.»

(16). Надпись на паперти Архангельскаго Собора начинается такъ: «Древле Низовскою Землею владѣли идолопоклонники Мордва. Благо«честивый Великій Князь, нынѣ духомъ въ Бозѣ, а нетлѣннымъ тѣ«ломъ своимъ во градѣ Владимірѣ почивающій, Георгій Всеволодо«вичъ Владимірскій, дабы обеспечить владѣнія свои отъ набѣговъ «сосѣдственныхъ народовъ, заложилъ въ 6707 году на устьѣ рѣки «Оки градъ, нарекъ имя ему Нижній-Новгородъ» и пр.

(17). См. Лаврент. Лѣтоп. Г. Мельниковъ полагаетъ, что Русь пургасова были рязанцы. См. «Нижегородское Великое Княжество,» въ Ниж. Губ. Вѣдомостяхъ 1847 г., № 2. О Богородицкомъ Монастырѣ см. во II части этой книги, гл. III.

(18). Суздальская епархія учреждена Великимъ Княземъ Георгіемъ въ 1215 г. См. Ист. Гос. Росс., т III, гл. I.

(19). По Воскресен. лѣтоп., Георгій въѣхалъ въ Суздаль 11 Сентября 1217 г.

(20). См. Ист. Гос. Росс., т. III, стр. 239, и прим. 303.

(21). См. тамъ же, т III, Степенную книгу и Словарь Историческій о Святыхъ.

22). Г. Мельниковъ. См. Ниж. Губ. Вѣдом. 1847 г., № 3.

23). См. Ист. Гос. Росс., т. III, и Степ. книгу.

24). См. Ниж. Лѣтоп.

25). См. Лѣтоп. Нижег., Воскрес. и Львов., Описаніе Нижег. Печерск. Монастыря, соч. Добротворскаго, и III гл. II части этой книги.

26). См. Лѣтоп. Нижегор. и Ростовск.

(27). См. Лѣтоп. Нижегород. и Никоновск.

(28). Бережецъ—нынѣ село Бережцы, Владимір. Губер., Гороховск. Уѣзда; Шуя и Юрьевецъ уѣздные города: первый Владим. Губер., второй Костром.; р. Вадъ течетъ въ Арзамасскомъ Уѣздѣ: она впадаетъ въ Тешу. По лѣвой сторонѣ Волги граница Нижегородскаго Княжества проходила до рѣкъ Унжи и Ветлуги, но тамъ было мало народонаселенія.

(29). См. Лѣтоп. Нижег., Троицк., Новогор. и Никоновск.; Ист. Гос. Росс., т. IV., прим. 376 и 377; надпись на гробницѣ Великой Княгини Анны—въ Нижег. Преображенскомъ Соборѣ и статью Г. Шаганова О древнихъ гробницахъ въ Суздалѣ (въ Ниж. Губ. вѣдомостяхъ 1847 г., № 40).

(30). Димитрій-Ноготь при пашествіи Булатъ-Темира на области нижегородскія, въ 1366 г., жилъ въ Суздалѣ, гдѣ, въ послѣдствіи, какъ надо полагать, и скончался въ иночествѣ, подъ именемъ Діонисія. Годъ кончины его и мѣсто погребенія неизвѣстны. Супруга Димитрія-Ногтя, Марія, во иночествѣ Марина, скончалась въ 1362 году; тѣло ея погребено въ Суздалѣ, въ женскомъ монастырѣ—нынѣ приходская церковь св. Александра Пертскаго. См. Троицк. Лѣтоп. и статьи Мельникова: «1-ю Нижегородское Великое Княжество, 2-ю О мѣстѣ погребенія Великаго Князя Димитрія Константиновича;»—Г. Шаганова, «О древнихъ гробницахъ въ Суздалѣ» (въ Ниж. Губ. Вѣдомостяхъ 1847 г., №№ 7, 32 и 40).

(31). По смерти Чянисбека престолъ сарайскій занялъ сынъ и убійца его Бербидекъ, но и онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ Товбуліемъ, который присовѣтовалъ ему убить отца и двѣнадцать братьевъ. Потомъ сѣлъ на Царство Ордынское Кульпа; его владычество продолжалось всего пять мѣсяцевъ: онъ убитъ Немврусомъ, а Немврусъ убитъ Хидаремъ, Хидарь же палъ отъ руки сына своего Темиръ-Хожа. Темникъ-Мамай, убивъ этаго отцеубійцу и провозгласивъ ханомъ Авдула, перешелъ съ нимъ съ луговой стороны Волги на горную. Въ тоже время явился еще претендентъ на престолъ сарайскій, какой-то Кильбидекъ, выдававшій себя за сына Чинисбекова, но также былъ убитъ. Въ Сараѣ же заперся, вмѣстѣ съ нѣсколькими вельможами, братъ Хидаря, Амуратъ; его также называютъ Муратомъ и Мюридомъ. Всѣ поименованныя убійства произошли въ теченіи четырехъ лѣтъ,—съ 1357 по 1361 годъ. См. Степен. Книгу, Ист. Гос. Росс., т. IV, гл. XI и XII, и Ист. Устрялова, ч. 1, ст. 261.

(32). См. Лѣтоп. Лаврент. и Никоновск. и Софійск. Временникъ.

(33). См. Лѣтоп. Никоновск. и Ростовск.

(34). См. Лѣтоп. Никоновск. и Архангельск. Въ послѣдней сказано,

что начальника ушкуйниковъ звали Анфимомъ Никитичемъ. Ушкуями, или вушкуями, назывались легкія лодки.

(35). См. Никоновск. Лѣтоп.

(36). См. Нижегор. Лѣтоп.

(37). См. Никоновск. Лѣтоп.

(38). Городъ Бездежъ былъ въ Землѣ Ясской, яссы же жили между Морями Чернымъ и Каспійскимъ. См. Ист. Гос. Росс., т. IV, стр. 215, и прим. 147.

(39). См. Никон. Лѣт.

(40). См. Степен. Книгу.

(41). См. Нижегор. Лѣтоп. и Акты Истор., т. 1, стр. 434 и 435.

(42). Московскіе тысяцкіе имѣли свою благородную дружину. Они, какъ полагаетъ Карамзинъ, были избираемы гражданами, и предводительствовали ими въ военное время. Димитрій Донской уничтожилъ этотъ важный санъ, непріятный для власти государей и для бояръ, обязанныхъ уступать первенство народному чиновнику. См. Ист. Гос. Росс., т. V, стр. 39.

При этомъ двойномъ бракѣ Димитрій Константиновичъ подарилъ обоимъ дочерямъ своимъ по поясу. Поясъ Евдокіи былъ богаче Маріина, съ золотыми цѣпями, осыпанными дорогими каменьями; Василій Вельяминовъ, прельстясь имъ, подмѣнилъ его Маріинымъ. Этотъ поясъ впослѣдствіи былъ историческимъ яблокомъ раздора между Васильемъ Темнымъ, Васильемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой. См. тамъ же т. V, стр. 245.

(43). См. Никоновск. Лѣтоп. Въ Львовскомъ Лѣтоп. говорится, что ушкуйники еще раззорили Нижній-Новгородъ въ 1371 г. Въ этотъ разъ ими предводительствовали какіе-то Прокопъ и Емельянъ, или Смольянинъ, которые погибли съ своими товарищами въ Астрахани: тамошній владѣтель Сальгей, напоивъ ихъ до пьяна, велѣлъ зарѣзать. «И тако погибоша зліи разбойницы, якоже рѣче Христосъ: внюже мѣру измѣрите, возмѣрится и вамъ», прибавляетъ лѣтописецъ, описавъ смерть ушкуйниковъ. См. Львов. II—143.

(44). См. Лѣтоп. Нижегор. и Никоновск. и Степ. Книгу. О Благовѣщенскомъ Монастырѣ см. III гл. II час. этой книги.

(45). См. Лѣтоп. Нижегород., Никоновск. и Троицк.

(46). См. Троицк. Лѣтоп.

(47). Городъ Бирскъ, Оренбургской Губерніи, разстояніемъ отъ Нижняго-Новгорода въ 1231 вер. Г. Мельниковъ, въ своихъ Историческихъ запискахъ о Нижнемъ-Новгородѣ, полагаетъ, что урочище *Волчьи воды* должно искать въ Симбирской или Пензенской Губрніяхъ. См. Отеч. Записки 1842 г., т. XI., стр. 17. Отд. 1.

(48). См. Лѣтоп. Нижегород. и Никонов.; Истор. Гос. Росс., т. V, стр. 50 и 78; Истор. Устрял., ч. I, стр. 262. Въ Никоновской лѣтописи Симеонъ названъ *Михайловичемъ,* а въ Нижегородской—*Димитріевичемъ,* сыномъ Димитрія-Ѳомы; но изъ этой же лѣтописи видно, что у Димитрія-Ѳомы было только три сына: Василій, Іоаннъ и Симеонъ; послѣдній дѣйствовалъ послѣ запьянской битвы, и умеръ уже по паденіи Княжества Нижегородскаго, что видно изъ всѣхъ лѣтописцевъ, не исключая и Нижегородскаго. Князь Симеонъ, павшій въ запьянской битвѣ, не былъ ли сынъ Димитрія—Ногтя?

(49). См. Лѣтоп. Нижегород. и Никоновск. Рѣчка Сундовикъ впадаетъ въ Волгу при извѣстномъ селѣ Лысковѣ, находящемся на правомъ берегу Волги, въ Макарьевскомъ Уѣздѣ, во ста верстахъ отъ Нижняго-Новгорода. Лысково нынѣ принадлежитъ графинѣ Аннѣ Георгіевнѣ Толстой, урожденной княжнѣ Грузинской.

(50). См. Лѣтоп. Нижегород., Троицк. и Никоновск., Степ. книгу и Словарь Историч. о Святыхъ. Анастасія скончалась: по Нижегор. Лѣтоп. въ 1375 г., по Троицк. въ 1377, а по Степен. Книгѣ въ 1378 году.

(51). См. Троицк. Лѣтоп.

(52). Карамзинъ полагаетъ, что князь Остяй былъ присланъ въ Москву Велик. Княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. См. Ист. Гос. Рос., т V, стр. 80.

(53). См. Лѣтоп. Нижегор., Троицк., Архангельск., Ростовск. и Степ. Книгу.

(54). См. Лѣтоп. Нижегор. и Никоновск. Въ прежнее время младенцамъ давали имена тѣхъ святыхъ, которымъ праздновалось въ день ихъ рожденія; другое же имя давалось уже при крещеніи: такъ Іоаннъ III, былъ названъ Тимоѳеемъ, а сынъ его Василій—Гавріиломъ. См. Ист. Гос. Росс., т V, прим. 257, и т VI, прим. 205, и Степ. книгу.

(55). См. конецъ Лаврент. Лѣтоп.

(56). См. Никоновск. Лѣтоп.

(57). См. Ростовск. Лѣтоп.

(58). См. Степ. Книгу и Лѣтоп. Нижегород., Никоновск. и Троицк.

(59). См. Древ. Росс. Виѳлеоѳ., т VI, стр. 2, т VIII, стр. 350, и т IX, стр. 504.

(60). См. Никоновск. Лѣт. Кирдяпы хотя и владѣли Нижнимъ-Новгородомъ, но короткое время; притомъ, обязавшись служить Димитрію Іоанновичу, они потеряли уже свою независимость.

(61). Спасоевѳиміевъ Монастырь въ Суздалѣ, Михайловскій Соборъ въ Городцѣ и Соборъ въ Курмышѣ и друг.

(62). См. Синодикъ Нижегор. Печер. Монастыря, писанный въ 1648 г., и Ак. Эксп., т. I, № 12. По Степенной Книгѣ и Нижегор. Лѣтописцу, Василій Димитріевичъ ходилъ въ Орду въ 1391 г., и въ томъ же году свергнулъ Бориса; но по прочимъ лѣтописямъ и Ист. Гос. Росс., это случилось въ 1392 г. Грамата же Бориса, данная архимандриту Благовѣщенскаго Монастыря на рыбныя ловли, писана Декабря 8-го 1393 г. Бобры въ Нижегородской Губерніи, кромѣ Суры, водились въ Заузольской волости и на Михалчиковѣ островѣ. Гдѣ былъ этотъ островъ, неизвѣстно, а Заузольская волость заключала въ себѣ: юговосточную часть нынѣшняго Балахнинскаго Уѣзда, почти весь Семеновскій и часть Макарьевскаго; бобры водились тамъ даже до конца XVII стол. См. Ниж. Губ. Вѣдомости 1846 г., № 19.

(63). См. Троицк. Лѣтоп. и статью г. Шаганова «О древнихъ гробницахъ въ Суздалѣ» (въ Ниж. Губ. Вѣдом. 1847 г., № 40).

(64). См. Лѣтоп. Нижегород. и Троицк.—Въ послѣднемъ это событіе отнесено къ 1395 г.

(65). См. Троицк. Лѣтоп. Гдѣ покоится прахъ Симеона—неизвѣстно. Въ Нижегородскомъ Преображенскомъ Соборѣ есть гробница, въ которой, какъ говоритъ надпись, будто бы погребенъ Симеонъ Кирдяпа; но это не вѣрно: въ ней лежитъ тотъ князь Симеонъ, который палъ въ запьянской битвѣ. См. выше прим. 48.

(67). См. Троицк. Лѣтоп.

(68). См. Тамъ же.

(69). См. Лѣтоп. Нижегород. и Троицк. Карамзинъ, придерживаясь послѣдняго, говоритъ, что битва на Оленьей горѣ была за годъ до

того времени, какъ Зелени-Султанъ объявилъ Даніила и его брата законными наслѣдниками Княжества Нижегородскаго. См. Ист. Гос., Росс., т V, стр. 198.

(70). См. Лѣтоп. Нижегород. и Никоновск.

(71). См. Никоновск. Лѣтоп.

(72). Впрочемъ, это одна догадка: Въ Троицк. Лѣтоп. о погребеніи Іоанна Васильевича Суздальскаго сказано только: «и положиша его «въ церкви Архангела Михаила», а гдѣ, въ Москвѣ или Нижнемъ, необъяснено.

(73). О титулѣ Александра Брюхатаго и ссорѣ его съ Великимъ Княземъ см. Ак. Арх. Эксп., т I, № 17, а о женитьбѣ и смерти—въ Троицк. Лѣтоп., гдѣ дочь Василія Димитріевича названа Василисою.

(74). См. Троицк. Лѣтоп. и Акт. Арх. Эксп., т I, № 18.

(75). См. Троицк. Лѣтоп. и въ I т. Собр. Акт. Истор. грамату Василія Темнаго, данную Спасоевѳиміеву Монастырю. Изъ послѣдней видно, что и Васса умерла ранѣе 1440 года. Троицкій Лѣтописецъ перваго мужа Вассы, Александра Брюхатаго, называетъ сыномъ Ивана Борисовича Туголукаго, но въ одномъ спискѣ родословной книги, которымъ пользовался г. Мельниковъ при составленіи статьи «Утвари въ селѣ Медвѣдевѣ» (См. Ниж. Губ. Вѣд. 1846 г., № 46), сказано: «А князь Даніиловъ сынъ. Борисовича, князь Александръ, прозвище «ему *Взметень*, бездѣтенъ, а была за нимъ дочь Великаго Князя Ва- «силія Димитріевича Васса, а напередъ того была за княземъ Алек- «сандромъ Ивановичемъ за Брюхатымъ, за княземъ Васильевымъ, «*внукомъ Кирдяпинымъ*.» Послѣднее показаніе, кажется, вѣроятнѣе, иначе бы Васса была въ замужствѣ за двумя двоюродными братьями.

(76). См. Лѣтоп. Никонов., Нижегород., Энциклоп. Лексик., т XV, стр. 338; Синодикъ Ниж. Печер. Монастыря 1648 г., Ист. Гос. Росс., изданіе третіе, т. V, прим. 118, и Ак. Арх. Эксп., т I, № 18.

(77). См. Ист. Гос. Росс., т V и VI, и надпись на гробницѣ Іоанна Борисовича.

(78). См. Лѣт. Нижегор. и Никоновск.

(79). См. Нижегор. Лѣтоп. Карамзинъ говоритъ, что въ Нижнемъ оковъ ржи продавался только по 6 руб. См. Ист. Гос. Росс., т V, стр. 210.

(80). См. Нижегор. Лѣтоп.

(81). См. Степ. Книгу. Полагаютъ, что въ 1434 г. Васса Димитріевна съ сыномъ своимъ жила въ Нижнемъ-Новгородѣ и что она-то, въ память пребыванія въ Нижнемъ брата своего Василія Темнаго, пожертвовала, Апрѣля 9-го, въ Нижегородскій Преображенскій Соборъ напрестольный крестъ, который нынѣ находится въ Троицкой единовѣрческой церкви села Медвѣдева, отстоящаго отъ г. Семенова около 4 верстъ. См. стат. г. Мельникова: Утвари въ селѣ Медвѣдевѣ, въ Ниж. Губ. Вѣд. 1846 г. № 46.

(82). См. Казанскую Исторію Бажанова, час. I.

(83). См. Лѣт. Нижегород., Никоновск. и Псковск., Софійск. Времен. и Степен. Книгу.

(84). См. Древн. Росс. Вивлеоѳ., т II, ст. 275 и 276, и т IX, ст. 246 и 434, и Собр. Госуд. Грам. и Договор., Т. I ст., 135 и 185.

(85). См. Соб. Госуд. Грам. и Догов., т II, стр. 185.

(86). См. Никонов. Лѣт.

(87). Тамъ же.

(88). См. Лѣт. Никон., Львов. и Царствен. и Соф. Врем.

(89). Въ 1471 г. Іоаннъ казнилъ сына Марѳы Василія, но объ ней, какъ бы изъ презрѣнія, не хотѣлъ упомянуть въ договорѣ съ новогородцами. См. Ист. Гос. Росс., т. VI, гл. I. Въ житіи св. Зосимы Соловецкаго сказано: «Боярыня (Марѳа) повелѣніемъ Великаго Князя послана въ заточеніе въ Нижній-Новгородъ.» См. Чет. Минеи.— Тверской Губерніи Вышневол. Уѣзда въ с. Млевѣ, лежащемъ на берегу р. Мсты, при церкви Спаса Нерукотвореннаго, показываютъ могилу какой то Марѳы.—Мѣстное преданіе, слышанное авторомъ въ 1841 г. отъ жителя Млева, столѣтняго старика, утверждаетъ, что тутъ погребена Борецкая, умершая на пути въ Москву, и что вѣчевой колоколъ по приказанію царя брошенъ тутъ же въ р. Мсту. Но несправедливость этаго преданія доказана еще Карамзинымъ. См. Ист. Гос. Росс., т. VI, прим. 180.

(90). См. Никон. Лѣт.

(91). См. Львов. Лѣт. и Соф. Врем.

(92). См. Путешествіе *Берга* въ Чердынь и Соликамскъ и Казанск. и Никонов. Лѣт.

(93). См. Казанск. Лѣт.

(94). См. Нижег. Лѣт.

(95). Тамъ же

(96) Тамъ же и Гербештейна.

(97). Разсказъ объ этомъ переданъ г. Мельниковымъ въ его Запискахъ на пути изъ Симбирской Губерніи въ Сибирь (См. Отеч. Записк. 1839 г., т. VII, отд. VIII,) и въ Ниж. Губ. Вѣд. 1846 г., № 52.

(98). См. Лѣт. Нижег. и Никон. и Соф. Врем.

(98). См. Царств. Лѣт.

(100). См. Лѣт. Нижег., Никон. и Львов. Рождественскій ручей есть нынѣшній Успенскій оврагъ, который начинается близь Сергіевской улицы и выходитъ на Рождественскую, близь дома купца Папина.

(101). См. Лѣт. Нижег. Никон. и Львов.

(102). Деревня Ельня въ Нижег. Уѣзд., а село Работки въ Макар., на берегу Волги; первая въ 17 верст., второе въ 100 верст. отъ Ниж. Новг.

(103). См. Царств. Лѣт.

(104). Тамъ же.

(105). См. Ниж. Губ. Вѣдом. 1847 г., № 34.

(106). См. Царств. Лѣт.

(107). Тамъ же.

(108). См. Ниж. Губ. Вѣд. 1846 г., № 56.

(109). См. II гл. II част. этой книги.

(110). См. Лѣт. Никон., Царств. и Нижег.

(111). См. Царств. Лѣт.

(112). См. Лѣт. о Мятеж. и Никон.

(113). См. Настольную грамату ниж. митроп. Филарета, напечатанную въ XVIII т. Древ. Росс. Вивлеоѳ.

(114). См. Нижег. Лѣт. и III гл. II ч. этой книги.

(115). См. Никон. Лѣт. и Ист. Гос. Росс., т. XI, глав. 2.

(116). См. Лѣт. о Мятеж.

(117). Тамъ же.

(118). См. Ак. Ист., т. II, № 107.

(119). Шереметевъ вмѣстѣ съ Иваномъ Солтыковымъ и Иваномъ Плещеевымъ были посланы противъ бунтовавшей Астрахани. См. Лѣт. о Мятеж.

(120). Села Копысово и Козино въ Балахнинскомъ Уѣздѣ; первое въ 11 верст., второе въ 20 отъ Нижняго. Прежде онѣ принадлежали Троицкой Лаврѣ.

(121). См. Никон. Лѣт., Ак. Эк., т. II—104, Ак. Ист. 112 и 113. Павловскій острогъ—нынѣ село на берегу Оки, въ 70 верст. отъ Нижняго, Ворсма 12 верст. ближе къ Нижнему. Оба эти села принадлежатъ Графу Шереметеву.

(122). См. Нижній-Новгородъ и нижегородцы въ смутное время, статья г. Мельникова въ Отеч. Запис., т. XXIX, отд. II.

(123). Нынѣ слюдой называется небольшой лѣсокъ около города за старой Московской заставой.

(124). При своемъ восшествіи на престолъ Шуйскій целовалъ крестъ—*ни надъ кѣмъ ничего не дѣлать—безъ собору ни какого дурна.* См. Лѣт. о Мятеж.

(125). См. Никон. Лѣт. и стат. Нижній и нижегородцы въ смутное время.

(126). См. тамъ же села Яковцево и Клинъ Владим. Губ. Муромск. Уѣзда.

(127). См. Никон. Лѣт. Село Рѣшма Костром. Губ. въ 22 вер. отъ г. Кинешмы, который отстоитъ отъ Нижняго въ 220 верстахъ; Холуйская слобода Влад. Губ. Вязников. Уѣзда.

(128). Смот. Никон. Лѣт. Село Дуденево Владимір. Губ. Шуйскаго уѣзда.

(129). См. Собр. Гос. Гр. и Дог., т II—146, 186 и Никон. Лѣт.

(130). См. Лѣт. о мятеж. и Сказаніе Палицына.

(131). См. Никон. Лѣт. и Собр. Гос. Гр. и Дог., т II—390 и Ист. Гос. Рос., т XII, пр. 561.

(132). См. Лѣт. о Мятеж. Хорошавскія поля близь Москвы.

(133). См. Сказ. Палицына.

(134). См. ст. Нижній и нижегородцы. О принятіи въ Нижнемъ присяги Владиславу говоритъ только Нѣмцевичь. См. Ист. Гос. Росс., т XII, прим. 608.

(135). См. Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II—496.

(136). См. Ак. Эк., т. II—174, 175 и 176.

(137). См. Лѣт. о мятеж. и Никонов.

(138). Родіонъ Моисеевъ и боярскіи сынъ Романъ, или Рахманъ Пахомовъ, презирая опасности, переносили вѣсти изъ Москвы въ Нижній и обратно. См. ст. Нижн. и нижегородцы.

(139). См. Ак. Эк. т. II.

(140). См. Собр. Гос. Грам. и Догов., т. II—506 и 522.

(141). См. Никон. Лѣт. Шествіе на осляти, извѣстный церковный обрядъ, отмѣненный Петромъ Великимъ.

(142). См. Никон. Лѣт.

(143). См. Лѣт. о Мятеж.

(144). Это подтверждается тѣмъ, что граматы, которыми народъ призывался на защиту отечества, были писаны большой частію однимъ Ляпуновымъ. См. Ак. Эк., т. II—182, 185 и 188.

(145). См. Ак. Эк. т. II—197.

(146). См. Лѣт. о мятеж.

(147). См. Ист. Гос. Росс., т. XII и Ист. Устрял., час. V.

(148). Тамъ же.

(149). См. Лѣт. о Мятеж.

(150). См. ст. Нижній и нижегород.

(151). См. Палиц. и Ак. Эк., т. II.—190.

(152). См. Историч. замѣтки въ Отечеств. Запискахъ 1842 г., № 8, смѣсь.

(153). Митрополитъ Платонъ. См. Описаніе жизни и подвига Минина, составленное Н. Ильинскимъ С. П. Б. 1799 г.

(154). См. Ист. Устрял., ч. V, стр. 162.

(155). См. Послан. къ Коринѳ. Апост. Павла, гл. I, ст. 27 и 28.

(156). См. Лѣт. о Мятеж.

(157). Г. Смирновъ въ статьѣ Бояринъ и воевода Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій полагаетъ, что Мининъ могъ имѣть такое значеніе, какое онъ имѣлъ во время похода, только при князѣ Пожарскомъ, который былъ въ высшей степени недовѣрчивъ къ себѣ. См. Отечес. Запис. 1849 г., № 12., Отд. II.

(158). См. Біографію Пожарскаго соч. Малиновскаго, Ист. Гос. Росс., т. XII, прим. 335 и стат., г. Смирнова—Бояринъ и Воевода Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій (Отеч. Зап. 1849 г. № 12). Г. Мельниковъ въ своей статьѣ—Нижній-Новгородъ и нижегородцы говоритъ, что Пожарскіе владѣли Стародубомъ на Клязьмѣ. Село Пурехъ въ Балахн. Уѣздѣ въ 60 верст. отъ Нижняго.

(159). См. Нижн. и нижегород.

(160). Тамъ же.

(161). См. Лѣт. о Мятеж.

(162). Голиковъ, Малиновскій и Чичаговъ (въ біограф.—Пожарскаго), Мельниковъ (въ ст. Нижн. и нижегород.) и другіе говорятъ, что Пожарскій съ радостію согласился по первой просьбѣ принять начальство надъ нижегородцами; но Пожарскій въ граматѣ въ Путивль пишетъ: «и посылали по меня Князя Димитрія изъ Нижняго «многажды». См. Древ. Росс. Вивл., ч. II, и Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II—281.

(163). См. Лѣт. о Мятеж.

(164). Тамъ же.

(165). Тамъ же.

(166). Тамъ же и Нижег. Лѣтоп. Въ послѣднемъ сказано, что Пожарскій вступилъ въ Нижній въ 1720 г., т. е. не ранѣе Сентября 1611 г. Г. Мельниковъ полагаетъ, что это случилось въ Ноябрѣ или Декабрѣ; но изъ одной граматы, помѣщенной съ Собр. Гос. Грам. и Догов. (II—217:) видно, что Пожарскій былъ уже въ Нижнемъ въ Августѣ 1611 г.

(167). См. Ак. Эксп. II—202. Ратнымъ людямъ, пошедшимъ съ княземъ Пожарскимъ и Мининымъ на очищеніе Московскаго Государства, было выдано въ Нижнемъ денегъ 5206 р., и въ этой суммѣ было болѣе $^4/_5$ строгоновскихъ денегъ. См. Врем. Отд. Импер. Москов. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ, книга XVIII.

(168). См. Лѣт. о Мятеж.

(169). Лѣт. о Мятеж. говоритъ, что казанцы явились, когда уже Пожарскій былъ въ Ярославлѣ; но изъ Акт. Эк. видно, что они застали его еще въ Нижнемъ (:См. т. II, ст. 201:). Но какъ бы то ни было,—казанцы были плохіе помощники нижегородцамъ: напитанные духомъ Шульгина, они принесли въ соединенный станъ свары и смуты, и ушли изъ Ярославля обратно домой, производя по дорогѣ страшные безпорядки, или какъ говоритъ Лѣтопись—«лише многую пакость земли содѣлаша!» Изъ числа казанцевъ остались въ Ярославлѣ только двадцать мурзъ и князей, дворянъ тридцать, головы: казацкій Лукъянъ Мясной и стрѣлецкій Постникъ Нѣловъ, съ первымъ было нѣсколько казаковъ, съ послѣднимъ—сто стрѣльцовъ. Мясной и Неѣловъ въ послѣдствіи много потерпѣли отъ Шульгина. См. Лѣт. о Мят.

(170). См. Лѣт. о Мятеж.

(171). Тамъ же.

(172). См. Соб. Гос. Гр. и Дог., т. II—276 и 277.

(173). См. Лѣт. о Мятеж.

(174), Тамъ же.

(175). О Кинешмѣ сказано уже въ примѣчаніи 113.—Плесъ;—заштатный городъ, на Волгѣ, 54 вер. ниже Костромы.

(176). См. Лѣт. о Мятеж.—О Костромскихъ ратникахъ смот. Взглядъ на Ист. Костромы, соч. Князя Козловскаго.

(177), Въ Лѣт, о Мятеж. сказано, что Пожарскій узналъ объ этомъ

еще въ Решмѣ, но въ окружной граматѣ, писанной изъ Ярославля, Пожарскій говорилъ, что онъ узналъ о новомъ предательствѣ Трубецкаго и Заруцкаго въ Ярославлѣ, почему тамъ и остановился. Смот. Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II—28.

(178). См. сказ. Палиц.

(179). Село Шопна въ 26 вер. отъ Ярославля, на нынѣшнемъ московскомъ трактѣ.

(180). Неговоря уже о его предательствахъ самозванцамъ, что можетъ оправдать его поступки въ день этой битвы?

(181). См. Лѣт. о Мятеж. и Сказ. Палиц.

(182 См. Лѣт. о Мятеж.—Іоаннъ Васильевичъ Горбатый, правнукъ Димитрія Константиновича, отказавшійся, по договору съ Василіемъ Темнымъ, отъ Нижняго-Новгорода (См. IV гл. этой книги), имѣлъ сына Іоанна Іоанновича Горбатаго—Суздальскаго, который былъ при Іоаннѣ III намѣстникомъ въ Псковѣ. У Іоанна Іоанновича былъ сынъ Борисъ, у Бориса—Александръ и дочь Варвара, по другимъ Евдокія. Она вышла за мужъ за боярина Никиту Романовича Захарьина и имѣла сына Өеодора Никитича Романова, въ послѣдствіи патріарха Филарета, родителя царя Михаила Өеодоровича. См. Ниж. Губ. Вѣд. 1845 г., № 10.

(183). См. Лѣт. о Мятеж., Сказ. Палиц. и Собр. Гос. Грам. и Дог. т I—203,

(184). Этой иконѣ прежде праздновали въ день ея явленія 16 Августа См. описаніе Костром. Успенскаго Собора составленное протоіер. Арсэньевымъ Моск. 1837 г.

(185). Өеодосій подписался семнадцатымъ отъ начала приложившихъ къ граматѣ руку и девятымъ между архимандритами; князь Пожарскій сорока вторымъ между боярами одиннадцатымъ; двое выборные нижегородскіе подписали въ самомъ концѣ граматы:—ниже ихъ подписался только одинъ выборный ливенскій *попъ Гаврило.* См. Древ. Рос. Вивл. т. В ст. 273, 275 и 293.

(186). Село Богородское въ Горбатовскомъ уѣздѣ въ сорока вер. отъ Нижняго. Нынѣ оно принадлежитъ Гг. Шереметевымъ.

(187). Малиновскій и Чичаговъ въ біограф. Пожарскаго, и Мельниковъ въ стат. Ниж. и Нижегородцы.

(188). См. стат. г. Смирнова Бояр. и Воев. Князь Димитрій Ми-

хайловичъ Пожарскій. Отечест. Зап. 1849 г., № 12. Родъ Пожарскихъ, по женской линіи, перешелъ въ фамиліи Репниныхъ, Милославскихъ, Долгоруковыхъ, Куракиныхъ и Голицыныхъ посредствомъ браковъ внучекъ князя Димитрія, Анны, Агрипины и Евдокіи.

(189). См. письмо протоіер. Рожанскаго къ Н. А. Полевому въ Сынѣ Отеч., т. I, Отд. III. Протоіерей Рожанскій полагаетъ, что сына Минина, извѣстнаго въ современныхъ актахъ подъ именемъ Нефедья, звали не Мефодіемъ а Неофидомъ или Неофитомъ.

У Минина были братья Сергѣй и Безсонъ, отъ одного изъ нихъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, происходятъ балахнинскіе купцы Минины. Также считаютъ по преданію, потомками сестры Минина, Дарьи, Подсѣвальщиковыхъ, изъ которыхъ въ настоящее время есть купцы (въ Казани): и мѣщане (въ Нижнемъ), изъ послѣднихъ нѣкоторые служатъ въ военной службѣ. Чрезъ Подсѣвальщиковыхъ считаются потомками Дарьи Мининшны проживающіе въ Нижнемъ: дочь чиновника Гурьянова Надежда и сынъ его старшій писарь 10-го стрѣлковаго баталіона Павлинъ Гурьяновъ; дочь Нижегородскаго купца Тимоѳея Олисова Авдотья, мѣщанка Авдотья Колмыкова и купцы и мѣщане нижегородскіе: Сосннны, Вознесенскіе, Кожелевы, Каменевы, Ремизовы и Вѣтошниковы, казанскіе: Кулыгинъ и Гончаровъ.

Бывшій нижегородскій городской голова Ѳ. П. Переплетчиковъ дѣятельно трудился объ открытіи дѣйствительнаго произхожденія Подсѣвальщиковыхъ и прочихъ поименованныхъ лицъ отъ Дарьи Мининшны, но фактовъ не было отыскано: все опиралось на одни преданія. О братьяхъ Минина См. Ниж. Сот. Грам., Акт. Ар. Эк., т. III №№ 71 и 85; о Подсѣвальщиковыхъ—Сынъ Отечества 1838 г., № 1, от. III и От. Зап. 1842 г., № 7, от. VIII.

(190). Почти не подлежитъ сомнѣнію, что первый самозванецъ былъ не что иное, какъ созданіе, хотя и неудачное, іезуитовъ, неутомимыхъ ревнителей католической пропаганды.

(191). Лисовчиками назывались въ лѣтописяхъ и современныхъ актахъ войска Лисовскаго.—Въ то время какъ Москва приняла присягу Михаилу Ѳеодоровичу, Шульгинъ съ казанцами бывши въ Арзамасѣ, не хотѣлъ принимать присяги и уговаривалъ къ тому казанцевъ и арзамасцевъ, но его не послушали. Онъ бѣжалъ въ Казань, но казанцы не пустили его въ свой городъ; потомъ Шульгинъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Москву, а оттуда въ Сибирь. См. Лѣт. о Мятеж.

(192). Они зимовали въ Казани. См. тамъ же.

(193). Села Верхній Услонъ и Нижній Услонъ находятся близъ Казани, на правомъ берегу Волги.

(194). См. Ниж. Губ. Вѣд. 1845 г., № 5.

(195). См. Лѣт. о Мятеж.

(196). Заруцкій былъ посаженъ на колъ, сынъ Марины повѣшенъ, а она умерла въ заключеніи. См. Лѣт. о Мятеж.

(197). Нынѣ Село Василевское; оно лежитъ на правомъ берегу Волги въ Балахнинскомъ Уѣздѣ, верстахъ во ста отъ Нижняго-Новгорода.

(198). См. Лѣт. о Мятеж.

(199). См. Ак. Эк. II—79; указъ 1616 г. Апр. 20 ч.

(200). Деньги эти взысканы были въ 1618 г. Въ то время у Строгановыхъ было соли въ Нижнемъ-Новгородѣ на 20,030 р. 50 к., въ Муромѣ 2050 р., въ Архангельскѣ 230 р. деньгами. Въ Казани 6516 р., солью и деньгами, такъ же кромѣ того соли 280,000 пудъ; въ Калугѣ около 23,000 пудъ, въ Вологдѣ 7883 р. См. Ниж. Губ. Вѣдом. 1846 г., № 7.

(201). См. Ниж. Лѣт.—Мостъ, построенный Лыковымъ, существовалъ до 1839 г.; нынѣ тутъ сдѣлана дамба, такъ же называемая Лыковскою.

(202). См. Ак. Нижегород. Монастырей Печер. и Благовѣщ., № 77, въ Ниж. Губ. Вѣд. 1848 г. № 19.

(203). См. Ист. Устр., ч. II, стр. 189 и 190.

(294). См. Нижег. Лѣт.

(295). См. Нижегород. Сотную Грамату. Церкви Архидіакона Стефана, Рождества Христова, Іоанна Богослова, Николая Чудотворца на нижнемъ базарѣ, Бориса и Глѣба, Параскевы-Пятницы, Воскресенія Христова, Успенія Божіей Матери въ Кунавинской слободѣ, а также и бывшія на монастырскихъ подворьяхъ, нынѣ не существуютъ;—Казанскія Божія Матери и св. Ап. Петра и Павла перенесены на другія мѣста; Димитрія Солунскаго нынѣ имѣнуется Благовѣщенскимъ Соборомъ, а Афанасія и Кирилла—Тихоновскою; Пѣтушково, нынѣшняя Сергіевская улица; Дудинъ Николаевскій Амвросіевъ Монастырь находился въ 55 вер. отъ Нижняго, на берегу Оки, и принадлежалъ къ Синодальной Области; онъ упраздненъ въ 1764 г.; за нимъ числилось 1296 душъ. О монастыряхъ См. III гл. II ч. этоіі книги.

(206). См. Ак. Ниж. Монас. Печер. и Благов., № 110, въ Ниж. Губ. Вѣд. 1848 г., № 21.

(207). См. Нижег. Лѣт. и Ак. Ниж. Монас. Печер. и Благов., №№ 121 и 200, въ Ниж. Губ. Вѣд. 1848 г., №№ 22 и 23.

(208). Супруга Шуйскаго, дочь князя Петра Иван. Буйносова—Ростовскаго, Екатерина также при вступленіи въ бракъ съ царемъ, получила другое имя: ее назвали Маріей. См. Истор. Госуд. Рос., т. XII, прим. 163.

(209). Верхотурье, нынѣ уѣздный городъ Пермской Губерніи, почти въ 1650 вер. отъ Нижняго-Новгорода.

(210). Впослѣдствіи Іосифъ былъ архіепископомъ псковскимъ, а потомъ патріархомъ. См. Лѣт. о Мятеж.

(211). См. Царств. Михаила Ѳеодоровича, соч. Берха, т. I, Собр. Гос. Грам. и Догов., т. II., Слѣдственное дѣло о болѣзни Хлоповой и Лѣт. о Мятеж.

(212). Фридрихъ, строился на Волгѣ противъ нынѣшнихъ казармъ.

(213). См. Путешествіе Олеарія, Собран. Гос. Гр. и Дог., ч. I, и Ниж. Губ. Вѣд. 1845 г., №№ 1 и 2. Въ 1636 году въ Нижнемъ, какъ пишетъ Олеарій, продавались: цыпленокъ 1 к., 15 яицъ тоже, а баранъ отъ 12 до 18 к.

(214). См. Ниж. Лѣт.

(215). См. тамъ же и описаніе Нижег. Печер. Монаст., соч. Добротворскаго.

(216). См. Ниж. Лѣт.
(217), Тамъ же.
(218). Тамъ же.

(219). Село Дѣдново лѣжитъ на лѣвомъ берегу р. Оки Ряз. Губ. въ Зарайс. Уѣздѣ.

(220). Іоаннъ Стрюсъ, бывшій тогда на этомъ кораблѣ, пишетъ, что въ то время въ Нижнемъ было можно накормить до сыта рыбой 4 человѣка за 2 коп. См. Древ. Росс. Виѳл., ч. 1.

(221). Нынѣ село Мурашкино въ Княгинин. Уѣздѣ, въ 87 вер. отъ Нижняго.

(222). См. Опис. Макарьев. Монастыря, въ Ниж. Губ. Вѣд. 1846 г., № 73.

(223). См. Ниж. Лѣт. и Повѣсть о самозванцахъ. Село Безводное въ Ниж. Уѣздѣ на правомъ берегу р. Волги, въ 33 верст. отъ Нижняго; село Боръ—противъ самаго города за Волгой.

(224). См. Нижег. Лѣт.

(225). Тамъ же.

(226). См. стат. Учрежденія Нижегород. Епархіи соч. іер. нынѣ арх. О. Макарія, въ Ниж. Губ. Вѣд. 1849 г. № 24.

(227). См. тамъ же, Ниж. Лѣт., Истор. Іерархіи, ч. I. Настольную Грамату ниж. митроп. Филарета напечатанную въ XVIII т. Древ. Рос. Виѳл. и Собраніе Госуд. Грам. и Догов. т. II—95 и IV—182.

(228). См. Ниж. Лѣт.

(229). Тамъ же.

(230). Тамъ же.

(231). Тамъ же.

(232). Составъ 2 Отдѣленія вполнѣ неизвѣстенъ.

(233). См. С. Петербург. Вѣдом. 1847 г., №№ 2, 3 и 4, и Ниж. Губ. Вѣд., № 11.

(234). См. Біографіи ниж. митроп. Трифилія, Исаія и Селивестра соч. О. Макарія, въ Ниж. Губ. Вѣд. 1848 г., №№ 34, 47 и 48.

(235). См. дѣла Ниж. Губ. Архива.

(236). См .Ниж. Губ. Вѣд., № 48, и Отеч. Запис. 1820 г., № 8.

(237). Нижнимъ-Новгородомъ управляли тогда вице-губернаторы. Рескриптъ этотъ хранится въ Ниж. Губ. Прав.

(238). Монастырь Кельжебельмашскій былъ построенъ Питиримомъ въ Юрьевецкомъ Уѣздѣ.

(239). О подвигахъ этаго Іерарха см. ч. II этой книги, гл. IV.,

(240). См. Желтов. Лѣтоп.

(241). См. Ниж. Губ. Вѣд. 1845 г., № 13.

(242). Тамъ же № 14.

(243). См. Желтовод, Лѣт., Дѣянія Петра Великаго, ч. VIII, и Ниж. Губ. Вѣд. 1845 г., №№ 42 и 43 и 1846 г., № 65.

(244). См. Полное Собр. Законовъ т. XV, №№ 8004, 8075 и 8236, Словарь Истор. митроп. Евгенія, т II, Біографіи ниж. архіер., соч. Макарія, и его же статьи: Өедоръ Догада и О трудахъ Димитрія Сѣченова, помѣщенные въ Ниж. Губ. Вѣд. 1848 и 1849 г. Послѣ Питирима упомянутые архіереи занимали Ниж. Каөедру въ слѣдующемъ порядкѣ: Іоаннъ 1739—1742, Димитрій Сѣченовъ 1743—1748, Веніаминъ (Григорьевичъ) 1748—1753 и Өеофанъ 1753—1773.

(245). Галеръ было шесть: Тверь (на ней путешествовала сама Императрица), Волга, Ярославль, Казань, Угличь и Кострома;—Экипажное судно—Симбирскъ, Лазаретное—Ржевъ-Володиміровъ, Провіантское—Новгородъ и еще два судна—Лама и Савастьяновка.

(246). Соляной дворъ находился около нынѣшней Софроновской Площади.

(247). См. прибавленіе къ Ниж. Лѣт. письменное, Ниж. Губ. Вѣд. 1845 г., № 1, Взглядъ на Исторію Костромы, кн. Козловскаго; Отеч. Запис. 1820 г., № 8.

(248). Изъ дѣлъ Ниж. Губерн. Архива видно, что, крестьяне, во время Макарьевской Ярмарки, не хотѣли платить пошлинъ, слѣдующихъ содержателю Ямскихъ Сборовъ юрьевецкому купцу Василью Козину, который подавалъ объ этомъ прошеніе 11 Сентября 1774 г. нижегородскому губернатору Ступишину.

(249). Что Пугачевъ былъ орудіемъ раскольниковъ, всегда враждебныхъ Православію и Правительству, это видно изъ того, что мысль наименовать его Императоромъ явилась на Яикѣ у Казаковъ, тогда закорѣнелыхъ раскольниковъ; также это подтверждается и участіемъ въ бунтѣ купца Долгополова, принадлежавшаго къ ржевскому обществу, а г. Ржевъ (Твер. Губ). былъ тогда гнѣздомъ упорныхъ изувѣровъ.

(250), Рычковъ въ Лѣтописи своей о Пугачевскомъ бунтѣ говоритъ, что посланцевъ Пугачева схватили крестьяне изъ села Фокина, принадлежавшаго дворянину Демидову, которое находится на берегу Волги, въ 30 вер. отъ Нижняго-Новгорода (См. Сочиненія Пушкина, изданіе Анненкова, т. VI стр., 517). Но село Фокино находится ниже Лыскова, а отъ Нижняго отстоитъ не 30, а болѣе 130 верстъ. Небыли ли крестьяне представившіе посланцевъ Пугачева

«И птицы хищныя надъ ними вкругъ летаютъ,
«Отрынула Москва отъ персей томныхъ чадъ.
«Россійскимъ ратникамъ приходитъ блѣдный гладъ.
«Мечи изъ рукъ падутъ, душевны слабнутъ силы;
«Преобращаются вкругъ стѣнъ шатры въ могилы
«И гладъ бы пламенно геройство погасилъ;
«Когда бы Мининъ ихъ сердецъ не воскресилъ.
«Сей другъ отечества на бурю взоръ возводитъ;
«Беретъ сокровище, къ Пожарскому приходитъ;
«Богатство тлѣнъ и прахъ, но славно есть оно,
«Коль будетъ общему добру посвящено.
«Позналъ имѣнія такую Мининъ цѣну;
«Онъ злато изострилъ, дабы попрать измѣну;
«Россійской храбрости удерживаетъ вѣсъ
«И се разитъ Орла Россійской Геркулесъ!
«Какъ бурный вихрь Москву Пожарскій окружаетъ
«Кидаетъ молніи, Поляковъ поражаетъ;
«Съ другой страны даритъ Отечеству покой,
«Бросая громъ на нихъ Димитрій Трубецкой.

Се подвигъ Минина, преславный и несравненный!
Хераскова перомъ, мы зримъ изображенный!
Не слезы я теперь надъ прахомъ симъ лію,
Но славою плѣнясь, безсмертной, вопію:
Почій великій мужъ! почій къ тебѣ вѣщаю,
Ты другъ отечества! сердечно я желаю,
Да память дѣлъ твоихъ до толѣ не пройдетъ,
Пока земный сей шаръ, разрушася падетъ.

(264). См. Письмо Протоіерея Рожанскаго къ Н. А. Полевому Сынъ Отеч. 1838 г. № 1.

(265). См. Біографію Ниж. Епис. Павла. Соч. О. Макарія Ниж. Губ. Вѣд. 1849 г., № 10. Павелъ поступилъ на мѣсто Дамаскина въ 1794 г. и управлялъ Нижегород. Епархіей до 1798 г.

(266). См. Дѣл. Ниж. Губерн. Архива.

(267). О переводѣ Шекспирова Ричарда III См. От. Зап. 1842 г. т XXIII въ смѣси. Яковъ Васильевичъ Орловъ былъ въ главной Нижегородской школѣ учителемъ исторіи натуральной исторіи гражданской и географіи. Помянутая книга: Мое отдохновеніе заключаетъ въ себѣ 56 піесъ, изъ которыхъ 38 въ стихахъ и 18 въ прозѣ. Самымъ капитальнымъ произведеніемъ этой книги есть стихотвореніе подъ названіемъ Россія, оно занимаетъ 30 стран. и снабжено множествомъ примѣчаній. Для образцика Нижегородской музы девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія прилагается изъ отдохновенія Г. Орлова первая его піеса, которая носитъ двойное названіе.

РАЗГОВОРЪ СЪ ЭХОМЪ

Нижній-Новгородъ.

О! эхо громкое гласяще все неложно
Теперь мнѣ что нибудь сказать тебѣ возможно?
Эхо. Можно.
И такъ теперь мои вопросы принимай,
Скорѣй отвѣтами меня ты навѣщай.
Эхо. Вѣщай.
Нѣтъ на умѣ побѣдъ, меня не занялъ Юлій.
Кто Нижній основалъ, неси ту вѣсть Меркюрій.
Эхо. Юрій.
О! вѣстникъ изъ страны въ страну ты пролѣтай,
И лучшія мѣста для жизни выбирай.
Эхо. Рай.
Гдѣ жъ оной рай найти ты думаешъ собою?
Какой страну почтешъ межъ Волгой и Окою?
Эхо. Кою?
Гдѣ Окска съ Волжскою мѣшается вода,
Не должноль землю ту Едемомъ звать всегда?
Эхо. Да.
Ока намъ Тигръ, Евфратъ всѣмъ Волга представляетъ,
А Павелъ Богъ земный иль насъ не навѣщаетъ?
Эхо. Вѣщаетъ.
Кого любить должны мы болѣе всего,
Не съ Богомъ ли Царя Монарха своего?
Эхо. Его.
Не самъ ли Богъ Царей на Царство поставляетъ,
Не самъ ли Царь Царей десницей Скиптръ вручаетъ?
Эхо. Чаетъ.
Онъ знаетъ безъ Царя погибнутъ и умы
Безъ крови тѣло что, и кровь что безъ главы?
Эхо. Вы.
Такъ точно Эхо, мы, мы, грудью защищали,
Поляки на Москву съ оружьемъ какъ напали.
Эхо. Пали.
Не Мининъ ли Козма любя Царя законъ
Прехрабро защищалъ Романовъ домъ и Тронъ?
Эхо. Онъ.
Такъ изъ потомковъ кто его когда забудетъ,
И въ нашихъ онъ сердцахъ не вѣчноли пребудетъ?
Эхо. Будетъ.
На небѣ Ангели сплели вѣнецъ кому?
Не Мининулль Козьмѣ любимцу своему?
Эхо. Ему.

Изъ насъ кто на бою Монарха защищаетъ,
Не Минина ли тѣмъ достойно прославляетъ?
Эхо. Являетъ.
О Нижній Мининомъ прославленный стократъ
Не всякой ли Тебѣ уступитъ въ этомъ Градѣ?
Эхо. Радъ.
Радъ будетъ уступить и сердцемъ и устами,
Зря на Кулибина своими очесами.
Эхо. Сами.
Механикъ сей отъ насъ во градъ Петровъ утекъ,
Сколь долго проживетъ сей умный человѣкъ?
Эхо. Вѣкъ.
Простой онъ человѣкъ, ни гдѣ онъ не учился,
Но механизмъ его комубъ не полюбился?
Эхо. Бился.
Потѣлъ онъ и дошелъ, часы самъ дѣлать сталъ,
Голландецъ предъ его модѣлію ниспалъ!
Эхо. Палъ.
Вотъ Нижній каковыхъ на свѣтъ людей раждаетъ!
Баранщикова свѣтъ, еще ли свѣтъ не знаетъ?
Эхо. Знаетъ.
Ты Эхо имя ихъ мчи изъ страны въ страну,
А я другое пѣть теперь уже начну?
Эхо. Ну.

(268). См. Біографію Архіепископа Веніамина II, (Ниж. Губ. Вѣд. 1850 г., № 61. Веніаминъ Румовскій Краснопѣвкинъ занималъ Нижегородскую Каѳедру съ 1797 по 1811 г.

(269). См. Памятную Книжку Нижег. Губер. на 1855 г.

(270). См. Ниж. Губ. Вѣд. 1845 г., №№ 8 и 9; Воспоминанія С. Н. Глинки о 1812 годѣ и стихотворенія В. Л. Пушкина Василій Львовичъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Нижній-Новгородъ написалъ (Сентября 20) слѣдующее стихотвореніе.

КЪ ЖИТЕЛЯМЪ НИЖНЯГО-НОВГОРОДА.

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ.

Примите насъ, мы всѣ родные!
Мы дѣти матушки Москвы!
Веселья, счастья, дни златыя,
Какъ быстрый вихрь промчались вы!

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Чадъ братій нашихъ кровь дымится
И стонетъ съ ужасомъ земля!
А врагъ коварный веселится
На башняхъ древняго Кремля!

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Святые храмы осквѣрнились,
Сокровища расхищены!
Жилища въ пепелъ обратились!
Скитаться мы принуждены!

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Давно ли славою блистала?
Своей гордилась красотой?
Какъ нѣжна мать насъ всѣхъ питала!
Москва, что сдѣлалось съ тобой?

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Тебѣль платить позорны дани?
Подъ игомъ пришлеца стенать?
Отмсти за насъ Богъ сильный брани!
Не дай ему торжествовать!

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ славна;
Погибнетъ онъ! Богъ Русскихъ грянетъ!
Россія будетъ спасена.

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы Волжскихъ береговъ!

Карамзинъ жилъ на Тихановской улицѣ въ домѣ Аверкіева (что нынѣ Келейникова).

(271). См. воспоминанія С. Н. Глинки въ 1812 годѣ.

(272). Въ 1820 году въ Нижнемъ-Новгородѣ было 14,000 жителей,

2,000 домовъ и въ числѣ ихъ только 30 каменныхъ См. Отеч. Зап. 1820 г. № 8.

(273). Моусей поступилъ на мѣсто Веніамина. На счетъ пріѣзда митрополита Агаѳангела разсказываютъ слѣдующее: когда извощики спрашивали грековъ ѣдущихъ съ Агаѳангеломъ, куда имъ нужно ѣхать, то греки отвѣчали дурно по русски—въ Нѣжинъ, а ямщики по сходству звуковъ полагали, что въ Нижній и привезли туда митрополита, который какъ полагать надо, ѣхалъ на долгихъ.

(274). См. II ч. этой книги, гл. II.

(275). Послѣдній Каталикосъ Грузіи Антоній былъ сынъ Царя Грузинскаго Александра. Онъ родился въ 1762 г. 8 генваря, а скончался 1827 г. декабря 21.

(276). См. Дѣла. Ниж. Губ. Архив.

(277). См. II ч. этой книги, гл. IV.

(278). См. примѣч. 169.

(279). Епископъ Амвросій поступилъ въ 1832 г. на мѣсто Аѳанасія управлявшаго Нижегородскою Епархіею съ 1827 года. Предъ Аѳанасіемъ же (послѣ Моусея съ 1826 г) занималъ Нижегородскую Каѳедру, 10 мѣсяцевъ, Епископъ Меѳодій.

(280). Государь Императоръ прибылъ въ 1834 году, съ Ярославскаго тракта. Въ ожиданіи пріѣзда Его Величества, плашкоутный мостъ чрезъ Оку, всегда снимаемый въ концѣ Сентября, не былъ еще снятъ.

(281). Тогда еще московскій трактъ лежалъ чрезъ Горбатовъ и Государь прибылъ въ Нижній-Новгородъ чрезъ нынѣшнюю арзамасскую заставу.

(282). Нынѣ Архіепископъ Донской. Онъ былъ переведенъ на Нижегородскую Каѳедру изъ Пензы, вмѣсто Амвросія въ 1835 г.

(283). Собственныя слова Государя Императора См. II ч. этой книги гл. IV.

(284). Тамъ же.

(285). Мѣсто это называлось Зеленей или Зелейной потому, что тутъ прежде стоялъ зелейный т. е. пороховой дворъ.

(286). При этомъ устройствѣ по тѣснотѣ и неудобству мѣста ра-

зобраны: въ Кремлѣ теплый Соборъ Скорбящей Богоматери, въ Панской улицѣ Церковь Парасковіи Пятницы и придѣлы у церкви Георгія, что на верхней волжской набережной, и у Церкви Іоанна Предтечи, что у Ивановскихъ воротъ кромѣ того у послѣдней церкви, такъ же разобраны лавки принадлежащія ей. Пятницкую церковь назначено выстроить на сѣнной площади.

(287). Правомъ 1-й гильдіи пользовались тѣ изъ купцовъ, которые строили зданія въ 10 т. руб. сереб.—За мѣста пріобрѣтаемыя въ пользу города у частныхъ лицъ выдавались денежныя вознагражденія по цѣнѣ назначенной самими владѣльцами. На устройство же города было занято Нижегородскимъ Городскимъ Обществомъ въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія: въ 1836 году, Нижегородскомъ 300 т. по 6%, Ярославскомъ 150 т. по 7% и 265 т. по 5%, Казанскомъ 300 т. по 5%; въ 1837 году: Ярославскомъ 370 т., Вятскомъ 30 т. и Кіевскомъ 275 т. по 5%; въ 1838 г. Ярославскомъ 50 т., Кіевскомъ 300 т., Курскомъ 100 т., Тверскомъ 100 т., Симбирскомъ 300 т., Рязанскомъ 50 т., по 5%; въ 1842 году: Нижегородскомъ 69,700 по 6%, въ 1847 году Волынскомъ 100 т. и Гродненскомъ 200 т. по 5%; а всего 3,229,700 р. асс.—этотъ долгъ разсроченъ на 42 года; уплата его производится сборомъ съ приходящихъ къ нижегородской пристани и отходящихъ отъ нея судовъ, по 1 руб. съ 1000 р. цѣнности груза.

(288). Татаръ и Мордвы всѣхъ трехъ племенъ.

(289). См. Памятную Книжку Ниж. Губ. 1855.

(290). См. Ниж. Губ. Вѣд. 1840 г. № 44, 48, 52 и 53.

(291). Въ 1847 г. мѣсто епископа Іоанна Нижегородскую Каѳедру занялъ епископъ Іаковъ, удостоенный въ послѣдствіи сана архіепископа. Онъ въ концѣ 1849 г. былъ вызванъ въ С. Петербургъ на полгода, для присутствія въ Св. Сѵнодѣ, гдѣ и скончался 20 Мая 1850 года. Съ отъѣзда его въ Петербургъ, до прибытія въ Нижній епископа Іереміи, Нижегородскою епархіею управлялъ Епископъ Владимірскій Іустинъ, который въ 1850 г. прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

(292). Такъ же Ихъ Высочества изволили обозрѣвать соляныя магазины во время производства въ нихъ выгрузки изъ судовъ соли. Управляющій Солян. Правленіемъ Ст. Сов. Н. К. Якоби имѣлъ счастіе поднести Ихъ Высочествамъ описаніе, какъ самыхъ запасовъ, такъ путей и способовъ доставки соли, во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, которыми завѣдывало Нижегородское Соляное Правленіе, за что и удостоился получить отъ Высокихъ путешественниковъ въ подарокъ бриллiантовый перстень.—

Ихъ Высочества въ садикѣ у дома Дежурства Соляныхъ Запасовъ изволили кушать чай, причемъ игралъ оркестръ духовой музыки.

(293). См. II час. этой книги.

(294) Тамъ же.

(295). См. Отчетъ. Испр. Дол. Ниж. Губ. Предводителя Дворянства съ 1852 по 1855 г.

(296). См. Ниж. Губ. Вѣд. 1853 г., № 49, 1854 г. № 12 и 13.

(297). См. отчетъ Испр. Дол. Ниж. Губ. Пред. Дворянства съ 1852 по 1855 г.

(298). См. Ниж. Губ. Вѣд. 1854 г., № 30.

(299). Тамъ же.

(300). См. С. П. Бург. Вѣд. 1855 г., № 6.

(301). См. Памят. Книжку Ниж. Губер. 1855 года.

(302). Тоже надобно замѣтить и о прочихъ дружинахъ Нижегородской Губерніи.

(303). Въ это же время въ Нижнемъ обучался 4-й баталіонъ стрѣлковъ Императорской фамиліи.

(304). Дѣств. Стат. Сов. Андрей Лаврентьевичь Львовъ управлялъ Нижегородской Губерніей до 1767 г. Послѣ сего въ Нижнемъ были слѣдующіе начальники губерніи: гражданскіе губернаторы: тайн. совѣт. Егоръ Өедоровичь Кудрявцевъ 1798—1802, ст. сов. Андрей Максимовичъ Руновскій 1702 1810, дѣст. стат. сов. Степанъ Антоновичъ Быховецъ 1810—1818. дѣйст. стат. совѣт. Александръ Семеновичъ Крюковъ 1818—1826, ст. сов. и камергеръ Николай Ивановичъ Кривцовъ 1826—1827, дѣйств. ст. говѣт. и камергеръ Иванъ Семеновичъ Храповицкій 1827—1829, дѣйств. стат. сов. Иларіонъ Михайловичъ Бибиковъ 1829—1832.

Военные Губернаторы управляющіе гражданской частію: генералъ-маіоръ Михаилъ Петровичъ Бутурлинъ 1832—1844, генералъ-лейтенантъ Князь Михаилъ Александровичъ Урусовъ 1844—1855, Свиты Его Императорскаго Величества Генералъ-Маіоръ Өедоръ Васильевичъ Анненковъ 5-й, въ 1855 1856 г., а послѣ него генералъ-маіоръ Александръ Николаевичъ Муравьевъ.

(305). См. Ниж. Губ. Вѣд. 1855 г., № 30.

(306). Тамъ же, № 8.

(307). Тамъ же 1854 г., № 14, 20 и 22.

(308). См. выше въ этой же главѣ.

(309). Писано въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1855 года.

ОПИСАНІЕ ПЛАНА
НИЖНЯГО-НОВГОРОДА.

СОБОРЫ:

1. Преображенскій.
2. Успенскій
3. Архангельскій.

ПРИХОДСКІЯ ЦЕРКВИ:

4. Симіона Столпника.
5. Благовѣщенія.
6. Алексія Митрополита.
7. Георгіевская.
8. Тихоновская.
9. Семинарская.
10. Варварская.
11. Никольская.
12. Покровская.
13. Женъ Мvроносицъ.
14. Вознесенская.
15. Похвалинская.
16. Іоанна Предтечи (въ слободѣ).
17. Никольская на грядѣ.
18. Сергіевская.
19. Рождественская.
20. Успенская.
21. Козьмодемьянская.
22. Пророка Иліи.
23. Троицкая.
24. Казанская.
25. Іоанна Предтечи.
26. Никольская.
27. Живоносновская.
28. Петропавловская.
29. Казанская кладбищенская.
30. На сѣнномъ базарѣ.
31. Владимірская въ кунавинѣ.
32. Кладбищенская тамъ же.
33. Единовѣрческая.
34. Лютеранская.
35. Армянская на ярмаркѣ.

МОНАСТЫРИ:

36. Крестовоздвиженскій.
37. Благовѣщенскій.

ЧАСОВНИ:

38. Алексѣевская.
39. Спаская.
40. Святаго Духа.
41. Дѣвичьяго монастыря въ Кунавинѣ.
42. Печерская.
43. Нѣмецкое кладбище.

ЗДАНІЯ:

а. Дворецъ.
б. Арсеналъ.
в. Присутственныя мѣста.
г. Карабинерный корпусъ.
д. Лазаретъ кар. полка.
е. Корпусъ для музыкантовъ.
ж. Манежъ.
з. Полиція.
и. Гауптвахта.
і. Семинарія.
к. Гимназія.
л. Александровскій Институтъ.
м. Почтамтъ.
н. Общественныя лавки.
о. Соборный домъ.
п. Архіерейскій домъ.
р. Мартыновская Больница.
с. Маріинскій Институтъ.
т. Удѣльная Контора.
у. Канцелярское Училище.
ф. Уѣздное Училище.
х. Александровская Богадѣльня.
ц. Рабочій Домъ.
ч. Смирительный Домъ.
ш. Дѣтскіе Пріюты.
щ. Казенные дома.
щ. Винный Дворъ.
щ. Домъ бывшій солянаго правленія.
ъ. Дворянское Собраніе.
ы. Кварт. предсѣд. каз. палаты.

ь. Домъ 1-й кремл. части.
ѣ. Домъ 2-й кремл. части.
э. Острогъ.
ю. Винные подвалы.
я. Арестантская рота.
ѳ. Казармы.
ѵ. Домъ бѣдныхъ гражданъ.
b. Градскія присутственныя мѣста.
p. Водопроводъ.
f. Памятникъ Минину.
h. Гостинный дворъ.
l. Театръ.
s. Фонтанъ.
t. Бассейны.
z. Съѣзды.

УЛИЦЫ:

I. Покровская.
II. Алексѣевская.
III. Ошарская.
IV. Варварская.
V. Ковалиха.
VI. Тихоновская.
VII. Большая печерская.
VIII. Жуковская.
IX. Волжская набережная.
X. Спаская.
XI. Кизеветтеровская.
XII. Провіантская.
XIII. Мартыновская.
XIV. Короткая.
XV. Больничная.
XVI. Малая печерская.
XVII. Осыпная.
XVIII. Дворянская.
XIX. Грузинскій переулокъ.
XX. Болотовъ переулокъ.
XXI. Холодный переулокъ.
XXII. Ковалихинская набережная.
XXIII. Малая покровка.
XXIV. Полевая.
XXV. Замковая напольная.
XXVI. Монастырская напольная.
XXVII. Всесвятская площадь.
XXVIII. Нѣмецкая площадь.
XXIX. Канатная.
XXX. Къ нѣмецкому кладбищу.
XXXI. Всесвятская.
XXXII. Пустой переулокъ.
XXXIII. Новая солдатская.
XXXIV. Старая солдатская.
XXXV. Тихій переулокъ.
XXXVI. Малая солдатская.
XXXVII. Новая ошарская.
XXXVIII. Мистровская.
XXXIX. Средній переулокъ.
XL. Переулокъ безъимянный.
XLI. Нѣмецкая.
XLII. Студеная.
XLIII. Новая.
XLIV. Готмановская.
XLV. Архангельская.
XLVI. Крутиковская.
XLVII. Крестовоздвиженская.
XLVIII. Новый переулокъ.
XLIX. Короткая.
L. Большая перекрестная.
LI. Большая ямская.
LII. Малая ямская.
LIII. Прядильная.
LIV. Набольшій оврагъ.
LV. 3-я Ямская.
LVI. Малая перекрестная.
LVII. 2-я Дворянская.
LVIII. Арзамасская.
LIX. Ильинская.
LX. Почаинская улица.
LXI. Нижняя Почаинская набережная.
LXII. Верхняя Почаинская набережная.
LXIII. Плотничный переулокъ.
LXIV. Мироносицкій переулокъ.
LXV. Успенскій переулокъ.
LXVI. Сергіевская.
LXVII. Вознесенскій переулокъ.
LXVIII. Вознесенская.
LXIX. Телячья.
LXX. Пивоваренный переулокъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно:
2.	13.	Столица	Столицей
	18.	доставалась	доставалось
	30.	какія обиды	за какія либо обиды
3.	16.	городъ	городокъ
4.	37.	раззареніе	раззореніе
5.	17.	приманкаю	приманкою
6.	37.	Скорецъ	Скворецъ
8.	14.	первоначальныя	первыя
	25.	досель	доселѣ
	42.	и періяславской дружинъ; но за эту отвагу	и переяславской дружинъ,— и за эту отвагу.
9.	20.	1230 года	1238 года.
	30.	грамотой	граматой
11.	10.	изабрести	изобрѣсти
	38.	Систи	Сити
	39.	мѣчами	мечами
	40.	Систи	Сити
12.	23.	взаменъ	взамѣнъ
	29.	Марта	Февраля
	42.	странникомъ	изгнанникомъ
15.	4.	мѣчемъ	мечемъ
17.	2.	Мариной	Маріей
24.	46.	Сарайко	Сарайка
26.	3.	таможенниковъ	таможниковъ
	22.	на границахъ своихъ	на границахъ своихъ владѣній
27.	11.	въ расплохъ	врасплохъ
31.	31.	въ расплохъ	врасполхъ
32.	1.	мугущество	могущество
42.	15.	въ чемъ	въ послѣдне...
46.	17.	въ 1506 году	въ 1505
62.	30.	мятежный	мятежелюбивый
	35.	Сему ли вы ревнуете? Сего ли жаждали?	Сему ли вы ревнуете? Сего ли хотите, сего ли жаждаете?
63.	40.	отъ куда	откуда
72.	38.	Кузмою Мининымъ	*Кузьмою Мининымъ*
76.	20.	Обрама	Обрѣзка
78.	16.	Феодосіи	Ѳеодосіи
	22.	Лайдехъ	Ландехъ
82.	24.	Черемовца	Череповца
85.	1.	вступилъ	вступивъ
88.	32.	Въ началѣ	Въ Ноябрѣ

		Напечатано:	Должно:
92.	13.	въ 1625 г.	съ 1625 г.
93.	44.	рейторы	рейтары
96.	29.	оскорбленія	оскорбленіе
	36.	нейшдадскою	нейштадскою
	37.	съ головы красный	съ головы своей красный
103.	38.	Іюля 20-го	Іюля 20 го 1774 года
111.	38.	Козма	Козьма
	40.	Козма	Козьма
112.	9.	долгъ	честь
	10.	почему	къ чему
	11.	поставилъ	поставляю
	18.	Іюля	Іюня
116.	23.	Козма	Козьма
119.	16.	кобестанныхъ	кабестанныхъ
123.	40.	семь	пять
124.	31.	№ 166	156
125.	41.	кторый	который
127.	17.	двадцати	дванадесяти

Въ Примѣчаніяхъ:

89.	4.	Боярыня	Боярыня та
175.	1.	113	127
185.	23.	князь Пожарскій сорока вторымъ между боярами одиннадцатымъ	князь Пожарскій—сорока-вторымъ, между боярами—одиннадцатымъ
	6.	В	V
244.	7.	Григорьевичъ	Григоровичъ
28.	279.	169	182
30.	293.	См. II час. этой книги	См. II час. этой книги гл. IV

План.
Нижняго-Новгорода.
Мѣсто для кладбища
25 50 100 200 300 400 500 Саженъ

ОГЛАВЛЕНІЕ 1-Й ЧАСТИ.

		Стран.
Глава 1.	Событія, предшествовавшія основанію Нижняго-Новгорода, съ 1171 по 1222 года.	1.
Глава 2.	Нижній-Новгородъ—пригородокъ Суздальскій, съ 1222 по 1250 годъ.	7.
Глава 3.	Нижній-Новгородъ—столица Великаго Княжества Нижегородскаго, съ 1350 по 1392 годъ.	15.
Глава 4.	Нижній-Новгородъ подъ властію Москвы, съ 1392 по 1605 годъ.	35.
Глава 5.	Нижній-Новгородъ въ смутное время, съ 1605 по 1613 годъ.	55.
Глава 6.	Нижній-Новгородъ отъ восшествія на престолъ Михаила Өеодоровича до открытія Намѣстничества, съ 1613 по 1779 годъ.	81.
Глава 7.	Нижній-Новгородъ отъ открытія намѣстничества до настоящаго времени, съ 1779 по 1856 годъ.	105.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

LXXI. Сергіевскій переулокъ.
LXXII. Суетинная.
LXXIII. Телячій переулокъ.
LXXIV. Похвалинская.
LXXV. На гребешокъ.
LXXVI. Старая Никольская.
LXXVII. Новая Никольская.
LXXVIII. Послѣдній переулокъ.
LXXIX. Слободская.
LXXX. Предтеченская.
LXXXI. Переулокъ на грядахъ.
LXXXII. Предтеченскій переулокъ.
LXXXIII. Благовѣщенская.
LXXXIV. Къ монастырю.
LXXXV. Нижняя набережная.
LXXXVI. Рождественская.
LXXXVII. Рождественскій переул.
LXXXVIII. Козмодемьянскій пер.
LXXXIX. Троицкій переулокъ.
XC. Ильинскій переулокъ.
XCI. Магистратская.
XCII. Торговая.
XCIII. Ивановская.
XCIV. Рыбный переулокъ.
XCV. Гарнизонный переулокъ.
XCVI. Нижняя Живоносновская.
XCVII. Верхняя Живоносновская.
XCVIII. Обжорный рядъ.

ПЛОЩАДИ:

XCIX. Софроновская.
C. Благовѣщенская.
CI. Архангельская.
CII. Новая Сѣнная.
CIII. Ошарская.
CIV. Ковалихинская.
CV. Сѣнная старая.
CVI. Верхняя Благовѣщенская.

СЪѢЗДЫ:

CVII. Похвалинскій.
CVIII. Сергіевскій.
CIX. Успенскій.
CX. Успенская набережная.
CXI. Рождественскій.
CXII. Зеленскій.
CXIII. Кремлевскій.
CXIV. Георгіевскій.
CXV. Печерскій.
CXVI. Лыковская дамба.
CXVII. Соляные амбары.

Въ Кунавинѣ:

1. Владимірская.
2. Александровская.
3. Елизаветинская.
4. Крюковская.
5. Пирожниковская.
6. Кузнецкая.
7. Песочная.
8. Новинская.
9. Новый переулокъ.
10. Московская.
11. Мѣщанская.
12. 1, 2. 3, 4, 5, 6, 7 и 8 линіи.
13. Заводы.
14. Кузницы.
15. Кладбищенская улица.
16. Дорога съ ярмарки.
17. Московское шоссе.
18. Ярмарочный гостинный дворъ.
19. Ярмарочная земля.
20. Плашкоутный мостъ.
21. Мостъ чрезъ затонъ.
22. Флажный мостъ.
23. Канавные мосты.

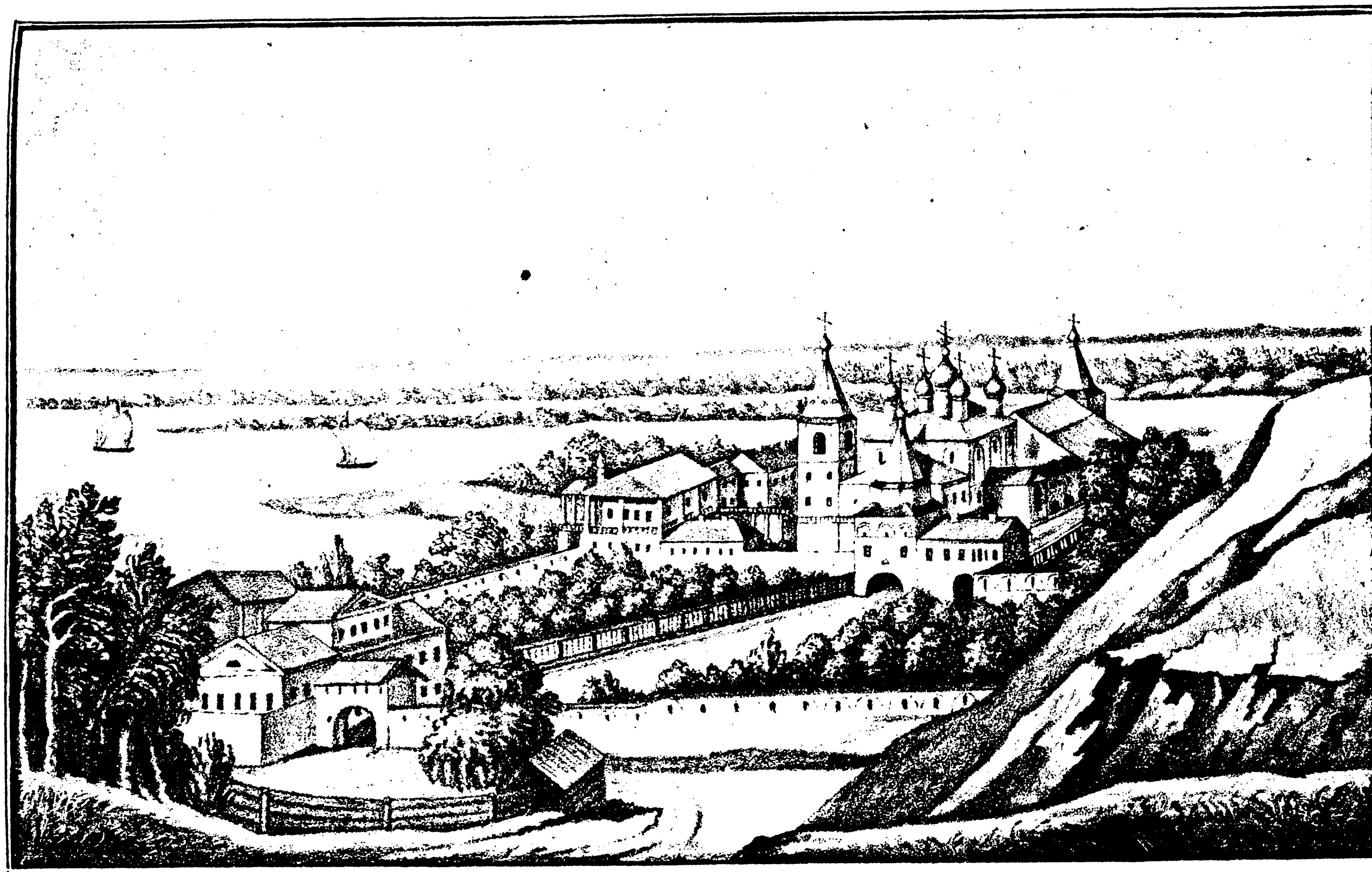

Рис съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл.

Нижегородскій Вознесенскій Печерскій Монастырь. (стр. 101)

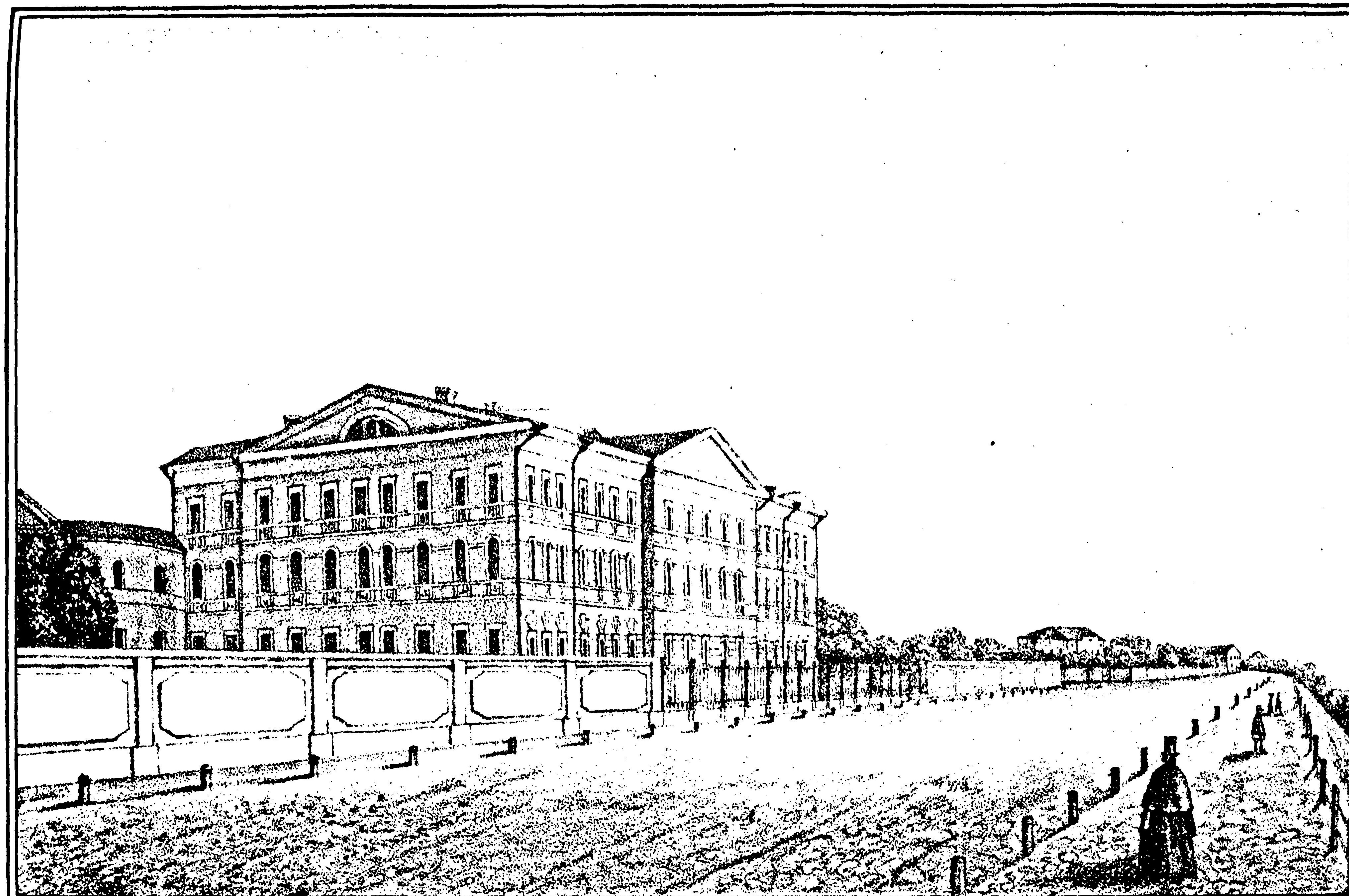
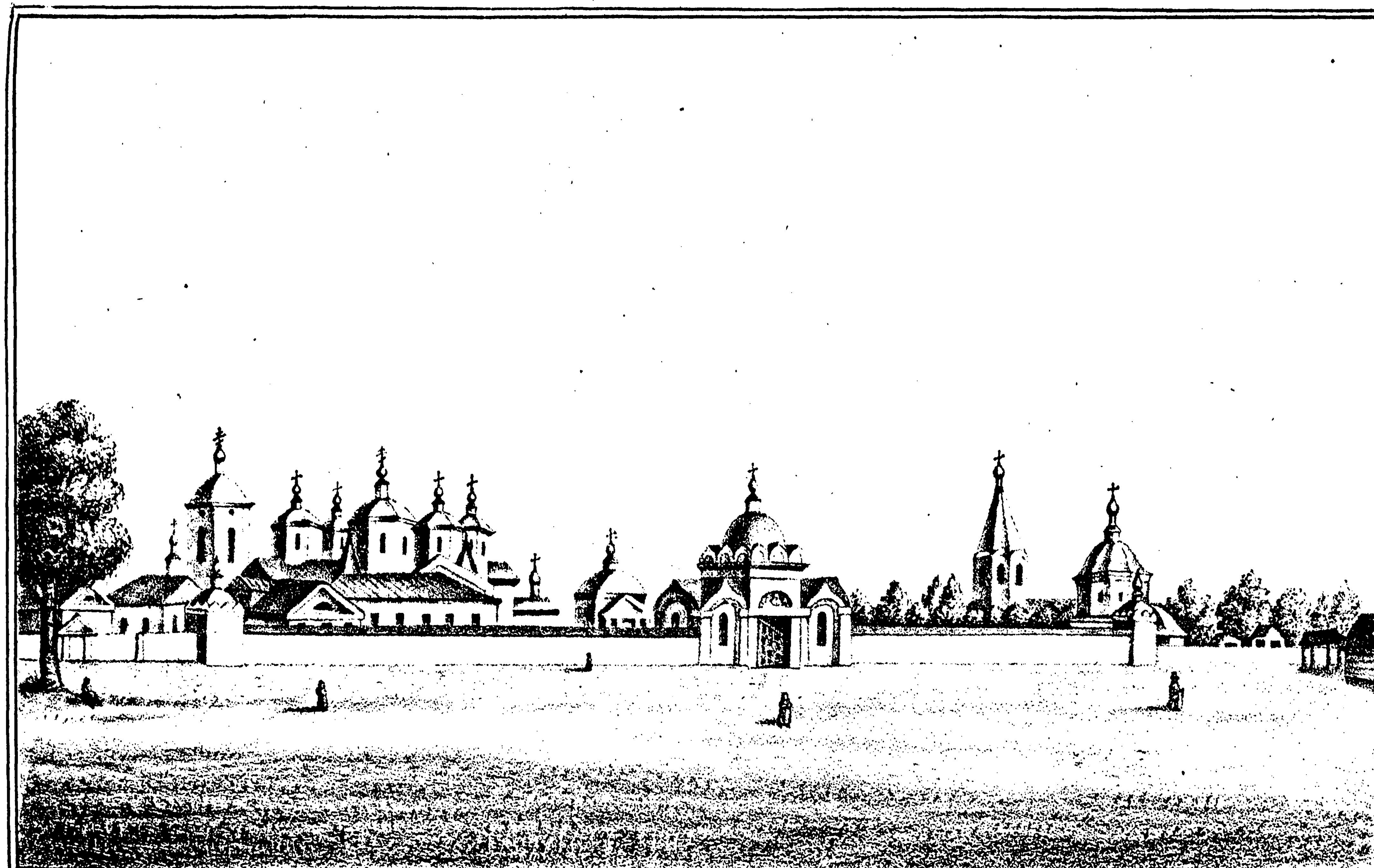

Рис съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл.

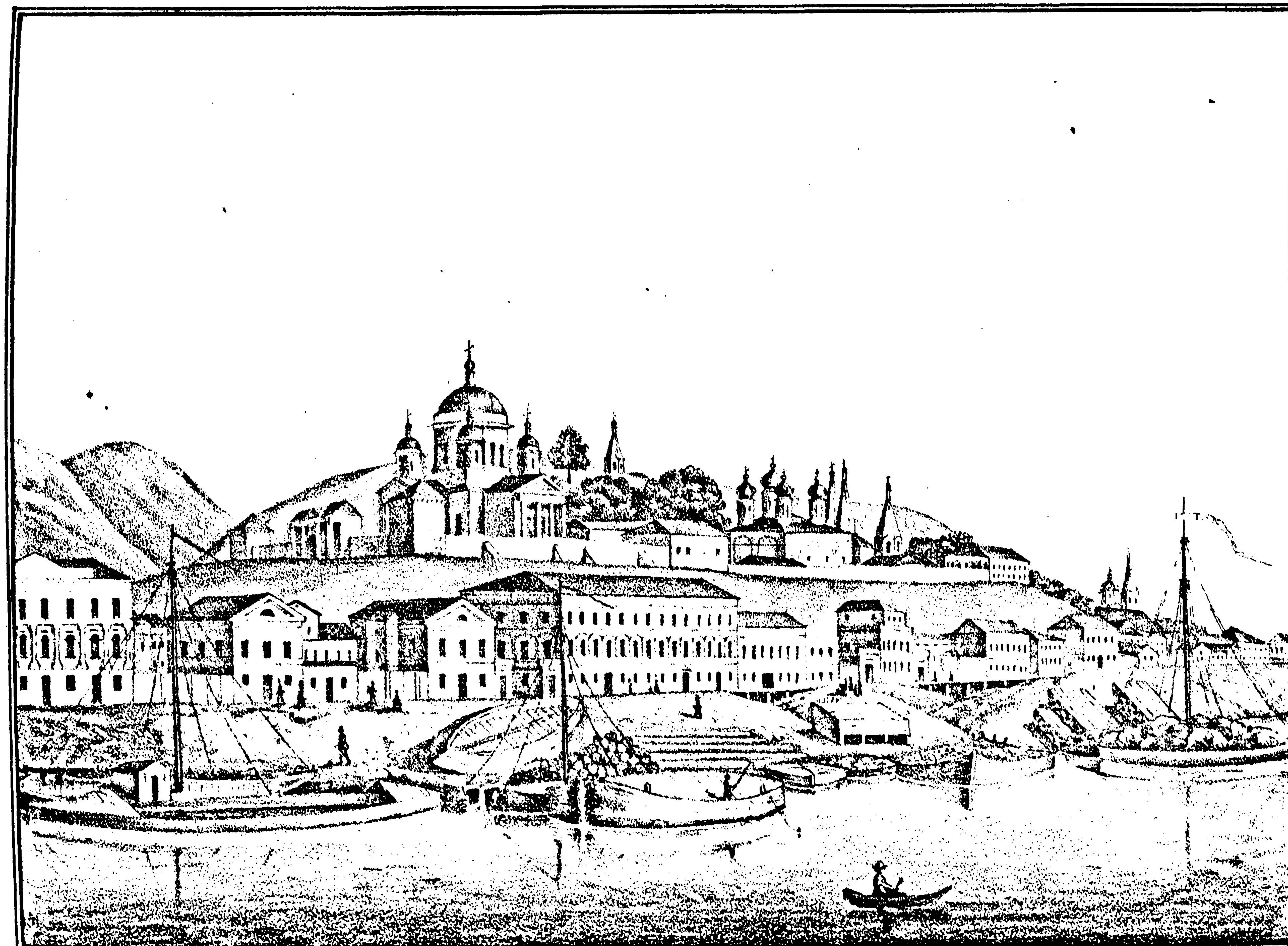
Нижегородскій Маріинскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ (стр. 151).

Рыс. съ натуры Д. Быстрицкій. Лит. Ниж. Губ. Правл.

Крестовоздвиженскій Дѣвичій Монастырь. (стр. 116).

7

Рыс. съ натуры Д. Быстрицкiй. Лит. Ниж. Губ. Правл.

Видъ Благовѣщенскаго Монастыря. (стр. 111)

9

Церковь Похвалы Пресвят Богородицы (стр. 73)

Рис съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл.

Церковь Женъ Мироносицъ (стр. 80)

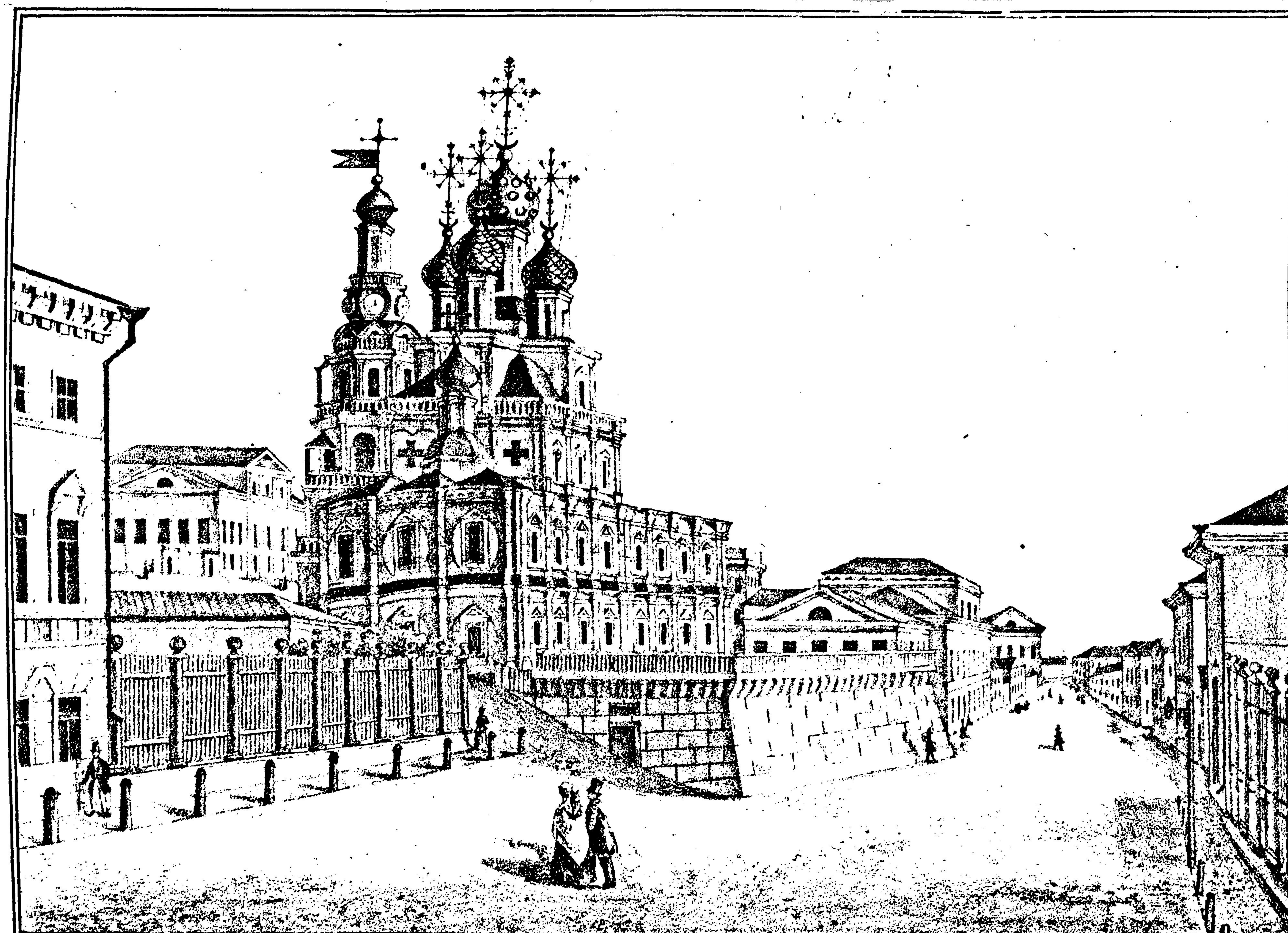

Церковь Похвалы Пресвят Богородицы (стр. 73)

Рис съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл.

Церковь Женъ Мироносицъ (стр. 80)

Рыс. съ натуры Д. Быстрицкій.

Лит. Ниж. Губ. Правл.

Видъ Церкви Собора Богородицы или Строгоновской. (стр. 92)

10

ЦЕРКОВЬ КОЗЬМЫ И ДАМІАНА НА СОФРОНОВСКОЙ ПЛОЩАДИ. (стр. 91).

11

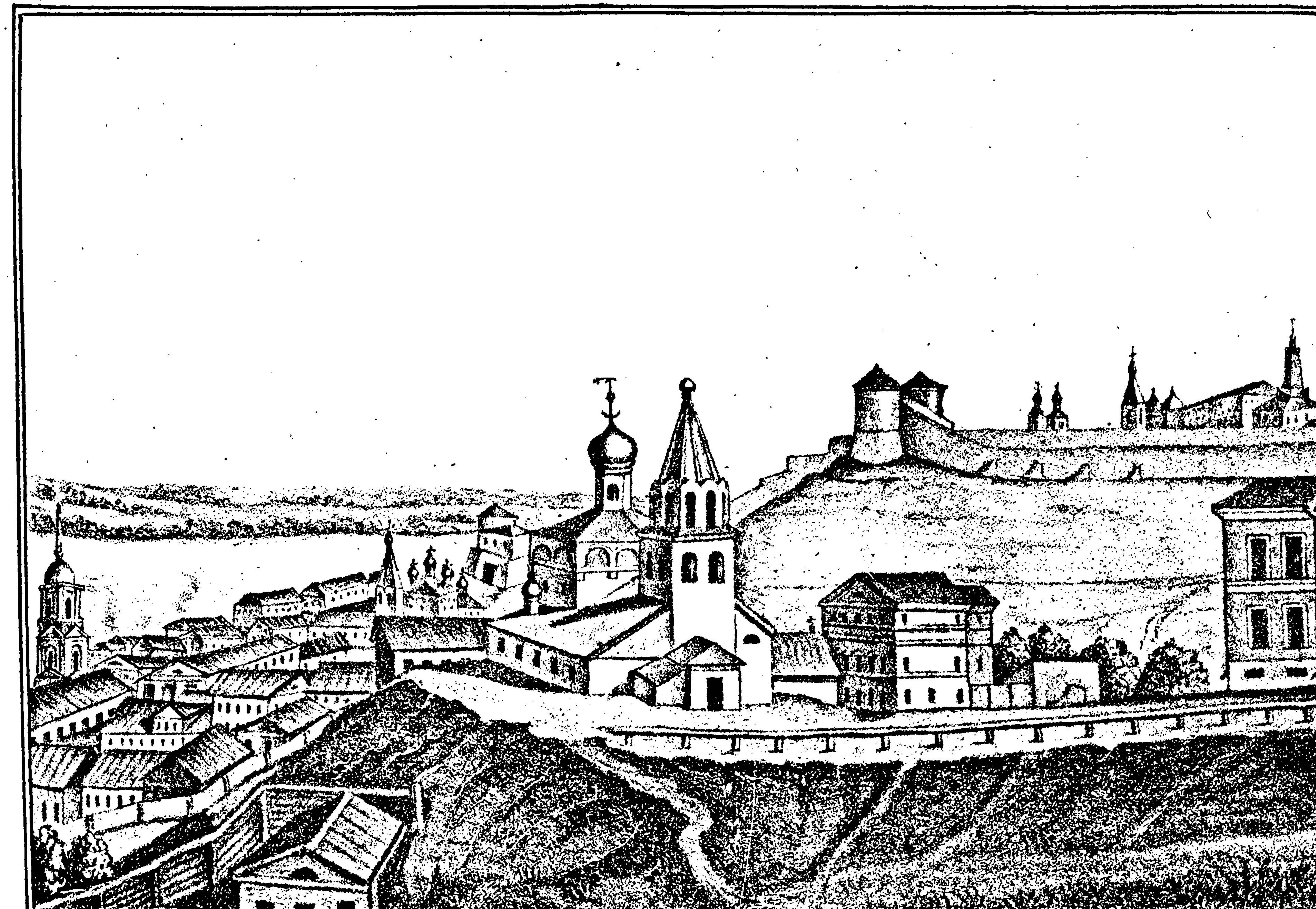

Рис. съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл.

Церковь Св. Пророка Иліи. (стр. 83).

12

Рис. съ натуры Д. Бѣлорицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл.

Алексѣевская Часовня (стр. 112)

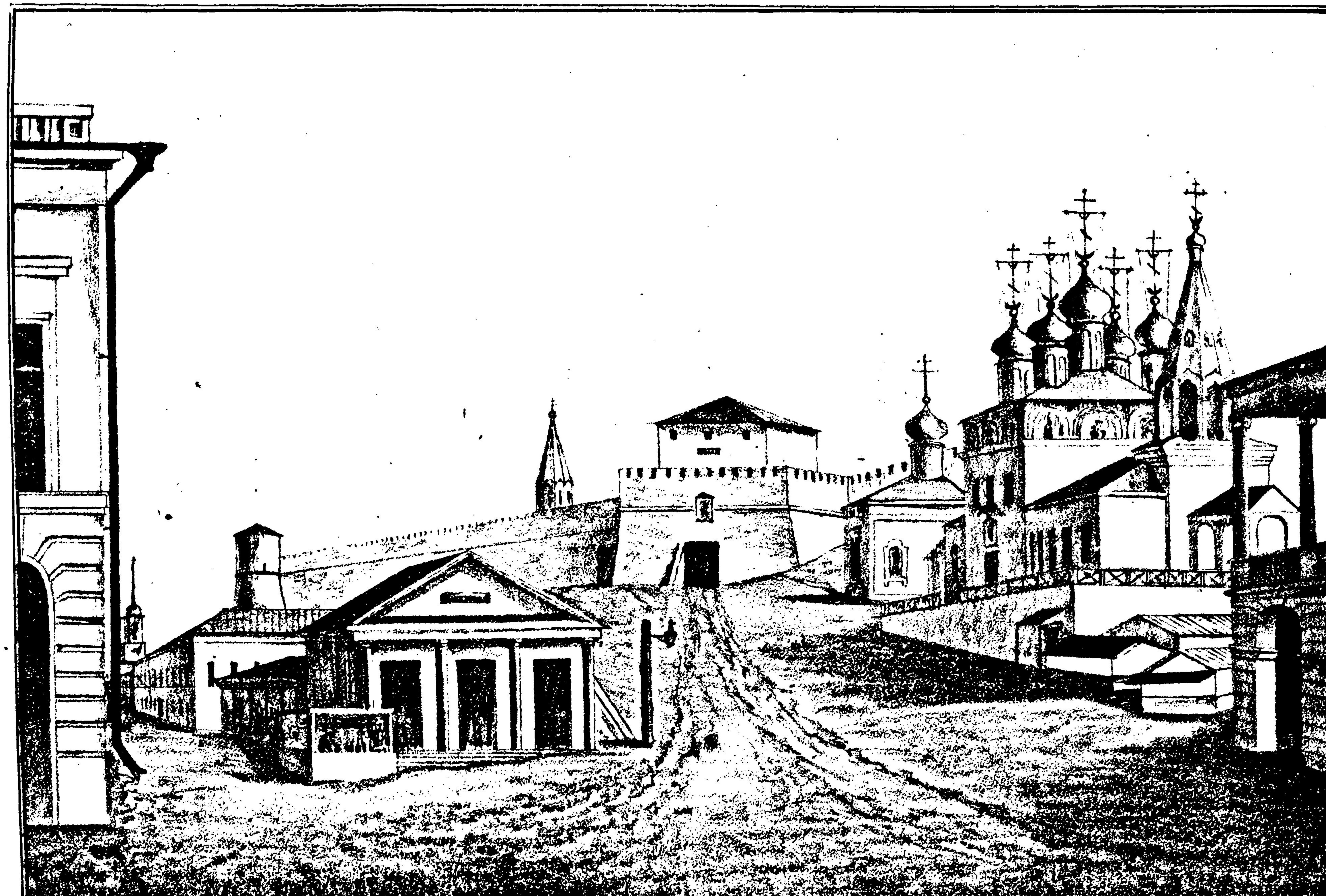

Рис. съ натуры Д. Быстрицкій. Лит. Нижегор. Губернс. Прав.

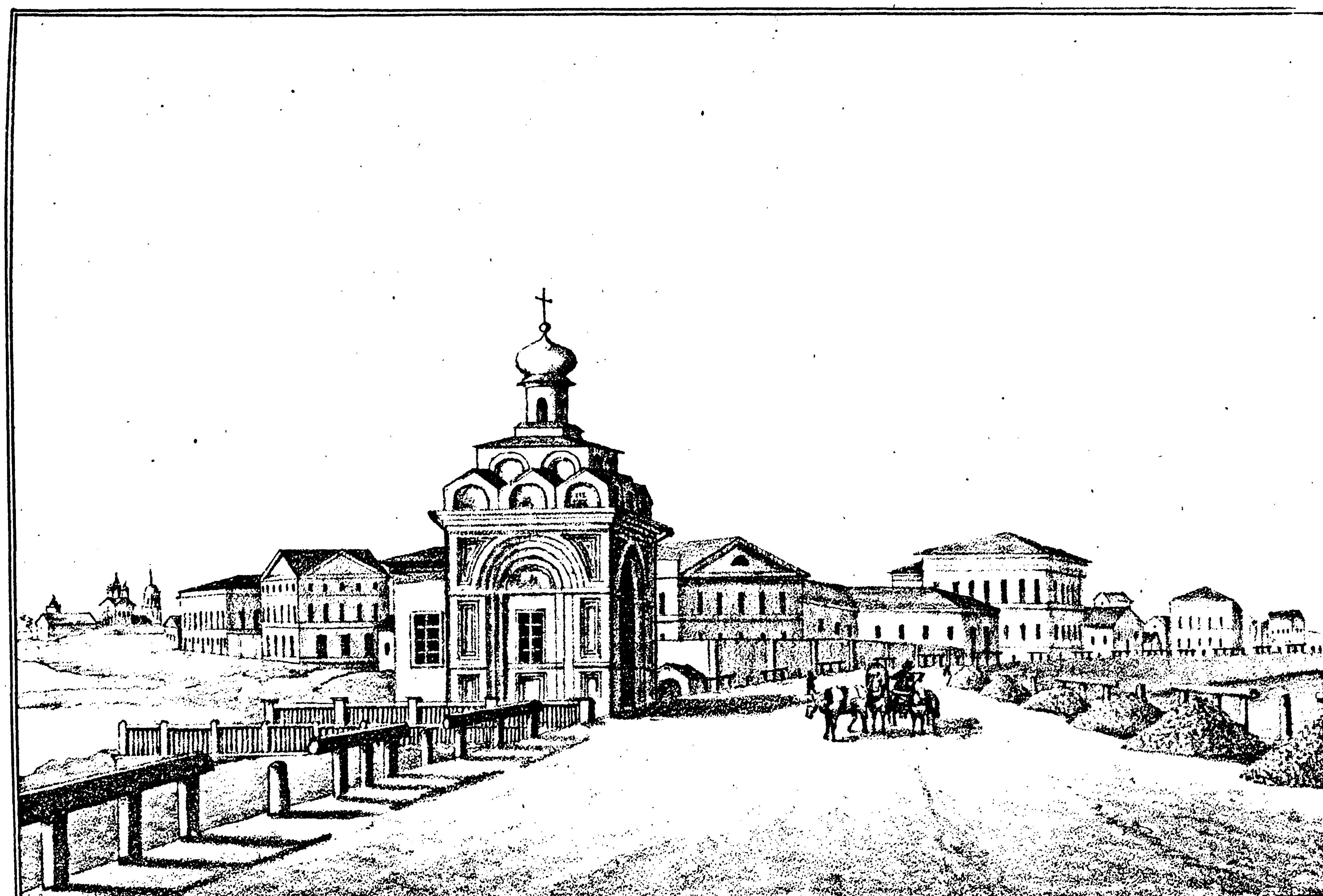
ЦЕРКОВЪ ІОАННА ПРЕДТЕЧИ И СПАССКАЯ ЧАСОВНЯ У ИВАНОВСКИХЪ ВОРОТЪ. (стр. 85)

15

Рис. съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл.

Ярморочный Соборъ.

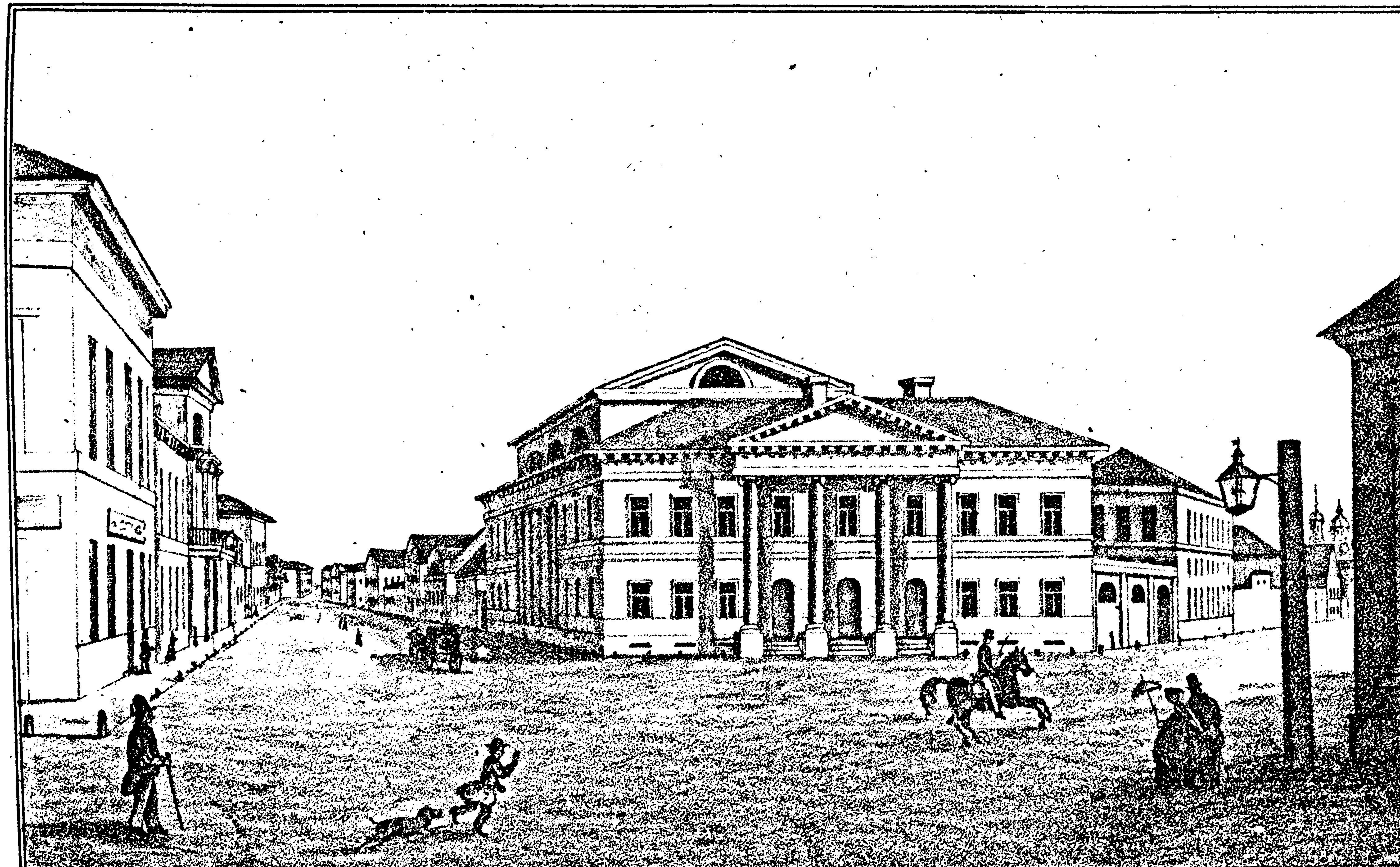
ЧАСОВНЯ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ БЛИЗЪ КУНАВИНСКОЙ СЛОБОДЫ. (стр. 116).

17

Рис съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Ниж. Губ. Правл.

Церковь св Сергія Радонеж Чудотворца бывшій монастырь на Пѣтушковѣ. (стр. 78).

Лит. Нижег. Губ. Правл. Рис. съ натуры Д. Быстрицкій

ДОМЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ. (стр. 9).

19

Рис. съ нат. Д. Быстрицкій. Лит. Нижегор. Губернс. прав.

ВЕРХНЕБАЗАРНАЯ ИЛИ АЛЕКСѢЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ. (стр. 8)

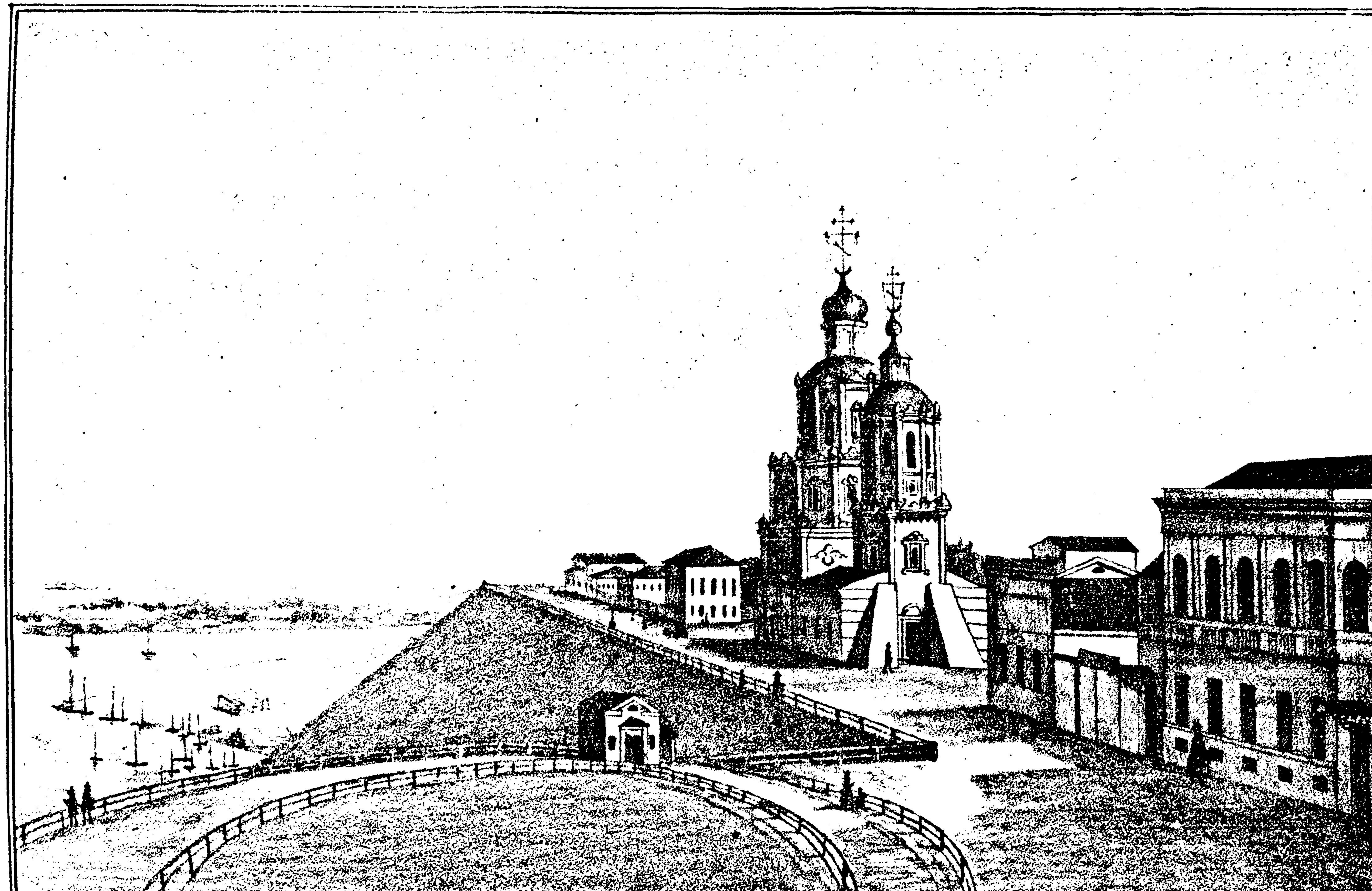

Рис съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл:

Церковь Св. Георгія побѣдоносца. (стр. 67).

Лит. Нижег. Губ. Правл.

Рисов. с натуры Д. Быстрицкий

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ СОБОРЪ. (стр. 59).

22

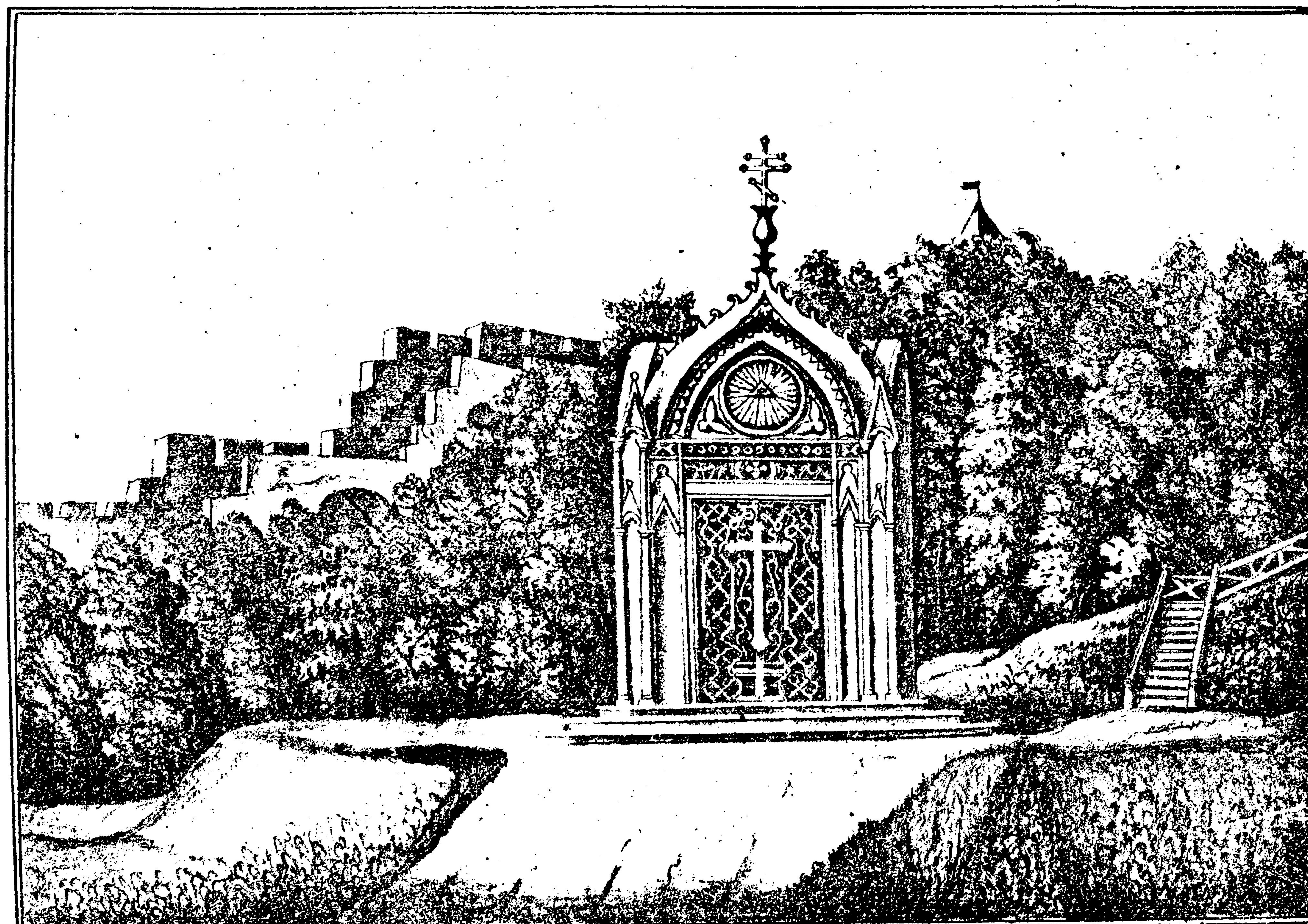

Рис съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл.

Часовня въ саду Военногубернаторскаго дома на мѣстѣ Духова Монастыря построенная въ 1855^{мъ} году (стр. 54).

23

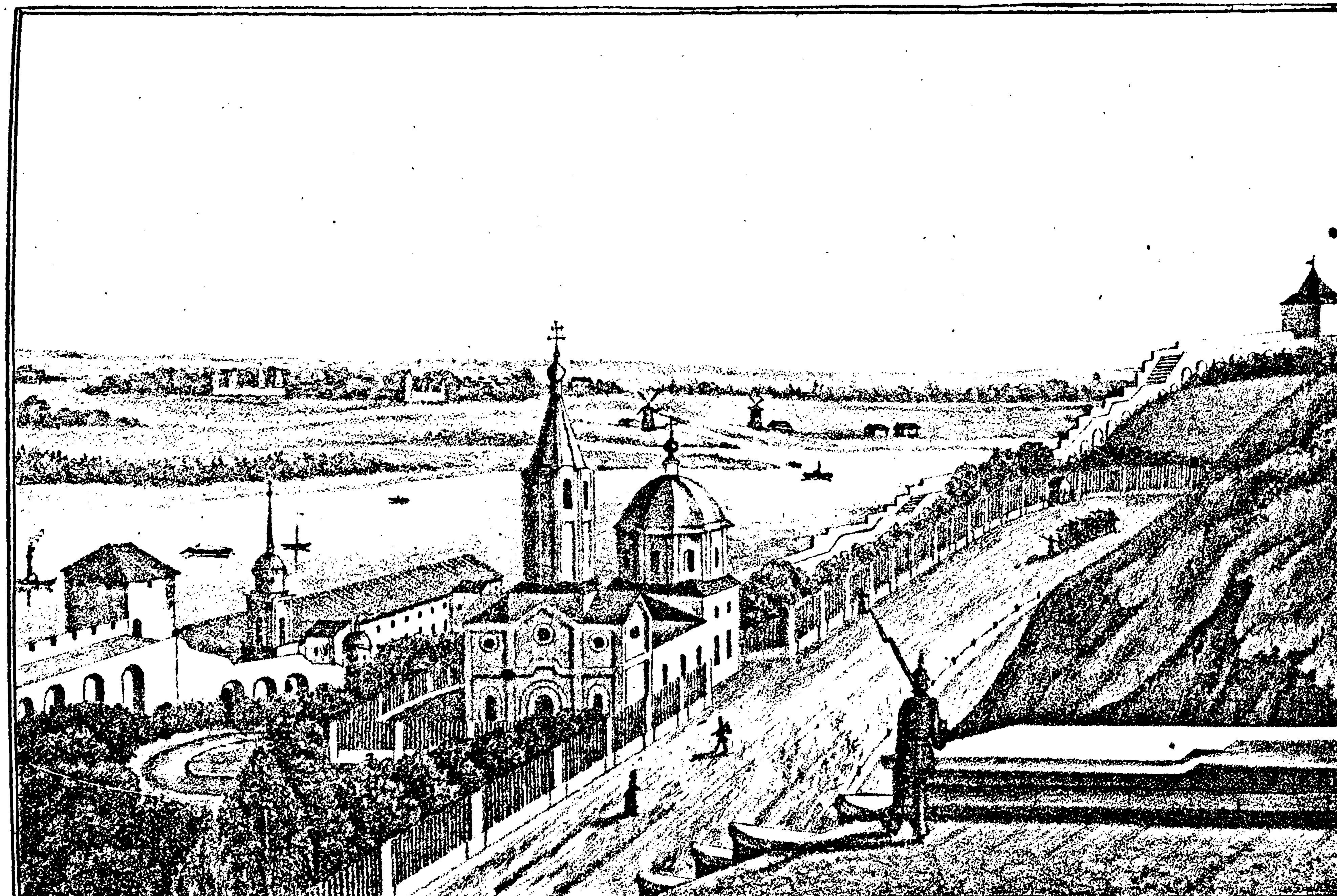

Рис. съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл.

Церковь Страстныя Богоматери или Симеона Столпника (стр. 50)

Единовѣрческая.

24

Лит. Нижегородск. Губ. Правлен.

ВИДЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ

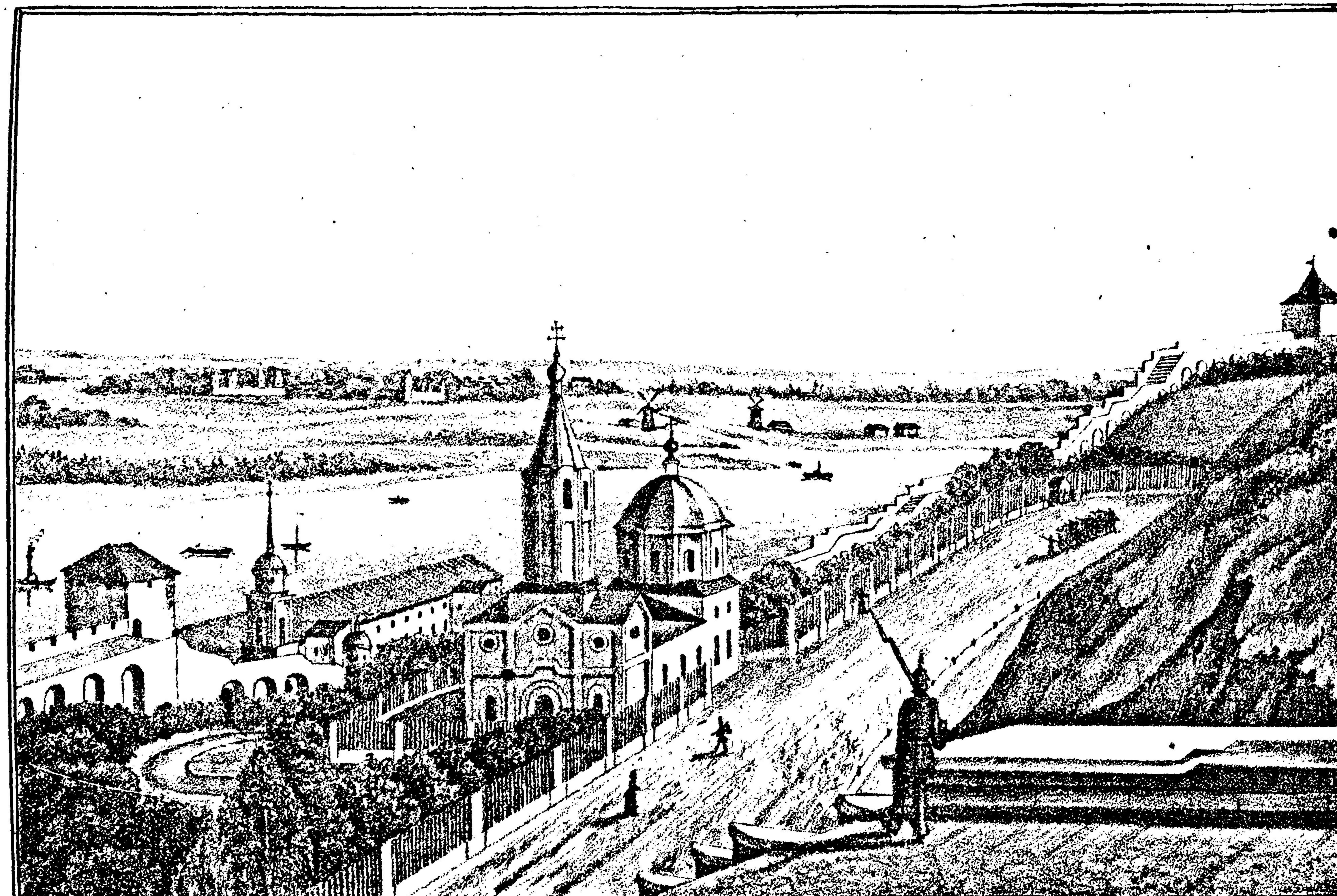

Рис. съ натуры Д. Быстрицкій. Литог. Нижег. Губ. Правл.

Церковь Страстныя Богоматери или Симеона Столпника (стр. 50)

Единовѣрческая.

24

Лит. Нижегородск. Губ. Правлен.

ВИДЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Chramcovskij, Nikolaj Ivanovič

Kratkij očerk istorii i opisanie Nižnjago-Novgoroda, v dvuch častjach S 28-ju vidami i 2-mja planami, snjatymi s natury Bystrickim, gravirovannymi na kamně. Izd. V. K. Mičurina
Bd.: 1

Nižnij-Novgorod 1857

4 Russ. 83 f-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb00004640-6